

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XVI

АЛЬМАНАХ

Рига

2007

ΦиАМ

ISSN – 1407 – 0898

Издание осуществлено с помощью ACER – RUSSIE
Обложка работы архимандрита Зинова

Редакционный совет

Наталия Большакова, главный редактор, Латвия

Священник Георгий Чистяков, Россия

Священник Владимир Зелинский, Италия

Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск

Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

© Международный Благотворительный Фонд
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2007

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом
и Сыном и Духом Святым,
Троицей единосущной
и Нераздельной. Аминь*

ВЕРА ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

Вся парадоксальность христианства, его вечная новизна, его, как бы, антиномичность, его «безумие», может быть, нигде себя так не обнаруживают, как в отношении к смерти.

Как-то митр. Антоний Сурожский заметил, что именно наше отношение к смерти может помочь нам понять, христиане мы или нет. Осознаем ли мы, что призваны участвовать в победе Христа над смертью, быть вестниками этой победы, ибо «поглощена смерть победою» (1 Кор 15:54) в ночь, когда Иисус воскрес из мертвых?

И весь опыт христианства за всю двухтысячелетнюю историю, в главном, основан на встрече с Воскресшим – на этом стоит все богословие, начиная с апостола Павла, все мученики, святые...

Христиан первых веков называли людьми, «которые не боятся смерти».

А сегодня все же человек боится смерти как и в античное дохристианское время, прячется от мысли о ней, не желает о ней ничего знать, делает вид, что ее нет, и, хотя мы носим смертность в своем теле от рождения, «ко всем умирающим мы относимся так, как бы они нечаянно умерли» (свт. Феофан Затворник).

«Мы все однажды пройдем через высшие страдания, именуемые смертью. Нам придется преодолеть этот переход – прыгнуть во тьму нашей веры, доверившись, как ребенок, Любви Отца, Который видит нас и ждет с распростертыми объятиями».¹

Как жить, чтобы не бояться смерти?

Как веровать, чтобы не бояться потерять близких?

Чего ждут от нас усопшие?

Как принять тайну страдания?

Как память о смерти, знание, что мы все умрем, сочетать с верой в то, что смерти уже нет?

Что происходит с человеком в момент смерти и дальше – по ту сторону бытия?

¹ Кардинал Лео Й. Сьоненс «Из жизни в жизнь». «Истина и Жизнь», М., 1999 г. С. 19.

Как научиться жить в Царстве Небесном?

Каково отношение к смерти и бессмертию в дохристианском мире?

Что говорит о смерти Библия?

Как эта тема раскрывается в изобразительном искусстве? – вот некоторые из тех вопросов, над которыми мы размышляем на страницах «Христианоса-XVI».

Когда задумывался этот номер альманаха и обсуждалась его тема, отец Георгий Чистяков, считающий такой разговор необходимым, собирался написать о Евангельском понимании смерти, а теперь его собственная смерть стала важнейшим событием в нашей жизни...

Конечно, мы далеки от мысли, что нам удалось охватить все аспекты этой бесконечной темы, о которой с древности неустанно размышляет религия, философия, искусство.

В статьях этого необычного номера читатель не найдет «правильных» ответов, более того, многие тексты могут показаться противоречивыми, а в некоторых из них, возможно, окажется больше вопросов, чем ответов.

Наша попытка собрать материалы и свидетельства священников, монахинь, мирян, богословов, писателей, библистов, не предполагала какой бы то ни было систематизации и единства взглядов в отношении темы смерти. Давно подступая к ней, мы хотели для начала просто предоставить пространство «Христианоса» размышлениям авторов, которым мы доверяем, не забывая при этом, что духовный опыт, опыт жизни и веры, контекст традиции и истории – у всех разные, и уже этим может объясняться «разномыслие» наших авторов.

Объединяет же все, публикуемое здесь, то, что – хоть и в малой степени, – это есть опыт Церкви Христовой, в котором богословские озарения и духовное видение святых переплетаются с поисками и размышлениями «обычного» христианина.

Редакционный совет альманаха «Христианос»

**ПАМЯТИ СВЯЩЕННИКА
ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА**

Священник Георгий Чистяков
(04.08.1953–22.06.2007)

НАТАЛИЯ БОЛЬШАКОВА

«ОТДАТЬ СЕБЯ ДО КОНЦА»

Призвание Георгия Чистякова

Вечером 22 июня 2007 года в Москве, после тяжелой болезни скончался Георгий Петрович Чистяков. Историк, филолог, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук. Автор многих статей, книг и переводов с древнегреческого и латинского (Плутарх, Полемон, Павсаний, Тит Ливий); богослов, библиист. Священник Русской Православной Церкви.

При всех блистательных способностях Георгия Петровича, был у него еще один дар – дар отцовства, который привел его на церковное служение. Георгий Чистяков был рукоположен во пресвитера в Зачатьевском монастыре в Москве (который находится в Зачатьевском переулке, где родился Георгий Петрович) патриархом Алексием II в 1993 году.

В советские годы у него не было возможности стать священником – Совет по делам религии не мог допустить, что молодой ученый, профессор, академик – и вдруг в священники пойдет... Он рассказывал мне, как в середине 80-х годов приезжал в Ригу, беседовал с митрополитом Леонидом (Поляковым), и как вл. Леонид предложил ему тайно рукоположить его. Георгий помолился, подумал и от тайного священства отказался, но владыку Леонида всегда вспоминал с особым чувством благодарности.

Отец Георгий говорил, что именно в таинстве священства он воспринял всё то, что потом все годы осуществлял – не только богослужения, проповеди, требы, катехизация – его служение не ограничивалось храмом. Когда он читал лекции в университетах, писал статьи и книги, организовывал семинары и конференции; ездил в колонии и тюрьмы; участвовал в радио- и телепередачах,

в создании спектаклей и фильмов – это тоже было его пастырским служением, к которому он был призван, и на которое был благословлен.

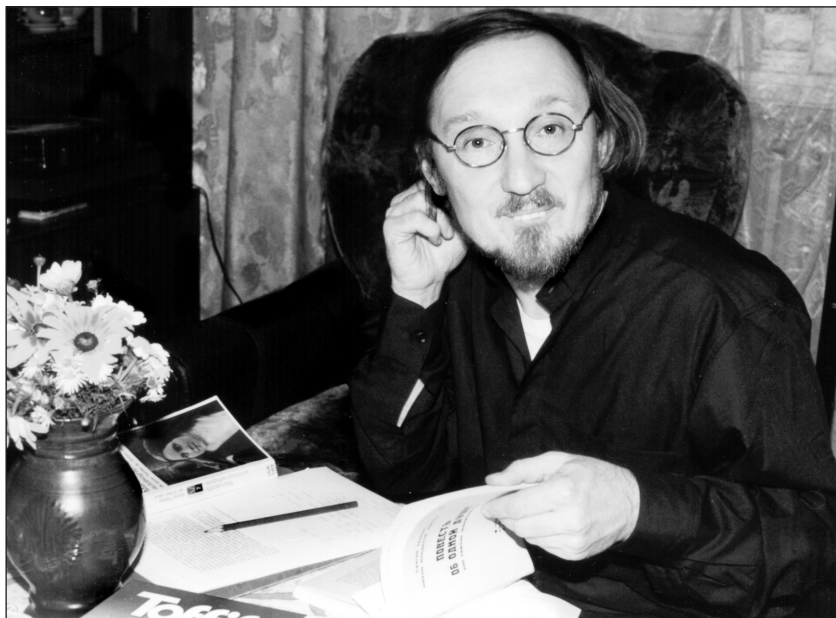
Когда я познакомилась с Георгием Петровичем Чистяковым, он был дьяконом. Это было в 1992 году. Невозможно забыть первое впечатление о нем. Я вхожу в московскую церковь свв. Космы и Дамиана в Столешниковом переулке и слышу пламенную проповедь. Замираю, слушаю, смотрю. Ошеломлена. Кто это, откуда он? Ну, просто Николай Бердяев!..

Это можно сравнить только с реакцией на книгу «Сын Человеческий», когда я читала первый раз эту книгу, имевшую вид машинописной рукописи без всякого авторства, и у меня дух захватывало от этих страниц, я думала, кто же автор?.. Ну, конечно, это не советский человек и не наш современник, но тогда откуда у него именно тот язык, на котором мы думаем и говорим?..

Отец Георгий говорил так, что это могло быть обращено только к нам и именно сегодня, при этом казалось, что этот, почти бестелесный, человек в простом черном подряснике – преемник, наследник, и, одновременно, современник Владимира Соловьева, Николая Бердяева, отца Павла Флоренского, отца Сергия Булгакова и отца Александра Меня. Чувство обновления, подъема, свободы и радости, наполнившее меня тогда – не забывается. И всегда с тех пор одно его появление в храме, даже в последние годы уже тяжело больного, вносило животворный дух свободы.

И было не только захватывающе интересно слушать его, но хотелось продолжать жить в этой атмосфере интеллектуальной и духовной свободы, исходившей от него. Его лекции, проповеди, статьи открывали богатейший мир культуры от античной до современной; культуры христианской; мир подвижников и святых, мыслителей и поэтов, – они словно приближались к нам, оживая и делаясь с нами своими мыслями, опытом.

Отец Георгий не анализировал только как исследователь эти миры, произведения и авторов, а свободно жил и мыслил как хрис-

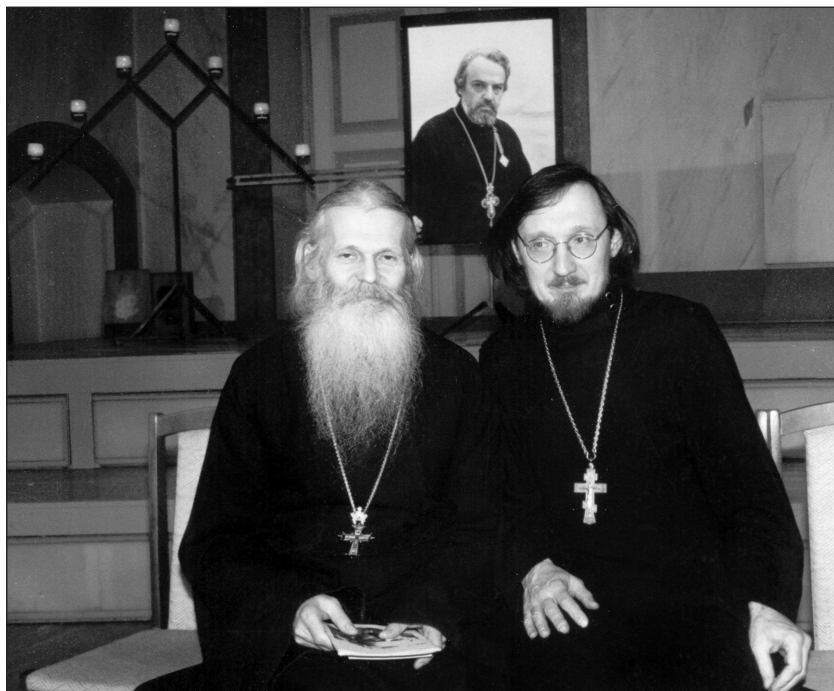
Отец Георгий Чистяков в Фонде им. Александра Меня.
Рига, сентябрь 1997 г.

тианин в этом пространстве, поэтому слово его было не для «специалистов», а для каждого, кто хотел узнать об истоках духовности, об истории христианства, религиозной мысли. Он равно любил и знал как западную культурную традицию и духовность, так и восточную в целом и, конечно, русскую. Удивительно глубоко знал житийную литературу, русскую агиографию. Благодаря отцу Георгию мы узнали многих святых – и западных и русских – с их особенными чертами, подвигом, жизненным контекстом. Прекрасно зная различия обрядов, литургических текстов, типов благочестия и пр. в западной и восточной христианских традициях, отец Георгий «дышал двумя легкими» (по слову поэта и философа Вячеслава Иванова), чувствовал себя полноправным

наследником мировой духовной культуры, порожденной христианским благовестием, членом Церкви Христовой, ее сыном и служителем. Слова, которые он сказал об отце Александре Мене, – отец Александр пришел к нам из единой неразделенной Церкви. Церкви Иоанна Златоуста, Василия Великого, Амвросия Медиоланского, блаженного Августина, Григория Двоеслова, Ефрема Сирина, прп. Сергия Радонежского, св. Франциска Ассизского, прп. Серафима Саровского, – в полной мере приложимы к нему самому. И поэтому тоже его служение в церкви было и останется благотворным.

Отец Георгий был преданным служителем и проповедником Слова Божия. Своей любовью к Библии он буквально заражал людей; призывал никогда не расставаться со Священным Писанием, читать его каждый день, особенно Евангелие и, если возможно, на разных языках, или, хотя бы, в разных переводах (к чему призывал и о. А. Мень). Сам о. Георгий читал Евангелие на разных языках: на греческом, на французском, на итальянском, на английском, на славянском, на русском. И, когда он комментировал какой-нибудь отрывок из Евангелия и сопоставлял смысловые оттенки, проявляющиеся в разных языках, то появлялся, как бы, дополнительный объем, дополнительное освещение, позволяющее увидеть другие, ранее скрытые, грани смысла, образов. Поразительное, порой, открывалось понимание текста. Но главным в его евангельской проповеди было то, что он сам жил Евангелием, питался им, смотрел на жизненные события в свете Евангелия. В своей лекции о святых о. Георгий говорит, что «святый – переводчик Евангелия на современный язык, не словами, а своими делами. Святый не развивает, а раскрывает Евангелие, от святых остается Евангелие, которое они прочитали не устами и не глазами, а самой своей жизнью».

Трудился о. Георгий постоянно, мужественно неся боль, не уступая болезни, сколько мог. И пастырем был 24 часа в сутки. Помню, как однажды вечером после, длинного трудового дня, который

Отец Виктор (Мамонтов) и отец Георгий Чистяков
на конференции памяти прот. Александра Меня
22 января 1997 г. Рига,
Международный Благотворительный Фонд им. А. Меня

начался с литургии, потом – лекции, и уже после работы в Библиотеке иностранной литературы, – он говорит, что еще должен сегодня поехать куда-то далеко, чтобы исповедовать какого-то больного человека, причем, незнакомого. А сам уже на пределе – страшно устал, чувствует себя плохо. Машины, естественно, нет, добираться туда долго и сложно. Я предлагаю позвонить, сказать, что не может приехать, что далеко, уже поздно, чтобы завтра позвали священника из церкви, которая поближе к дому, – ведь в Мос-

кве 500 священников, раз отец Георгий не его духовник, значит, можно и другого позвать, нет необходимости именно ему ехать... Отец Георгий соглашается – да, сейчас позвоню, все правильно и нет никаких сил... Звонит, просит прощения, что он еще не едет, потому что только что освободился, уточняет, как доехать, где делать пересадку и т.д. Потом смотрит виновато: «Надо ехать, не могу я не поехать...»

Огромное значение о. Георгий придавал личностному предстоянию христианина перед Богом. Когда я говорила ему о тяжелой невыносимой атмосфере в нашей православной церкви в Латвии, спрашивала совета, он ответил, что всегда, – но особенно в периоды кризиса – для церкви важна личная молитва каждого христианина, что от нашей молитвы зависит очень много, иногда она остается единственной «опорой» Бога.

Молился о. Георгий и совершал Евхаристию с такой отрешенностью и погруженностью, что вокруг него все остальное уходило, не оставалось ничего постороннего: ни звуков, ни мыслей, ни желаний. И какое-нибудь серое утро обычной пятницы превращалось в ось мироздания от реальности Божьего присутствия. Однажды на мои слова о том, что не хочется из «этого» выходить, он сказал, что жизнь может и должна стать Евхаристией.

Отец Георгий считал, что перед христианином стоит задача освящения бытия, преображения мира. Он был убежден, что социальная работа, забота о ближнем, о слабом есть нравственный долг человека, христианина и Церкви. Он ездил по колониям, по тюрьмам, чтобы говорить с молодыми людьми там, многие исповедовались у него, и он снова к ним приезжал, – они его ждали, потому что он любил их и хотел спасти. Ночами на Тверской разговаривал с проститутками – не мог спокойно смотреть, как гибнут молодые. В нем не было ни осуждения, ни ханжества – он боролся за жизнь, за душу, за спасение человека. У него было страстное желание освятить, очистить, поднять то, что валяется, что втоптанно в грязь, унижено. Так он понимал свое священническое слу-

жение в мире, где накопился дефицит отцовства, соединяющего в себе любовь и ответственность.

Поразительна щедрость отца Георгия! Глядя на него, можно было точно усвоить евангельскую истину о том, что «блаженнее давать, нежели брать». Однажды при мне отдал все деньги попросившему у него человеку. И многим помогал постоянно. У о. Георгия было острое чувство чужого страдания, и он отзывался на всякую нужду, болезнь, нищету, беду. Просто не мог видеть этого, так страдал, и всегда старался помочь. Не уговаривал себя какими-нибудь словами, а боролся с бедностью, болезнью окружающих, многим находил деньги на операции, очень переживал за женщин, работающих с ним в отделе религиозной литературы в Библиотеке иностранной литературы, получающих маленькую зарплату, носящих годами одно и то же платье, потертое пальто – он все это видел, потому что был внимателен к людям, его все касалось. Это были «его проблемы».

Сердце отца Георгия воспринимало страдание мира и конкретного человека, как то, что необходимо искупить, в чем необходимо участвовать. Это привело его в Российскую детскую клиническую больницу – место боли, скорби, отчаянной нужды. И он взвалил весь этот страшный груз на себя, будучи иногда для детей и их родителей единственной надеждой. Годами он неустанно добывал большие средства для больницы, для содержания и лечения детей. Годами отпевал, хоронил детей, вытаскивал из пропасти отчаяния, рыдая вместе с ними, их матерей, отцов, бабушек... Никогда не мог привыкнуть к тому, что дети в этой больнице умирают. Мучился, искал ответа, как искал его отец Сергей Булгаков, узнав о страданиях детей во время Второй мировой войны, и, как отец Сергей, – нашел его во внутреннем опыте своей веры, в откровении страдания, в открывшемся в нем страдании Христа.

В книге «Размышления с Евангелием в руках» отец Георгий пишет: «За последний месяц я похоронил шесть детей из больни-

цы, где каждую субботу служу литургию. Пять мальчиков: Женю, Антона, Сашу, Алешу и Игоря. И одну девочку – Женю Жмырко, семнадцатилетнюю красавицу, от которой осталась в иконостасе нашего больничного храма икона великомученика Пантелеимона. Умерла она от лейкоза. Умирала долго и мучительно, не помогало ничто. И этот месяц не какой-то особенный. Пять детских гробов в месяц – это статистика.

...Легко верить в Бога, когда идешь летом через поле. Сияет солнце, и цветы благоухают, а воздух дрожит, напоенный их ароматом.

А тут? Бог? Где Он? Если Он благ, всеведущ и всемогущ, то почему молчит?

...Господи! Что же делать? Я смотрю на Твой крест и вижу, как мучительно Ты на нем умираешь. Смотрю на Твои язвы и вижу Тебя мертвым, нага, непогребенным... Ты в этом мире разделил нашу боль. Ты как один из нас, восклицаешь, умирая на своем кресте: «Боже, Боже мой, почему Ты меня оставил». Ты, как один из нас, как Женя, как Антон, как Алеша, как, в конце концов, каждый из нас, задал Богу страшный этот вопрос и «испустил дух».

...Зачем все это? Не знаю. Но знаю, что Христос соединяется с нами в беде, в боли, в богооставленности – у гроба умершего ребенка я чувствую Его присутствие. ...и с болью сквозь слезы и сквозь отчаяние верю – Ты воистину воскрес, мой Господь».¹

Когда отец Георгий умер, мы получили записку от Наталии Белевцевой: «Дорогие! Без вас ушел отец Георгий... Я, когда нагнулась, чтобы проститься, увидела блаженное, слегка улыбающееся лицо».

Отец Георгий – как Януш Корчак, до последнего героически боровшийся за жизнь детей, добровольно разделивший с детьми их страдания и смерть, как мать Мария (Скобцова) и отец Дмитрий Клепинин и многие другие святые нашего времени, испол-

¹ Г. Чистяков. «Размышления с Евангелием в руках». М., «Путь», 1996 г. С. 44, 45–46, 48.

нившие заповедь Христову и положившие жизнь за «други своя», за нас...

«Отдать себя до конца – вот это и есть евангельский подвиг. Только этим спасается мир». (Прот. Александр Мень).

*Рига,
июль 2007 г.*

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

«ОН ПОШЕЛ ЗА ХРИСТОМ ДО КОНЦА»

(Проповедь в храме Успения Пресвятой Богородицы
в Успенском Вражке)

23.06.2007 г. Суббота. Литургия
(Рим 6:11-17; Мф 8:14-23)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

В сегодняшнем евангельском отрывке есть один момент, на который мы с вами много раз обращали внимание. Казалось бы, Господь заинтересован в привлечении к Себе учеников; тем более, учеников авторитетных, образованных, пользующихся уважением среди народа. И ради привлечения таких учеников можно было бы пойти на многое. Но Господь этого не делает.

Один из книжников говорит Ему: «Я пойду за Тобой». И вот Иисус Христос вместо того, чтобы сказать ему: «Да, конечно! Ты Мне будешь очень нужен, ты Мне очень поможешь», – говорит ему: «Подумай! Птицы имеют гнезда, лисы имеют норы, а Сыну Человеческому негде даже главу приклонить. Если ты пойдешь за Мной, тебе очень трудно будет заниматься твоим любимым делом, тебе трудно будет заниматься книжным делом».

Вообще «книжность» и следование за Христом, это казалось бы, такие несовместимые понятия! Книжник – это кабинетный ученый, это тот, кто сидит в уютном доме, укутавшись в теплый халат, засунув ноги в какой-нибудь теплый валенок, занимаясь книгами. А следовать за Христом – это так неудобно, это так трудно! Господь честен по отношению к тем, кто хочет следовать за Ним.

Мы не знаем, стал ли этот книжник учеником Христовым, последовал ли он за Ним. Но я знаю одного книжника, который по-

следовал за Христом до конца, который оставил свое любимое книжное дело и стал священником Божиим.

Более того, даже когда он стал священником, перед ним был выбор: он мог поехать за границу, ему предлагали там профессорские места, кафедры. Он мог заниматься своим любимым делом и быть при этом священником. Но он стал приходским священником. Более того, он стал священником в больнице, в Республиканской Детской больнице. Он разделил боль и страдания с маленькими пациентами этой больницы. Более того, он принял на себя их немощи и понес их болезни. Я говорю об отце Георгии Чистякове. Он пошел за Христом *до конца*, он во всем подражал Ему.

И вот вчера он совершил последние шаги в этом следовании за Христом на этой земле. Вчера он умер. Теперь он следует за Христом по небесам. Не книжное это дело – следовать за Христом, но вот отец Георгий выбрал Христа. И теперь он предстоит престолу Божьему, теперь он молится о нас, теперь у нас на небесах еще один заступник, еще один утешитель, еще один святой, на которого мы можем положиться.

Да хранит вас Господь!

«ПРЕЛОЖИВШИЙСЯ В ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ»

(Проповедь в храме Успения Пресвятой Богородицы
в Успенском Вражке)

24.06.07. Воскресенье. Литургия
(Мф 8:5-13)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Вчера по радио «Эхо Москвы» сообщили: «Не стало отца Георгия Чистякова». Накануне мне звонили: «Умер отец Георгий Чистяков». Иногда, когда происходят события, подобные этому, мы, чтобы как-то смягчить выражение говорим: «Ушел из нашей жизни близкий нам человек».

Но если мы христиане, если мы верующие, как мы можем все это говорить? Что значит, умер отец Георгий Чистяков? Это значит, мы его вычеркнули из списка живых? Но это наша проблема, это не его проблема, это не он умер, это мы его таким образом умертвили. Мы говорим: «не стало». Что значит – не стало? Где не стало? В нашей жизни его не стало? Но это не значит, что его не стало для Бога, для других людей.

Мы говорим: «ушел из нашей жизни». Что значит – ушел из нашей жизни? Это можно сказать о любом живом человеке. Мы можем сказать любому живому человеку: «все, ты умер для меня, тебя больше не стало в моей жизни, ты ушел из моей жизни, я не хочу тебя знать». То есть, это наша проблема. Не отец Георгий умер, это не он ушел, это не его не стало. Это мы его вычеркнули отовсюду. Так какие мы христиане?

Но кто-то может сказать: «ведь, мы не можем с ним общаться, мы не можем его видеть!» Так вот, я честно скажу, что последние годы, когда я стал служить в этом храме, мы с ним, вообще, мало общались, и я не часто его видел. Но это не значит, что он умер для меня. Я знал и знаю, что он есть; я знал и знаю, что он любит меня; я знал и знаю, что он молится обо мне, а я молюсь о нем. А что еще нужно?

То же самое было в конце 80-х годов с отцом Александром Менин. Мы с ним очень редко встречались: он служил в одной деревне Московской области, а я в другой. Но это не значит, что он умер для меня, или я умер для него. Я знал, что он есть, я знал и знаю, что он любит меня и что он молится обо мне, а я люблю его и молюсь о нем. Что еще надо?!

Нам всегда нужно какое-то вещественное, материальное присутствие. Но вот в сегодняшнем евангельском отрывке мы читаем, что это показатель не веры, а неверия. Господь говорит сотнику: «Я приду в твой дом», а сотник говорит: «Господи, что Ты, я не достоин этого, я не достоин, чтобы Ты вещественно, материально, физически был в моем доме. Но скажи только слово, подумай только, только захоти, и мой слуга выздоровеет, и все будет в по-

рядке». Так и произошло.

Вот точно так же происходит наше общение с родными и близкими, дорогими нам людьми, «ушедшими из нашей жизни». Мы знаем, что они живы, что они есть. Мы молимся о них, а они молятся о нас. Они любят нас, а мы любим их. И никто не умирал, и никто не умирает. Нет смерти!!!

Если мы христиане, о какой смерти мы говорим? Если мы верующие, как мы можем говорить, что кого-то не стало, что кто-то ушел? У нас даже слова подходящего нет.

Но ведь все-таки что-то произошло? Какими словами это назвать: «усоп, уснул»? Но эти слова означают – спящий, сонный. Какой же отец Георгий спящий, какой же он сонный. Я не представляю себе отца Георгия спящим, сонным. Он даже, когда нужно было спать, не спал. Как он может сейчас спать? Это слово не подходит. Есть у нас еще слово «покойный». Но это слово тоже отцу Георгию не подходит. Успокоенный, покойный, – он всегда был такой заводной, что я не могу представить себе его сегодня спокойным. Есть еще слово «новопреставленный». А потом как? Преставленный? Но это еще куда не шло.

Есть еще хорошее слово: «преложившийся». Как Святые Дары. Хлеб и вино предлагаются в Тело и Кровь Христову.

Вот так и человек прелгается в жизнь вечную: меняется модус его существования и, если можно так сказать, его социальный статус. Но, ни в коем случае, – не «умер», ни в коем случае не «ушел», ни в коем случае не – «его не стало». Давайте задумаемся об этом. Потому что это очень важно!

Да, хранит вас Господь!

Слово протоиерея Александра Борисова на панихиде по кончине отца Георгия

(Храм свв. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине)

25.06.07

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Мы провожаем в последний путь христианина, замечательно-го священника, замечательного человека отца Георгия. И конечно два чувства соединяются сегодня вместе. Первое, самое сильное, наверное, – горестное чувство утраты, что мы не увидим отца Георгия на службе, не сможем подойти к нему на исповедь и за утешением, не услышим его замечательные проповеди. Храм Покрова в Российской детской клинической больнице будет лишен своего основателя и человека, который был душой этого замечательного и героического служения.

Но я хочу, чтобы мы все-таки не забывали и о другой стороне события, переживаемого нами сегодня, – о благодарности за то, что мы встретили этого человека в нашей жизни; о благодарности за то, как много он сумел нам дать, как многому сумел научить, как много осталось от него не только в наших сердцах, но осталось в написанных им книгах, проповедях. И всё это будет продолжать жить и совершать свою работу, как посев, который Господь дал ему содейть за такую сравнительно короткую жизнь.

И нам очень важно сейчас не только погружаться в это безысходное горе, но и стараться воскресить в себе всё то самое главное, самое нужное, чем жил отец Георгий: противостояние всякой ненависти, всякому разделению, всякому превозношению; противостояние всякому злу, вплоть до такого крайнего почти бунта: почему уходят дети?

И вот этот дивный человек от нас ушел. Излишне напоминать о том, что, конечно, он не ушел в том смысле, как исчезает из жизни что-то материальное. Человек как существо, облеченное образом

Божиим, Духом Божиим, переходит в другое бытие. Из этого бытия он видит нас и молится о нас. Неслучайно он некоторым людям говорил: я буду молиться за вас и далее. Это, несомненно, так. Поэтому важно, чтобы в нашей скорби присутствовали удивление и благодарность Богу: «Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев». Я имею в виду святых не канонизированных, а святых как людей, которые являют принадлежность Богу, для которых Бог, Его правда, Его жизнь были содержанием их существования. Таким был отец Георгий.

Он так удивительно умел сочувствовать, сопереживать всякому горю, которому даже нельзя помочь словами. Думаю, что этому он нас всех учил, и в какой-то мере, я думаю, мы этот урок его восприняли. Поэтому я бы очень хотел, чтобы в тех молитвах, которые мы будет сейчас возносить, присутствовала и вот эта радость – как некое, я бы сказал, удивление, что Господь дарует таких замечательных людей на нашем жизненном пути.

**Слово, сказанное протоиереем Феодором Рожицом
на погребальной литургии
в храме свв. Космы и Дамиана в Шубине**

26.06.2007

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Блажен яже избрал и приял еси, Господи, и память его в род и род.

В жизни каждого человека, дорогие братья и сестры, есть особые дни – когда человек рождается в этот мир, когда человек принимает Таинство Крещения и рождается для жизни духовной и все в жизни человека таинственно, величественно и облагодатствовано. Ибо человек – это творение Божие, Господь сотворил его по Своему образу и подобию, наделил его разумом и свободной волей, которая и определяет личность человека. Наступают дни жизни, когда эта тайна открывается в человеке в Таинстве Святого Крещения, всевается в сердце человеческое зерно Духа Святого, Благодати Божией. И дальше от человека требуется определенный образ жизни, чтобы возделывать ту почву, на которую попало это зерно, чтобы оно прозябло, произросло и в нужный момент принесло свой плод.

В жизни человека наступают и другие тайнодействия – Таинство Миропомазания, Таинство Исповеди, Таинство Святого Причащения. Немногие сподобляются и еще одного, уже редкого Таинства, которое не обязательно для каждого человека, но, как говорится в Священном Писании, «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал», – прибегает человек к Таинству священства. И здесь на этого человека возлагаются бремена – бремена благодатные, великие, непростые, бремена пастырства, когда он практически отрекается от самого себя, от своей семьи, и вверяется ему паства. И Господь спросит у пастыря за паству. Поэтому каждый дерзнувший на это великое и святое делание несет пред Богом великую ответственность молитвенного предстояния пред Престолом, молит-

венного призывания Святого Духа на приходящих, предстоящих и молящихся. Иоанн Златоуст восклицает: «Каковы руки должны быть священника? – Они должны быть чище лучей солнечных, чтобы снисходила благодать Божия».

Великий этот подвиг священнического служения. Но священник – человек. И наступает так же и в его жизни очень важный момент, день, когда господь его призывает к Себе. Порой нам трудно объяснить, почему в молодом еще возрасте Господь призывает к Себе человека. Но кто-то из мудрых подвижников благочестия говорит, что, когда мы хотим принести дар любимому человеку, то мы выбираем самый красивый, самый нужный подарок. Если это цветы, то самые лучшие цветы. Тот, кто принимает дар, благодарен этому вниманию. Так и Господь призвал сегодня в обители Свои Вечные батюшку, отца Георгия в лучшие дни его жизни, как цвет не опавший, не завявший, но благоухающий. Когда рождается человек, мы радуемся. И сегодня тоже рождение, ибо рождается человек в Жизнь Вечную, в Жизнь Благодатную с Богом. Жизнь, которую выбирал для себя служитель Божий, ибо хотел быть с Богом.

Мы сегодня по-человечески скорбим и плачем. Плачем, потому что прощаемся, отправляя в дальний путь нашего собрата, потому что знаем, что больше нам не удастся созерцать его, быть рядом, слышать его напутствия, слышать переживания его о пастве, назидаться его молитвой, обращаться к нему за молитвенным предстательством. И это зная, скорбь сдавливает наше сердце, слезы накатываются на глаза, и мы скорбим.

Но говорит ап. Павел верным в Послании к Солунянам: я не хочу, чтобы вы пребывали в неведении, как те, которые не имеют упования. Ибо Христос умер и воскрес, и мы по обновлении начнем новую жизнь во Христе Иисусе.

Когда умирает кормилец семьи, отец – горе для семьи, потеря кормильца. Когда умирает батюшка на приходе – тогда еще большая скорбь, потому что многие теряют своего духовного наставника, руководителя в духовной жизни. Но это, с другой сто-

роны, всех нас призывает к общему согласию, к общей молитве, и Святейший наш Патриарх сегодня вам, дорогие братья и сестры, прихожане этого собора, ну а в первую очередь настоятелю храма протоиерею Александру Борисову прислал свою телеграмму по случаю смерти отца Георгия. Вместе с вашим приходом и его настоятелем и всеми собратиями скорбит владыка Ювеналий, также обращаясь к отцу настоятелю. Так что, дорогой батюшка отец настоятель, дорогие братья и сестры, примите и соболезнования от нашего Сретенского благочиния. Сегодня наш благочинный, отец Олег, не может здесь быть – он в лечебном отпуске. А меня священноначалие благословило в помощь о. Олегу по благочинническим делам, поэтому я здесь и оказался сегодня, хотя я бы приехал и так на молитву, на прощание с батюшкой отцом Георгием. Царство его Божие, вечный ему покой, пусть Господь упокоит его душу, идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Помолимся!

**Слово, сказанное протоиереем Александром Борисовым
на погребальной литургии
в храме свв. Космы и Дамиана в Шубине**

26.06.2007

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

При всей своей ужасающей трагичности смерть подобна последнему удару резца скульптора, когда произведение его уже закончено. И вот когда Господь призывает человека, особенно такого яркого, талантливого, который так много в своей жизни принес замечательных плодов, его кончина действительно позволяет увидеть его, служителя Божия, священника, христианина в полном расцвете его как создания Божия. Отец Георгий удивительным образом сочетал в себе высочайшую культуру, высочайшую эрудицию, знание современных европейских и древних языков, блестящее знание классической литературы – и, конечно, современной; человек, который удивительно быстро читал и обладал поразительной, феноменальной памятью. И всё это он принес в служение Церкви.

Множество учебных заведений хотели видеть его среди своего преподавательского состава, не только в России, но и за границей. И, тем не менее, о. Георгий избирает это служение. Он сочетал высочайший уровень культуры, эрудиции, знания с глубокой верой и глубоким чувствованием Бога, чувствованием Христа. Я, наверное, на всю жизнь запомню его удивительно проникновенные слова, когда он говорил перед Причастием: «Сейчас распахнутся Царские врата, и Христос выйдет навстречу нам». И это не было для него просто метафорой, это было действительно глубочайшим переживанием его сердца. В этой близости Христа, в Христовых Тайнах, в Таинствах Церкви, в Евангелии, во всем, что связано с жизнью христианина. И плоды, которые он принес в своей жизни, соответствуют этому глубокому проникновению в тайну христианства как Богочеловечества, как непостижимой, необъяснимой для нас любви Божьей, которая соединяет нас с Твор-

цом мира – нас, крошечных созданий в бесконечной вселенной, жизнь которых – мгновение по сравнению с окружающей материальной природой, и, тем не менее, в нас вложен образ Творения. И задача человека – в том, чтобы соединиться с Творцом.

Этой задаче отец Георгий служил сам в полной мере. Он был подобен многим замечательным людям, которые открыли для себя Бога и помогали другим открыть Его для себя.

Его служение было поистине героическим. Он был человеком слабого здоровья, и ему приходилось себя всё время преодолевать. И, тем не менее, с самого начала нашей жизни здесь, на приходе, он взял эстафету из руки отца Александра Меня и продолжил служение в Российской детской клинической больнице. Тяжелейшее служение в отделениях пересадки почки, онкологии, лейкозов, т.е. там, где половина маленьких пациентов, к сожалению, обречена на гибель, современная медицина еще не в силах им помочь. Он создал прекрасную группу прихожан, которые собирали средства, утешали, занимали этих детей, разделяли с отцом Георгием скорбь, когда приходилось отпевать их и выносить эти маленькие гробики из храма Покрова пресвятой Богородицы, который он же, в сущности, и создал при Российской детской клинической больнице. Утешать матерей, родителей этих детей. Как им объяснить, почему другие живут, а их любимое чадо ушло из этой жизни?

Отец Георгий обладал замечательным даром сочувствия. Он как-то сказал: «Знаете, почему я могу нести это служение и помогать этим людям? Потому что я могу плакать, рыдать вместе с ними». И действительно, это служение, которое отнимало у него множество сил, но и давало ему огромные богатства, умение сочувствовать людям не только в этом крайнем горе, но и каждому человеку, который к нему приходил. Не случайно поэтому выстраивались такие длинные очереди к нему на исповедь – он каждому человеку умел найти нужное слово, которое касалось самой глубины его горя, его переживания.

Много можно говорить о замечательном нашем пастыре. Скажу только последнее: что нам важно с уходом его из нашей види-

мой жизни не растерять все те семена, которые он с таким старанием, с таким горячим сердцем хотел оставить в нас, и жить так, чтобы эти семена дали всходы. Не уходить из храма и из Церкви в целом – потому что, вот, отца Георгия теперь нет, и не к кому теперь идти, – но идти ко Христу. Он нас вел ко Христу, конечно, вел своими дарованиями, как каждый пастырь, – клал их на алтарь, чтобы мы шли ко Христу, учились, продолжали учиться у него открывать для себя Христа.

Слава Богу, что после него остались замечательные книги, проповеди, надо вчитываться в них больше и больше, чтобы эту мысль каждый для себя, его главное желание смог понять и укоренить в своем сердце.

Будем молиться о нашем дорогом собрате, вместе с печалью и горем в нашем сердце надо найти место для благодарности за то, что Бог нам дал такого человека на жизненном пути. Быть может, многое у многих людей сложилось бы иначе, если б мы его не встретили. Аминь.

**Слово прощания,
сказанное священником Владимиром Лапшиным
у стен храма свв. бессребреников Космы и Дамиана¹**

26.06.2007

...Здесь собрались люди – сотни, тысячи человек, великое множество которых не смог вместить этот не самый маленький в Москве храм. Собрались священники, которые приехали не по звонку благочинного, которых никто специально не звал. Собрались для общей молитвы.

Но что *наша* молитва, когда в это время вместе с нами на небесах ликовал хор ангелов и архангелов, ангелов-хранителей маленьких пациентов Российской детской клинической больницы – десятков, сотен, а может быть, и тысяч детишек, отмоленных отцом Георгием, вымоленных им – тех, чью жизнь он спас, приняв на себя их болезни, понеся их страдание.

И когда такой хор, такое ликование на небесах, ну как тут печалиться? Радость, радость: Христос воскрес, и отец Георгий воскреснет, и отец Георгий жив.

Мы говорим: умер, не стало, ушел... Ну что значит ушел? От кого он ушел? От нас разве можно уйти? Мы его и там достанем!

Что значит, не стало? Для кого его не стало? Для нас не стало? Неправда! Для Бога не стало? Тоже неправда! Что значит, умер, если смерти нет, если Господь воскрес и смертью смерть поправ! Что значит: «он умер»?..

Так что давайте будем радоваться! Будем радоваться, что у нас на небесах стало одним предстоятелем больше, одним молитвенником за нас, грешных, стало больше перед престолом Божиим. Пусть радость переполняет ваши сердца!

¹ Печатается в сокращении по техническим причинам – из-за уличного шума часть магнитофонной записи невозможно расшифровать.

**Слово, сказанное
протоиереем Александром Борисовым
на погребении отца Георгия
на Пятницком кладбище**

26.06.07

Царствие Небесное и вечный покой новопреставленному иерею Георгию. Господь да упокоит его в Своих обителях и с праведными сопричтет, а нас помилует, яко Благ и Человеколюбец.

Дорогие мои, я более всего желаю и вам, и себе в эти дни не только скорбеть, но и вспоминать все то самое важное, самое значимое, что мы получили – кто-то, может быть, меньше, кто-то больше – за годы знакомства с этим замечательным человеком, пастырем, христианином отцом Георгием. И возвращаться к этим воспоминаниям. Думаю, даже хорошо их записать, потому что кажется: ну, это я никогда не забуду, как же, как можно! – а потом проходит время, и всё забывается.

Может быть, мы соберем какой-то сборник, чтобы этот труд его – действительно у него такая основная жизненная интенция: трудиться, действовать, не просто так, а действовать на благо, – чтобы мы это впитали в себя, зафиксировали и своей последующей жизнью старались восполнять, воспроизводить.

Это будет, я думаю, самый лучший памятник отцу Георгию. Потому что и цветы засыхают, и кресты приходят в ветхость, а вот это живет. Христианство – оно тем и сильно: не своей победоносностью, а своей неуничтожимостью. Оно передается из поколения в поколение, из века в век.

Эта доминанта расставания... Мы пережили его как какое-то очень значимое в нашей жизни событие, которое, я думаю, очень долго будут помнить. Это очень важная веха: закончился этап нашей жизни – с отцом Георгием, начинается другой этап жизни – без него, с тем, чтобы всё это воспроизводить, впитывать и воплощать в нашей жизни.

Сейчас, кто может, приезжайте, пожалуйста, в храм, и там продолжим общение вместе, как члены одной Церкви, как члены одного прихода.

Всех благодарю, всех прихожан. Все вы проявили себя именно как христиане. Действительно, благодать Божия пребывала с нами и в этот печальный, но и очень значимый для нашего будущего, день.

Слово при погребении
иерея Георгия Чистякова – 26 июня 2007 г.,
сказанное его высокопреосвященством архиепископом
ТАДЕУШЕМ КОНДРУСЕВИЧЕМ –
митрополитом Архиепархии Божией Матери (Москва)

Уважаемые братья и сестры!

Смерть каждого человека, в том числе и священника, заставляет нас задуматься над смыслом человеческой жизни. Вот мы пришли сюда, на это место, где прах почившего новопреставленного отца Георгия будет ожидать Дня воскресения. И мы сегодня задаем себе вопрос: неужели этой тропинкой к могиле для человека заканчивается его жизнь? Христианство, – как Католическая, так и Православная Церковь, – учит нас, что – нет. Мы веруем в Воскресение Христа и эту истину о Воскресении Христа всей своей жизнью проповедовал также и отец Георгий. Он перешел из видимой жизни в жизнь невидимую. Ушел Человек с большой буквы, человек великого масштаба: великий гуманист, ученый, богослов, человек диалога. Человек, очень сильно переживавший болезненное разделение христиан. Для него это разделение – всегда была кровоточащая рана на мистическом Телес Господа. И он старался ее лечить. Я неоднократно был свидетелем этого. Он бывал на богослужениях в наших храмах, он выступал на различного рода конференциях, с ним всегда было приятно поговорить. Потому, что он знал, что только в единении наша сила. И сегодня, когда мир переживает кризис духовный, сегодня, когда мы переживаем время потребительства, время секуляризма, время нравственного релятивизма, – только вместе мы можем ответить на эти вызовы, и это очень хорошо знал отец Георгий.

Отец Георгий, сегодня с тобой прощается Православная Церковь, прощаются твои близкие, друзья, знакомые. Но прощается также и Католическая Церковь. Весть о твоей смерти застала меня

в Иркутске. В прошедшее воскресенье, два дня тому назад, я предстоял на Святой Мессе в Кафедральном соборе в Иркутске. И мы молились о упокоении твоей души. Во всех приходах нашей архиепархии Божией Матери в Москве в воскресенье и сегодня возносились и возносятся молитвы о том, чтобы милостивый Господь принял тебя в Свое Царствие. Ты радел о единстве христиан. Я сегодня верю, – говоря словами нынешнего Папы Бенедикта XVI, а тогда еще кардинала Йозефа Ратцингера, которые он сказал во время похорон Папы Иоанна Павла II, – что ты тоже стоишь в окне Небесного Отца и видишь всех нас, видишь этих людей, особенно молодых людей, которые пришли попрощаться с тобою. Видишь и благословляешь.

Ты перешел в иной мир, мир, в котором уже нет разделений, в котором господствует единство. Я верю в это и молюсь об этом, и наша Церковь молится, чтобы ты предстал перед Лицом Господа и видел Его Лицо. Чтобы ты был в Царстве святых и, чтобы ты у Господа испросил всем нам дар и благодать единения.

Пусть эта земля, как говорят в России, будет тебе пухом, но прежде всего, вечный покой даруй ему, Господи, и Свет Вечный ему да светит. Аминь.

ТАЙНА ЖИЗНИ И СМЕРТИ

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ О СМЕРТИ

«День смерти лучше дня рождения»

Есть в книги Екклезиаста удивительные слова: «Имя лучше хорошего масла, и день смерти лучше дня его рождения» (7:1). Екклесиаста, конечно, трудно назвать оптимистом, но это, кажется, слишком мрачно даже для него. В каком же это смысле следует понимать?

По-видимому, речь здесь идет вот о чем. Новорожденный ребенок, словно драгоценное масло, существует пока только телесно и еще не имеет имени. Его потенциал, как и благовоние, может быть потрачен – или растрочен? – на очень разные цели, и может очень быстро улетучиться, как и аромат драгоценного масла. Но если в течение жизни человек приобретет себе доброе имя, в день смерти оно остается за ним навсегда.

Такое понимание присутствует и в традиционных толкованиях. Вот что пишут по этому поводу авторы талмудических комментариев к Библии (Шемот Рабба 48:1; Когелет Раба 7:4): «Когда рождается человек, все радуются; когда он умирает, все плачут. Должно быть не так: когда человек рождается, не следует радоваться этому, потому что неизвестно, какова будет его судьба и в каких деяниях он будет принимать участие, праведных или грешных, добрых или злых. Когда же он умирает, следует радоваться, ибо он уходит с добрым именем, оставляя этот мир с миром. Это подобно тому, как один корабль покидал гавань, а другой входил в нее. Уходящему кораблю радовались, а входящему никто не радовался. Там был один умный человек, и он сказал людям: «Я вижу, вы все перепутали. Нет причин радоваться уходящему кораблю, ибо никто и не знает, какова будет его участь, какие моря и бури встретит он

на своем пути; но тому, кто возвращается в гавань, всем следует радоваться, так как он прибыл благополучно». Подобным образом, когда человек умирает, всем следовало бы радоваться и благодарить, что он покинул этот мир с добрым именем».

Раввинам вторит христианский богослов и переводчик: «Подумай, о человек, о своих немногочисленных днях, о том, что вскоре плоть ослабеет и ты прекратишь свое существование. Сделай свое имя бессмертным, так, чтобы, как благовония восхищают ноздри своим благоуханием, так могли все будущие поколения восхищаться твоим именем. «И день смерти лучше дня рождения» – это означает либо то, что лучше уйти из этого мира и избежать его страданий и ненадежной жизни, чем, войдя в этот мир, терпеливо сносить все эти тяготы, ведь когда мы умираем, наши дела известны, а когда рождаемся – неизвестны; либо же то, что рождение привязывает свободу души к телу, а смерть освобождает ее».

Современный читатель, который верит в бессмертие души, после некоторых размышлений, наверное, согласится с таким выводом: ведь смерть он понимает как рождение в вечную жизнь, где праведник (или прощенный грешник) сможет, наконец, обрести всё то, чего ему не хватало в жизни временной. Но по-настоящему удивительными нам покажутся эти слова, если мы задумаемся: они были сказаны в обществе, где никто и не мыслил о загробном блаженстве.

В Ветхом Завете мы найдем только две ссылки, причем обе спорные и сомнительные, в которых можно при желании разглядеть указание на что-то хорошее за гробом. Одна – в Притчах (14:32). Синодальный перевод гласит: «За зло свое нечестивый будет отвергнут, а праведный и при смерти своей имеет надежду». Казалось бы, всё вполне ясно, но... современные ученые полагают, что это все-таки исправление писцов последующих времен, а изначально в тексте вместо מוֹת «при смерти», стояло מוֹמָה, «в своей непорочности (имеет надежду)», то есть еще при жизни обретает благо. Просто две буквы поменялись местами, такое часто происходит при переписывании рукописей.

Другое место – в книге Иова (19:25-26). Синодальный перевод и здесь вполне оптимистичен: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога». Но на самом деле оригинал здесь полно неясностей; достаточно сказать, что там стоит не «во плоти», а буквально «из плоти» или «вне плоти» (רִשְׁמִי), и, по всей видимости, это значит, что плоти у Иова больше уже не будет. В моем переводе это место звучит так: «Я же знаю, что жив мой Заступник, Он – Последний – встанет над прахом! Даже когда спадет с меня кожа, лишаясь плоти, я увижу Бога».

Но даже если оба этих места действительно говорят о благой участи за гробом, никаких других им подобным мы просто не найдем. Но мы найдем в тех же Притчах, у того же Иова множество упоминаний смерти как страшного, окончательного, положенного всем нам предела, за которым не будет уже ни света, ни радости, ни спасения. Тот же Иов говорит:

Иссякнут в озере воды –
и река обмелеет, пересохнет;
так и человек – ляжет и не встанет,
и, покуда небеса не исчезнут,
он от сна своего не очнется...
Ты сразишь его – и он исчезнет навеки,
Ты облик его изменишь и прочь отошлешь –
и не знает он, в чести ль его дети,
и не ведает, если их обижают.
Лишь своя боль терзает его тело,
лишь о себе душа его рыдает. (14:11-12, 20-22)

И все-таки в этой же книге мы встречаем удивительное, дерзновенное, пророческое слово о Шеоле – мире мертвых. На мой взгляд, эти строки стоят ближе к Голгофе и воскресению, чем всё остальное в Ветхом Завете:

Я тоскую по Шеолу, как по дому,
и во тьме себе ложе готовлю,

я гроб зову своим отцом,
а червя – матерью и сестрой.
Где же она, моя надежда?
Надежду мою – кто видел?
Сойдет ли она к вратам Шеола?
Ляжет ли вместе со мной в землю? (17:13-16)

Да, сойдет, да, ляжет – готовы крикнуть мы Иову с высоты Нового Завета, но он-то об этом еще ничего не знает. Он готовится сойти туда безвозвратно, не ожидая там для себя ничего хорошего. Он умер «старцем, насытившись жизнью», он видел своих правнуков, и примерно то же самое говорится о других праведниках, но это только подчеркивает основную мысль Ветхого Завета: всё хорошее бывает здесь и сейчас, не жди никакого блага там.

Как-то мы разговаривали с А. Б. Зубовым о религии Древнего Египта. Я удивлялся: почему же Бог избрал именно израильтян, практически не интересовавшихся загробной жизнью, тогда как рядом с ними жили египтяне, сосредоточенные на этой самой жизни больше всего на свете? Казалось бы, они уже так много поняли о смысле человеческой жизни, уже прошли половину дороги к истине о Едином Боге, им было бы проще объяснить остальное, чем израильтянам. Наверное, можно было бы привести много причин, но Зубов назвал одну: израильтяне, не ждавшие ничего хорошего от загробной жизни, были верны Господу бескорыстно, не ради награды будущего века. И только потом, когда эта верность стала привычной, Он открыл им истину о будущей жизни. Да и, в конце концов, до Голгофы, до искупления грехов всего человечества трудно было бы говорить о вечном блаженстве.

Итак, для человека Ветхого Завета всё ценное и важное в жизни происходило здесь, на земле; но человек времен Нового Завета уже знал, что за гробом ему предстоит дать отчет в земной жизни и что дальнейшая его судьба будет зависеть от этого суда. Люди верили, что воскреснут «в последний день», когда завершится земная история и начнется что-то новое, непонятное, но прекрасное, о чем говорили пророки.

«Бог не сотворил смерти»

Но что говорит Библия о самом этом переходе, о смерти? Она появляется вместе с грехопадением; давая Адаму заповедь не есть от древа познания добра и зла, Господь предупреждает его: «в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Бытие 2:17). Прочитав немного дальше, мы увидим, что Адам и Ева прожили не просто долго, а невероятно долго после того дня, когда нарушили заповедь. Видимо, предупреждение означало, что в тот день они станут подвластны смерти. Адам, рассказывает Бытие, прожил 930 лет, его сын Сиф – 912, а внук Енос – 905 лет. Сроки, конечно, немыслимые в нашем мире, и можно считать этот ряд чисел (как и многое иное в первых главах Бытия) поэтической, а не фактической реальностью: по мере удаления от источника жизни, Бога, постепенно сокращается и ее срок. Одно примечательное исключение – Мафусал или Мафусаил жил 969 лет, дольше кого бы то ни было в Библии. Но в целом тенденция сохраняется: чем дальше от рая, тем ближе к смерти.

Подробнее об этом рассуждает неканоническая (или второканоническая, кто как называет) книга Премудрости Соломона (1:13-16): «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле. Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть: нечестивые привлекли ее и руками и словами, сочли ее другом и исчахли, и заключили союз с нею, ибо они достойны быть ее жребием». А в Новом Завете об этом рассуждает апостол Павел (Римлянам 5:12): «одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили».

Конечно, это может показаться несправедливым: лично я не грешил в Эдемском саду, почему я должен нести на себе наказание за тот грех? Ответить на это можно по-разному, хотя смысл все равно будет примерно один и тот же. Можно сказать, что всё человечество унаследовало от Адама и Евы первородный грех

(согласно православному веручению, свободен от него был только Христос; католики добавляют к Нему и Богоматерь Марию). Это не просто ответственность за что-то, произошедшее очень давно, но склонность ко греху, которая так или иначе проявляется в любом человеке. Дети матери-наркоманки рождаются уже с наркотической зависимостью, хотя ни разу не принимали наркотик, не говоря уже о весьма вероятных генетических сбоях; грех – самый страшный наркотик, привыкание к которому наступает при первом же употреблении.

А можно сказать то же самое несколько иначе: в Адаме и Еве Библия поэтически изобразила первобытное человечество на каких-то очень ранних стадиях его развития, когда люди решили жить своим умом и отвернулись от Единого Бога. Мы все причастны этому человечеству, сказавшему Богу твердое «нет», потому что и мы в своей жизни периодически делаем то же самое.

«Сильна как смерть, любовь»

Казалось бы, если смерть – следствие греха и печать греховности на всем человечестве, то она есть безусловное зло, которое можно только проклинать. Но самая жизнерадостная книга Библии, Песнь Песней, как будто даже воспекает ее (8:6): «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность». Поэты последующих веков (например, Я. Райнис) будут возражать: нет, любовь сильнее смерти, она ее побеждает, – но ведь библейский автор писал не о том, кто одерживает верх в поединке. Он просто сравнивал любовь с самым сильным, что только есть в этом мире после Бога, и не нашел ничего сильнее смерти.

Смерти, конечно, никто себе не желал и при возможности ее старался отвратить. Мы почти не находим в библейских книгах самоубийств. Для греко-римской античности, к примеру, способность человека покончить со своим бранным существованием была признаком мужества и духовной высоты. Совсем не то в Биб-

лии, там это поступок крайнего отчаяния: убивает себя раненный Саул, чтобы не попасть в плен к филистимлянам, которые надругаются над ним (1 Царств 31); убивает себя мудрец Ахитофел, чей совет был впервые отвергнут правителем (2 Царств 17). Об Иуде Искарите, наверное, и так помнят все, кто знаком с Евангелием.

Но к своей и чужой смерти люди библейских времен относились, кажется, гораздо спокойнее, чем мы. Пророк Валаам, глядя на израильский народ, благословляет его и неожиданно говорит: «Да умрет душа моя смертью праведников, и да будет кончина моя, как их!» (Числа 23:10). Как же это можно желать себе смерти? Нет, он просто знает, что смерти не избежать, и молится о том, *какой* именно он желает себе смерти: как у праведников. То самое спокойное завершение благого пути, о котором, по-видимому, говорил и Екклесиаст. Кстати, Валааму не было даровано то, чего он просил: этот «пророк по найму», принявший в свое время заказ проклясть израильтян, был ими убит вместе с мадиамскими царями (Иисус Навин 13:22).

О смерти – и своей, и чужой – в библейские времена говорили достаточно просто, как о чем-то естественном и обыденном, от нее не прятались, как принято теперь, когда и надгробные речи звучат порой так, словно произошла какая-то немыслимая случайность, которой никто не мог ожидать. Но вот как начинается последняя речь царя Давида, обращенная к его сыну и наследнику Соломону: «Приблизилось время умереть Давиду, и завещал он сыну своему Соломону, говоря: вот, я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен и храни завет Господа Бога твоего» (3 Царств 2:1-3). И Соломон не возражает, не говорит отцу, что тому еще жить да жить; он понимает, что в «путь всей земли» лучше уходить подготовленным, с ясным сознанием своей судьбы.

«Смерть, где твое жало?»

Но это, конечно, не значит, что люди смирились со смертью. Да это, наверное, и невозможно. И в пророческих книгах речь то и дело заходит о чудесном времени, когда...

Не будет там больше младенца,
который прожил бы всего несколько дней,
или того, кто состарился прежде времени,
кто умрет в сто лет, будет молод,
а до ста не доживет лишь тот, кто проклят.
Будут строить дома и жить в них,
сажать виноградники и есть их плоды;
а не так, чтобы один построил, а другой жил,
один посадил, а другой ел. (Исайя 65:20-22)

А может быть, случится нечто более удивительно – и смерти не станет совсем?

Он уничтожит покрывало,
что легло на все народы,
все племена накрыло:
Он навеки смерть уничтожит,
и сотрет слезу с каждой щеки (Исайя 25:7-8)

Впрочем, с пророчествами всё непросто (да и может ли быть с ними просто?). Даже те, кто редко бывает в православном храме, наверняка слышали хотя бы раз в жизни на Пасху вдохновенное «Огласительное слово» Св. Иоанна Златоуста, в котором свяитель обращается не только к прихожанам – он обращается к самой смерти: «Где твое, смерти, жало? Где твоя, аде, победа? Воскресе Христос, и ты низверглся еси». Это, конечно, цитата из Нового Завета (1 Коринфянам 15:54-55): «Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?». Но и Новый Завет здесь цитирует Вет-

хий, а именно, пророка Осию (13:14). Традиционный перевод этих строк таков:

От Шеола искуплю их, от смерти избавлю!
Где, смерть, твоя чума? Где, Шеол, твоя язва?
Так решил, и не передумаю.

Но если заглянуть в книгу Осии, окажется, что такое понимание плохо вписывается в контекст 13-й главы, которая говорит о наказании, а не об избавлении. И тогда можно понять эти строки как горькую иронию: Господь отказывает упорным грешникам в помиловании и призывает на них чуму и язву:

От Шеола искуплю ли их? От смерти избавлю ли?
Где, смерть, твоя чума? Где, Шеол, твоя язва?
Так решил, и не помилую.

Такое разнообразие интерпретаций, конечно, может шокировать современного читателя. Что же именно имел в виду пророк? Ведь не может быть, чтобы Господь в одной и той же короткой фразе одновременно яростно угрожал израильтянам и давал им самые смелые надежды! Не может... только если мы сами следуем строгим законам формальной логики, где угроза и обещание – два разных и совершенно несовместимых понятия. Но разными бывают люди, времена, обстоятельства, и что звучало угрозой для одних, легко может стать обещанием для других.

Пророки не только говорили – они еще и действовали. Илия во время голода приходит к бедной вдове, ждущей неминуемой смерти вместе со своим сыном, и просит – точнее, приказывает – отдать ему последнюю порцию хлеба. Вдова повинует, и пища чудесным образом умножается. Но ребенок все равно погибает спустя некоторое время, уже не от голода, а от внезапной болезни. Вдова бросает в лицо пророку горький упрек: «Что тебе до нас, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего». (3 Царств 17) Безо всякого высокого богословия эта женщина живо чувствовала связь между смертью и грехом,

правда, понимала она ее слишком прямолинейно: за свои грехи она расплатилась смертью сына. Пока рядом с ней не было пророка, всё было каким-то обыденным, серым, но его приход высветил и белое, и черное в ее жизни – и теперь за черное ее ждет страшная расплата. Такое уравнение построить очень просто, и множество людей с той поры так и объясняют болезни и смерти... Но Илия не соглашается – он обращает упрек уже к Господу: «Господи Боже мой! неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?»

Позднее подобное чудо сотворит Елисей (4 Царств 4), и конечно, Христос (Лука 7:11-17). «Бог посетил народ Свой» – говорят евреи, когда видят воскрешение сына вдовы в ничем не примечательном городке. Вряд ли они так быстро признали Христа Богом, почему же они так говорили? И почему вообще Христос воскресил этого юношу? Понятно, что вдова, потерявшая сына, оставалась безо всяких средств к существованию, но ведь не один он умер тогда в Палестине, и ничего примечательного в этом городке и в этой семье, кажется, не было.

Где есть Бог, там нет смерти. Это как огонь и лёд: в одном и том же месте может быть только что-то одно из них, и если Христос встречается со смертью, смерть отступает.

То же самое мы видим в сцене воскрешения Лазаря (Иоанн 11). Удивительная уверенность Марфы и Марии, которые повторяют друг за другом: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» – как можно умирать в присутствии Господа, в самом деле? Но в этом чуде, предваряющем смерть и воскресение самого Христа, мы видим и другое. Мы видим его смирение перед смертью. Мы видим его таким слабым и смертным человеком, как, пожалуй, нигде в Евангелии; даже на Голгофе в Нем больше твердости и уверенности. А здесь, у могилы друга, Он по-человечески растерян: не знает, куда положили Лазаря, – Он скорбит до слёз и даже возмущается, да и как не возмутиться всесилием смерти?

Эти проявления человеческой слабости во Христе заставляли немало потрудиться экзегетов. Но общий смысл, видимо, прост:

так раскрывается полнота Его человеческой природы, немощной и ограниченной, как у нас, и непричастной только греху. Природы, подвластной смерти. Но именно такой человек и говорит Лазарю: «Выйди!» – и тот выходит из могилы, из Шеола, из царства теней. И после этого становится предельно ясно: Христа уже не оставят в живых; слишком сильному противнику бросил Он вызов.

А дальше... Мы все знаем, что было дальше. Мы поем об этом каждую Пасху: «смертию смерть поправ». Как и в случае с Адамом и Евой грехопадение не означало немедленно умирания, так и здесь воскресение Христа не означало немедленного упразднения смерти. Но власть ее стала временной, относительной, конечной. «Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим» – так поет об этом Церковь в Великую Субботу.

Победить смерть означало для Христа пройти через нее, пережить ее и превозмочь, чтобы даже на этом пути, в «долине смертной тени», мы не чувствовали себя брошенными и одинокими. Он уже побывал там, и там мы встретимся с Ним, чтобы Он вывел нас в вечность.

ПОРОГ И ВОСКРЕСЕНИЕ

1

Так случилось, что впервые я по-настоящему задумался о смерти, когда умер мой отец. Мне было 24 года, и конечно, я давно понимал, что все мы смертны, и даже встречался уже со смертью людей, бывших не так уж намного меня старше. Но все это как-то проходило мимо моего сознания, мимо моей жизни. Да, смерть есть, она бывает, случается, но это же *не моя* смерть, это *не со мной* случилось. Да, Кай смертен, и Кай человек, но я-то не Кай! В сущности, все мы живем так, точно уж мы-то никогда не умрем.

Так что же произошло тогда, когда умер мой отец? Я чувствую, что от меня сейчас ждут рассказа о том, что, дескать, с отцом я был очень близок духовно, и потому его смерть... Нет, ничего подобного. Никакой духовной, да и просто житейской близости с отцом у меня не было, наоборот: мы не понимали друг друга, отношения между нами были крайне напряженными, и перед его смертью совсем испортились. Мой отец умер не старым, ему не было и шестидесяти. Умер неожиданно и внезапно: инсульт. Его жизнь, в сущности, не удалась, и он, конечно, это понимал. Мне кажется, что именно сочетание всех этих обстоятельств на меня и подействовало. Проживи мой отец более удачную жизнь, достигнув в ней многого и чего хотел, будь я близок к нему, тогда его смерть была бы, конечно, испытанием для меня, но воспринял бы я ее как принято в таких случаях. Да, печаль, да, горе, но вот человек прожил большую содержательную жизнь, столько дал людям, я не забуду его, мы не забудем его, он будет жить в наших сердцах, и т.д. и т.п. Все мы часто повторяем подобное, не замечая, что в этих рассуждениях, при всем их благообразии, есть очевидные фальшь и лицемерие. Часто ли мы вспоминаем умерших? Да и сами мы не

вечны. Нельзя помнить всех и всегда, да и наша память — это мы сами, часть нашей души, а не тех, кого мы помним.

Нет, смерть отца заставила меня думать совсем о другом. Вернее, это были не размышления, не философия, а одна только жгучая мысль, вопрос, которому я не находил ответа. Так какой же смысл в жизни, тем более не слишком удачной, тем более закончившейся внезапной смертью? Что же рядом с этим стоят все наши поиски и стремления, наша суета? Суета сует... Не больно оригинально было то, о чем я подумал, но примечательно другое: смерть заставила меня думать не о смерти. О жизни.

2

Оказалось, что жизнь и смерть друг с другом связаны больше, чем мы думаем. Об этом всегда помнит вера, всегда говорит религия. Совсем другая тема, но с этого порога, со смерти отца, начался мой путь к вере. Нет, я не уверовал тотчас, это был именно путь, и довольно долгий. Но неверно было бы и здесь начать рассуждать обычным образом: ну, конечно, смерть страшна, а религия дает утешение, вот и... Ничего подобного, и «обычные» рассуждения чаще всего неверны. Религия вовсе не дает «утешения» тем, кто должен умереть. Во всяком случае, исторические религии, которые признают существование загробной жизни. Потому что рисуют они эту жизнь так, что никакого утешения и надежды она дать не может.

Наверно, не было религии, более сосредоточенной на смерти, чем религия древнего Египта. Иногда кажется, что загробный мир интересовал египтян едва ли не больше, чем земная жизнь, которую они, в сущности, мыслили как подготовку к переходу в иной мир. Столетиями позже это отразится в практике уже христианского египетского монашества. Но странно, никакой радости, никакого просветления, никакой надежды не несли древнеегипетские погребальные обряды, «Книга мертвых», бальзамирование тел. Страшны и мрачны лица египетских богов, и само сохранение

тел и всего, что нужно покойнику для загробной жизни, скорее говорит о сохранении мертвого как мертвого, а не несет надежды на Воскресение и инобытие. Фараон начинал заботиться о своей гробнице сразу после того, как становился фараоном, и это было главным делом его жизни. И чем величественнее строилась пирамида, тем более обозначалась главная задача этой гробницы: она увековечивала не жизнь фараона, а его смерть.

Парадоксальным образом это же «увековечивание смерти» было воспроизведено и в новейшей истории: я, конечно, имею в виду неожиданное для, якобы исповедующих атеизм, коммунистов, явно египетское сохранение останков коммунистических вождей. Парадокс вот в чем: сколько бы ни твердили сторонники новых пирамид, что их вождь «всегда живой», именно египетское захоронение в центре столицы неопровержимо свидетельствовало, что вождь, наоборот, всегда мертвый, что увековечена его смерть. Конечно, тут можно возразить, что стоит ли придирается к знаку, символу, но знак на то и знак, чтобы что-то обозначать, и необязательно он обозначает то, что хотели его создатели. Особенно в такой чувствительной к знакам системе, как коммунистическая.

Но и древние греки, жизнь, культуру и религию которых мы склонны воспринимать как нечто жизнерадостное, как тягу к прекрасному, все равно представляли загробное существование унылым, мрачным, почти не жизнью: это обитель теней, о которой лучше заранее ничего не знать. Как греческий Аид, так и семитский Шеол в представлении древних – какое-то мрачное подземное царство, где нет света и радости, где, как сказали бы мы, нет Бога. Только в ранних примитивных языческих религиях загробная жизнь рисуется как поля вечной охоты, т.е. не слишком отличается от земной жизни. Но стоило человечеству приобрести религиозный, духовный опыт, попросту духовно повзрослеть, как загробное существование, коль скоро оно есть, перестало быть «утешением».

Если же мы обратимся к Библии, т.е. именно к Ветхому Завету, то увидим, что там почти ничего нет о загробном мире, вообще

о смерти. Кажется, Господь открывает Своему народу не то, как умирать, а как жить. Ничего нет о смерти в Декалоге (Десяти заповедях), зато в Писании очень подробно расписано все, что относится к Храму, к Скинии, ко всем особенностям самой будничной жизни. Только иногда и не слишком часто можно найти в тексте упоминание о смерти. Вот Господь говорит Адаму: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт 2:7). А это Псалмопевец: «Ибо в смерти нет памятования о Тебе; во гробе кто будет славить Тебя?» (Пс 6:6). Или Проповедник говорит: «И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл 12:7). Ему же вторит пророк: «Ибо не преисподняя славит Тебя, не смерть восхваляет Тебя, не нисшедшие в могилу уповают на истину Твою» (Ис 38:18). Собственно, мы узнаем о смерти только то, что умершие не могут славить Бога, т.е. находятся там, где Бога нет. «Святое Писание Ветхого Завета не то чтобы не оставляет нам надежды на возможность будущей вечной жизни, а как-то осторожно откладывает эту тему, до каких-то времен и сроков. Но ясного «утешения» и оно не дает. Правда, у Пророков об этом говорится уже больше, хотя и там это только намеки на то, что общение человека с Богом будет восстановлено, и уже в земной жизни».

Тут есть какая-то загадка. Ведь если следовать чистой логике, то никакого «утешения» и не надо, и смерти не должен бояться ни верующий, ни атеист. Ведь верующий знает, что, по крайней мере, душа бессмертна, и бояться он может только посмертного воздаяния за свои грехи. Атеисту же и того лучше. Ведь еще с древности известна философская максима о смерти: пока я жив — ее нет, когда она приходит — меня нет. А если и за гробом ничего нет, то и подавно бояться нечего. Но именно это «ничего» и внушает человеку ужас, вопреки всякой логике.

Как ни странно, но и литература, даже русская, так пристально вглядывавшаяся в бездны бытия, тему смерти не то чтобы вообще обходит, но все же как-то поспешно проходит мимо. Исключение тут составляет, пожалуй, только Лев Толстой, не боявшийся самых неудобных вопросов и именно на них останавливавший взгляд. Я имею в виду, конечно, т.н. «арзамасский ужас», оставивший след и в письме Толстого, и в его творчестве.

«Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. ... вдруг на меня напала тоска, страх, ужас, каких я никогда не испытывал. ... Я могу оставаться один в постоянных занятиях, но как только без дела, я решительно чувствую, что не могу быть один». Так пишет Толстой в письме к Софье Андреевне, в августе 1869 года. Через пятнадцать лет Толстой использует этот случай в рассказе «Записки сумасшедшего» и четко обозначает причину пережитого ужаса. Герой, тоже помещик, едет, как и сам Толстой, осматривать имение в Пензенскую губернию, и там же, в Арзамасе, ночью его настигает непостижимый страх. Вот как это описано.

«Зачем я сюда заехал? Куда я везу себя? От чего, куда я убегаю? Я убегаю от чего-то страшного, и не могу убежать. ... 'Да что это за глупость, – сказал я себе, – чего я тоскую, чего боюсь?»

– Меня, – неслышно отвечает голос смерти. – Я тут. – Мороз подрал мне по коже. Да, смерти. Она придет, она – вот она, а ее не должно быть. ... Ничего нет в жизни, есть только смерть, а ее не должно быть. ... Жутко, страшно. Кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно».

Мне кажется, что Льва Толстого можно назвать великим духовным диагностом. Не врачом, не целителем, не учителем, а именно диагностом. Он-то сам хотел быть и мнил себя именно учителем, наставником, создателем истинной духовности, истинной веры, основанной на здравом смысле и моральных ценностях. На самом

же деле величие Толстого было в другом: он додумывал то, что другие додумывать не решались, он беспощадно шел до конца, анализируя свою ли, чужую душу. И тут всякий «здравый смысл» его оставлял, к счастью. Толстой понимал, что тайны человеческой души иррациональны, и когда человек по-настоящему остается наедине с самим собой, его не заботят важные, но обыденные дела, ибо остается один вопрос: что есть смерть? Или, что то же: что есть жизнь? Здесь, в этом отрывке, герой Толстого приходит к главному: ужас смерти есть ужас жизни, и жизнь и смерть как-то связаны.

Смерти не должно быть, она неестественна и страшна, но она есть, и есть она потому, что есть жизнь. Смерть есть противоестественное свойство самой жизни, мы умираем, потому что живем, а это значит, что мы несем нашу смерть в себе. Она всегда с нами, но только иногда мы ощущаем это, и вот тогда-то приходит «арзамасский ужас», приходит осознание, что смерть есть в самой жизни, но ее не должно там быть.

Вот почему ни вера, ни безверие не могут дать человеку «утешение» перед осознанием смерти: дело не в том, будет ли что-то «потом», после смерти, или ничего не будет, дело в том, что само присутствие смерти наполняет человека тоской и ужасом, избавиться от которых невозможно. Вот почему те религии, где смерти уделялось особое внимание, как в Египте, никак нельзя назвать «утешающими»: они мрачны и трагичны. Либо, как римляне, просто напоминают: «memento mori», и этой стоической констатацией факта дело и исчерпывается.

Должно быть, в любой религии человеческий опыт приходит к одному и тому же: жизнь и смерть как-то связаны, но что-то в этом не так, не то, что должно быть. Почему же, по какой причине это произошло, можно найти ответ в Священном Писании, уже в Ветхом Завете, хотя и там, повторим, говорится об этом фрагментарно, едва ли не вскользь, как будто еще рано, еще не пришли времена и сроки. Но все же и там, особенно у пророков, все яснее осознается: смерть связана с грехом, который мы несем в себе.

В постбиблейский период, в талмудических раввинских дискуссиях учение о причине смерти в мире обозначится яснее: смерть есть следствие грехопадения Адама, а в будущем мире, в «олам ха-ба», нас ждет воздаяние и искупление. Именно это фарисейское учение стало основой для раннего христианского богословия, и не только в этом; но об этом позже.

Смерть есть следствие отторжения от Бога, и в смерти Бога нет. Не оттуда ли и происходит тот иррациональный, необъяснимый, никаким утешениям не подвластный ужас перед смертью: это ужас богооставленности, невозможности общения с Богом, причем невозможности окончательной, если окончательна и непобедима смерть. И тут уже все равно, верующий человек или неверующий, т.е. кем он себя «считает» или к какой вере принадлежит: это работа подсознания, инстинкта, прапамяти нашего общего предка, который был создан для жизни вечной, но из-за своего греха утратил ее. Страх смерти есть страх богооставленности, но коль скоро наша природа изначально испорчена грехом, то мы несем нашу смерть в себе, и нет уверенности, что в будущем мире мы сможем восстановить утраченное богообщение.

4

Ветхий Завет повествует не столько о жизни вечной, сколько о пути народа Божьего здесь, на земле, в человеческой истории. Бог не открывает всех тайн сразу, не говорит, что этот путь приведет к спасению человеческого рода и победе над смертью. Это понятно: людям Бог открывает только то, что они могут вместить именно сейчас и на этом этапе истории, тем более, если это история спасения. Но почти в самом начале этой истории мы уже видим, что начало спасения таинственным образом связано со смертью. Я говорю об исходе народа Божьего из Египта, т.е. именно из той страны, религия которой была заморожена смертью. Этот исход в еврейской традиции и есть праздник Пасхи. Слово «Пасха» в этой форме – арамейское, но именно так оно произносилось евреями в

период Второго Храма и во время жизни Иисуса Христа. Потом евреи вернулись к первоначальному, еврейскому его произношению: Песах. Но что означает это слово? Согласно распространенному заблуждению, оно означает «переход», т.е. чудо перехода евреев через Красное море. Но Господь через Моисея устанавливает праздник Пасхи еще в Египте (см. Исх 12:1–20), т.е. до перехода через Красное море. На самом деле, на иврите глагол «пасах» (прош. время; неопр. форма: «липсоах»), от которого и происходит слово «Песах», означает не «переходить» через что-то (это было бы: «авар», «лаавор»), а «проходить мимо», не затрагивая.

«А Я в сию самую ночь пройду по земле Египетской, и поражу всякого первенца в земле Египетской, от человека до скота, и над всеми богами египетскими произведу суд. Я Господь. И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и увижу кровь, и *пройду мимо* вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую. И да будет вам день сей памятен, и празднуйте оный праздник Господу...» (Исх 12:12–14; см. также Исх 11:4–7). Это, собственно, последняя, десятая «казнь египетская», которая одновременно является установлением праздника Пасхи. Наверно, в этой казни присутствует скрытый мистический смысл, не поддающийся однозначному прочтению. Но для нас важно то, что начало праздника еврейской Пасхи уже таинственным образом связано со смертью. Согласно позднейшему раввинскому толкованию, не Сам Господь, а по Его поручению Ангел Смерти (Азраил) поражает первенцев в Египте, *проходя мимо* израильтян. Но и переход через Красное море можно толковать как переход через смерть, ибо море в древнееврейской символике означало смерть, гибель. Собственно, в святоотеческой традиции (что нашло отражение в каноне Пасхи) переход евреев через море трактуется как прообраз крещения, которое тоже является знаком прохождения через смерть. «Неужели вы не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?» (Рим 6:3).

Так в самом начале пути, приведшего к спасению человеческого рода, Господь таинственным образом сопрягает избавление от

«дома рабства» и смерти, т.е. Египта, с прохождением мимо смерти и через смерть. Но и в дальнейшем тема смерти не исчезнет, хоть и не будет актуализирована. Однако уже в книгах пророков эта тема станет сочетаться с другой: темой Воскресения и избавления от смерти. «Поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь слезы со всех лиц, и снимет поношение с народа Своего по всей земле; ибо так говорит Господь» (Ис 25:8). «Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя – роса растений, и земля извергнет мертвецов» (Ис 26:19). «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан 12:2). Собственно, учение о всеобщем Воскресении разработают уже в послебиблейский период фарисеи, т.е. толкователи Закона, в 1-м веке до нашей эры – 1-м веке нашей эры, т.е. как раз перед пришествием Христа, и именно это учение, посредством ревностного фарисея Саула из Тарса, т.е. апостола Павла, ляжет в основу христианского богословия – сотеиологии, т.е. учения о Спасении.

5

В Новом Завете тема смерти как бы выходит из-под спуда, перестает быть едва упоминаемой тайной. И неудивительно: здесь это не догадка и не пророчество, это то, что произошло *на самом деле*. Бог умер на кресте! – и задолго до Ницше. Продолжим читать апостола Павла: «Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо, если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием Воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним» (Рим 6:4–8). И далее: «Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь

вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 6:23). Бог умер на кресте, умер на самом деле, и на самом деле воскрес, чтобы и мы преодолели этот порог смерти.

И везде, везде, и в Новозаветном Писании, и в новозаветном богослужении, особенно Пасхальном, мы видим то же: неразрывное соединение смерти и Воскресения. «Я есть Воскресение и жизнь; верующий в меня если и умрет, оживет; и всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек» (Ин 11:25–26). Так сказал Господь, неразрывно связав смерть и Воскресение, смерть и жизнь.

То же мы видим и в православном богослужении. В тропарях и кондаке Великой Субботы, когда мы вспоминаем о смерти Бога, говорится не только о смерти, но и о Воскресении:

Егда снизшел еси к смерти, Животе бессмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества: егда же и умершие от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя взываху: Жизнодавче Христе Боже наш, слава Тебе.

Бездну заключивый мертв зрится, и сминою и плащаницею обвився, во гробе полагается, яко смертный бессмертный; жены же приидоша помазати Его миром, плачущия горько и вопиющия: сия Суббота есть преблагословенная, в ней же Христос уснув воскреснет тридневен.

Но и в пасхальном каноне, когда мы радуемся Воскресению Господа, то читаем и о Его смерти:

Плотию уснув, яко мертв, Царю и Господи, тридневен воскресл еси, Адама воздвиг от тли, и упразднив смерть: Пасха нетления, мира спасение (Ексапостиларий Пасхального канона).

К этим текстам надо отнестись очень серьезно: там значимо каждое слово. Что, собственно, значит: «упразднил смерть»? Разве люди перестали умирать после Христова Воскресения? Едва ли тут идет речь о найденном, наконец «утешении». Осмелюсь повторить: Бог никого не «утешает». Утешает дьявол. Т.е. – соблазняет. Кто, как не лукавый, внушает юным дьяволопоклонникам-шахидам, что стоит им взорваться среди мирных людей, так им обес-

печен рай с семьюдесятью девственницами? Вот это и есть настоящее «утешение», т.е. соблазн, т.е. обман: в смерти, мол, ничего страшного нет, а потом какое блаженство. Но Бог не отменяет смерть как нечто несущественное. Наоборот: нигде больше, чем как в христианстве, не относятся к смерти настолько серьезно.

Смерть есть последствие отпадения от Бога, поэтому она так ужасна, поэтому внушает «арзамасский ужас» и нестерпимую тоску. В смерти нет Бога, но именно поэтому Он сходит туда, чтобы воскреснуть, поэтому и мы теперь умираем, имея залог Божественного Воскресения – чтобы воскреснуть и нам. В пасхальном тропаре сказано: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ», но почему, собственно, смертью, а не жизнью? А потому, что для Воскресения надо пройти через смерть, как через порог. Но тем самым и наша смерть «упраздняется» не тем, что мы перестаем о ней думать или «утешаемся» чем-то, а тем, что, наоборот, наполняется небывалым ранее смыслом: она теперь и для нас есть порог на пути к воскресению и к дому Небесного Отца.

*Иерусалим,
Пасха Господня – Троица, 2007 г.*

БИБЛЕЙСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ

Владимир Сорокин окончил историко-филологический факультет Университета дружбы народов в Москве; прошел годичную стажировку в Иерусалиме в институте исследований иудаизма Ратисбон и в Иерусалимской библейско-археологической школе. Преподает Введение в Ветхий Завет и Основы ветхозаветной экзегезы, ведет семинары по Пятикнижию и по Псалтири в Общеизвестном православном университете, основанном протоиереем А. Менем (Москва).

Смерть и отношение к ней — одна из важнейших и основополагающих тем для библейских авторов. Но едва ли мы сможем найти в Библии строгую и однозначно понимаемую философскую или богословскую схему, описывающую это отношение: никакой «теологии смерти и посмертия» здесь нет. Вопрос об отношении к смерти решается библейскими авторами или экзистенциально, как, напр., в Книге Екклесиаста и в Книге Иова, или конкретно-практически, как во многих псалмах и в Пятикнижии. При этом, однако, важно отличать собственно библейское откровение от традиционных представлений эпохи, которые, разумеется, также могли получить и получали отражение в библейских текстах. В Ветхом Завете, например, встречается такое понятие, как шеол (евр. שְׁאוֹל *шеол*), который являет собой подземное царство мёртвых. Это представление, очевидно, не является собственно библейским. Такие же представления о подземном царстве мёртвых существовали в древности у всех без исключения народов Ближнего Востока, а возможно, и у других народов тоже.

Особенно подробные описания этого царства мы находим в египетской, шумеро-вавилонской и греческой мифологии. Здесь царство мёртвых описано как тёмный и мрачный подземный мир, куда попадает человек после смерти, превратившись в тень и ут-

ратив полноту жизни, которую имел в мире живых. Тени умерших, в сущности, даже и не живут, их существование едва ли можно назвать жизнью: они лишены памяти и самосознания, пребывают в состоянии, напоминающем тяжёлый сон, от которого невозможно пробудиться. Интересно отметить, что, с точки зрения, например, некоторых ветхозаветных гимнографов, в шеоле нет и памяти о Боге (Пс 6:5; в Синодальном переводе шеол назван здесь «гробом»). Оказывается, смерть отнюдь не приближает человека к Богу, как думают сегодня многие христиане, а, напротив, отдаляет его от Бога. Другим заимствованием является представление о «душе» (евр. נֶפֶשׁ *нефеш*). Надо заметить, что под «душой» в данном случае подразумевается не то, что мы обычно имеем в виду, говоря о душе. Для нас сегодня душа связана, прежде всего, с личностным началом человека, она неотделима для нас от самосознания, этического начала и творческих способностей человека. Такое понимание души свойственно, прежде всего, греческой традиции, в особенности пифагорейской и платонической. Впрочем, и в Египте, к примеру, было представление о высшей, личной душе (её называли «ка»). Но в библейских текстах под душой понимается нечто иное, нечто, по-видимому, гораздо менее личностное, чем «ка» египтян или душа платоников и пифагорейцев. Речь в данном случае скорее следует вести о безличной жизненной силе, носителем которой является не только человек, но и любое другое живое существо. Так, «душа» существует не только у человека, но и у животных, причём она непосредственно связана с кровью (Быт 9:4-5; здесь между «душой» человека и «душой» любого другого живого существа, как видно, принципиальной разницы нет, в обоих случаях «душа» связана с кровью, как бы растворена в ней).

Такое представление о жизненной силе, без которой невозможна никакая жизнь, также является общераспространённым, и библейские авторы, очевидно, просто опираются на него, как на нечто общеизвестное и общепринятое. Впрочем, в рассказе о сотворении человека «душа» оказывается связанной всё же не с кровью, а

с «дыханием жизни», которое Бог «вдувает» в человека (Быт 2:7), жизненная сила человека оказывается, в данном случае, связана не с природным началом, таким, как кровь, а непосредственно с Богом. Но, по-видимому, после падения человек стал гораздо более походить на животных, чем прежде, так, что и его жизненная сила стала качественно иной, перестав отличаться от таковой у животных.

Интересно отметить, что никаких представлений о душе в нашем современном понимании библейские тексты не отражают. Также нет в Библии и собственного, не заимствованного из до-библейских традиций, представления о благом посмертии этой души, аналогичного тому, которое довольно рано появляется в Египте и в Греции, а в средние века становится общепринятым и в христианской среде. Иногда в Ветхом Завете встречается упоминание о том, что некоторая часть человеческого существа после смерти возвращается к Богу (Еккл 12:7), но никаких выводов о благом посмертии или о посмертном воздаянии отсюда не делается. Очевидно, всё внимание библейских авторов сосредоточено не на вопросе о посмертии или о бессмертии души, а на полном и окончательном преодолении смерти, на воскресении, и именно в этом уникальность библейского отношения к смерти, связанная с собственно библейским откровением.

Акеда: Бог Авраама против царства смерти

Рассказ о жертвоприношении Исаака является одним из самых загадочных во всей Библии. В иудейской традиции это событие называют обычно Акедой, т.е. «связыванием» (евр. אַקֵּדָה *akeida*), ведь, по смыслу рассказа, до жертвоприношения собственно дело не дошло, и Бог остановил руку Авраама тогда, когда Исаак лежал связанным на жертвеннике (Быт 22:9-12). На первый взгляд, рассказ об Акеде не имеет никакого отношения к вопросу о воскресении. Однако при более внимательном прочтении эту связь

можно увидеть. Для адекватного понимания смысла рассказа важно, прежде всего, проанализировать его структуру. Очевидно, изначальное ядро рассказа об Акеде – это отрывок (Быт 22:1-18). Но здесь перед нами не древнее предание в изначальной форме, а его пересказ, причём, по-видимому, достаточно поздний, появившийся, вероятно, не раньше эпохи Судей. Об этом, в частности, свидетельствует регулярное употребление в еврейском тексте для обозначения Бога слова *אלהים* *элохим*, которое начинает регулярно употребляться именно в эпоху Судей, и притом в священнической среде. Другое свидетельство позднего происхождения текста – появление в нём священного имени Яхве, которое, согласно библейским свидетельствам, было открыто лишь Моисею (Исх 6:3; в Синодальном переводе это имя традиционно повсюду заменяется титулом «Господь»). Аврааму же его Бог открывается с именем *אל שדי* *эль шадай* (Быт 17:1), что означает буквально «Бог силы» (в Синодальном переводе принято передавать это имя как «Бог Всемогуший»), к которому нам ещё придётся вернуться. В рассказе же об Акеде это имя не упоминается, равно, впрочем, как не упоминаются в нём и другие священные имена или титулы, характерные для эпохи Патриархов. Здесь мы, в сущности, видим ситуацию не столько глазами Авраама, сколько глазами тех, кто впоследствии осмысливал и комментировал его рассказ. В комментариях же этих бросается в глаза прежде всего упоминание о том, что Бог испытывает («искушает») Авраама, проводя его через описанную в рассказе ситуацию (Быт 22:1). Но смысл такого испытания, на первый взгляд, остаётся совершенно непонятным. Вся Библия вполне однозначно говорит нам о человеческом жертвоприношении как о грехе, и грехе чрезвычайно серьёзном. В таком случае возникает вопрос о смысле такой проверки, при которой Бог, в сущности, проверяет человека на готовность и способность совершить грех. Но такое недоумение может возникнуть лишь в том случае, если считать, что Бог проверяет Авраама именно на готовность совершить человеческое жертвоприношение, и что, по крайней мере, вначале Он действительно требовал

от Авраама такого жертвоприношения. На первый взгляд, именно это и подразумевает стих (Быт. 22:16). Но при более тщательном анализе текста всё оказывается не так просто.

Для адекватного понимания рассказа об Акеде важно учитывать, что именно знал Авраам о своём Боге и каким он Его себе представлял. Нередко читатели Библии думают, что Авраам с самого начала хорошо знал, с Кем имеет дело и Кто позвал его из Харрана, где обитали предки Авраама, в Палестину (Быт 12:1-3). Между тем, в Книге Бытия достаточно свидетельств о том, что Авраам понял это далеко не сразу, и что представления его о своём Боге менялись по мере того, как он всё больше узнавал Его. Одним из таких свидетельств является упоминание о благословении Авраама Мелхиседеком (Быт 14:18-20). Это свидетельство тем более интересно, что жертвоприношение Исаака должно было произойти в земле Мориа (Быт 22:2), т.е. неподалёку от Иерусалима, в те времена называемого Салимом. Самым замечательным в рассматриваемом эпизоде является тот факт, что Авраам принимает благословение во имя бога, который не имеет ничего общего с его Богом. В самом деле, бог Мелхиседека назван здесь именем *אל על* *эль эльон*, что можно было бы перевести как «высокий бог» или «высший бог». В Синодальном переводе принято передавать это имя как «Всевышний», но, однако, нет никаких оснований думать, что речь в данном случае идёт о Боге Авраама, Который нигде в Библии не называется таким именем. Более того, имя *אל על* *эль эльон* встречается только в рассматриваемом нами теперь эпизоде, и нигде более (хотя эпитет *אל על* *эльон*, в смысле «высокий», иногда применяется по отношению к Яхве). Конечно, этот бог назван в тексте «владыкой неба и земли», но само по себе это не свидетельствует ещё, что речь непременно идёт о Едином: ведь такие же титулы в языческом мире нередко носят боги неба, возглавляющие обычно целые пантеоны, наподобие, например, Зевса Олимпийского. Возможно, что и бог Мелхиседека был кем-то наподобие греческого Зевса, а сам Мелхиседек был его пророком. Да, именно пророком, а не «священником», ведь использованное здесь

слово כֹהֵן *кохен* обозначает священника лишь в одном-единственном случае, именно когда речь идёт о левитском священстве; во всех же остальных случаях оно, по-видимому, обозначало именно пророка, как и родственные ему слова в других семитских языках. То, что этот пророк был ещё и правителем («царём») Салима, говорит, по всей видимости, о том, что Салим был в это время городом-святилищем, наподобие, к примеру, таких греческих городов, как Дельфы или Олимпия. Да и само слово «Мелхиседек» (евр. מֶלֶךְ צֶדֶק *малхей цедек*) может быть не именем, а титулом, означающим «праведный правитель» или «правитель праведности», вполне подходящим для главы города-святилища. Едва ли Авраам решился бы принять благословение во имя этого бога, если бы был уверен в том, что его Бог действительно Единый, сотворивший небо и землю, а не один из множества местных баалов, пригласивший его на свою землю под своё покровительство. Между тем, после Акеды и некоторых других событий, и сам Авраам, и его соплеменники смотрят на Бога Авраама как на владыку неба и земли (Быт 24:3). Что же заставило Авраама пересмотреть представления о своём Боге? И какое это имеет отношение к вопросу об Акеде и о воскресении?

Вернёмся снова к имени אֱלֹהֵי שַׁדַּי *эль шадай*, с которым Бог открывается Аврааму. Буквально оно означает «бог силы» или «сильный бог». Но здесь важно иметь в виду, о какой именно силе идёт речь. Еврейским словом שַׁדַּי *шад* обозначалась не всякая сила, а лишь особая, сверхъестественная, та, которая, как считали древние, лежит в основе мироздания и даёт жизнь всему, что живёт. Носителями этой силы могли быть и боги, и духи, и люди, и даже некоторые предметы. Но источник этой силы, согласно традиционным представлениям большинства народов древности, находился отнюдь не на небесах, не в верхнем мире, а в мире нижнем, подземном, там, где находилось и царство мёртвых. Владыка подземного мира, бывший вместе с тем и правителем царства мёртвых, охранял путь к источнику силы, которой держится мир и благодаря которой живёт всё живущее. Вполне естественно, что

на этого подземного царя смотрели как на владыку жизни и смерти. Неудивительно, если бы Авраам, зная всё это (а это было известно в его времена всем и каждому), подумал бы, что его Бог и является правителем нижнего мира, являясь источником и носителем той силы, о которой мы только что вели речь. Но в таком случае легко предположить, что мысль о человеческом жертвоприношении могла показаться Аврааму вполне вероятной. Разумеется, во времена Патриархов человеческие жертвоприношения у подавляющего большинства народов были уже редчайшим событием. Впрочем, города Галилеи и Иорданской долины, кажется, представляли собой исключение: здесь, судя по археологическим данным, такие жертвоприношения ещё и в это время были нормой; но Авраам был пришельцем, его предки обитали в северной Месопотамии, где ничего подобного не практиковалось, и ему мысль о естественности человеческого жертвоприношения едва ли могла прийти в голову. И всё же было одно всем народам древности известное исключение: человеческой жертвы мог потребовать себе владыка царства мёртвых. Это было единственное исключение, и только богам нижнего мира могла понадобиться человеческая кровь. Но Авраам, основываясь на представлениях своего времени, именно и мог бы подумать, что его Бог является этим исключением! То, что жертвоприношение должно было быть совершено неподалёку от Сиона, по-видимому, не случайно: ведь здесь, судя по данным иерусалимской топографии, должен был находиться в древнейшую эпоху вход в нижний мир. Об этом свидетельствует и древний некрополь, начинавшийся, по-видимому, почти у самого Сиона, и находившаяся неподалёку от него Долина духов (или Долина мёртвых, евр. *קִמְעַר מֵיָד* *эmek рефаим*), сегодня превратившаяся в одну из иерусалимских улиц. В этом, впрочем, нет ничего удивительного: если бог Мелхиседек действительно был владыкой неба и верхнего мира, а Сион был горой, соединяющей небо с землёй (подобно греческому Олимпу), то неподалёку от него должен был быть и вход в нижний мир, около которого вполне могли когда-то находиться и алтари под-

земных богов. По-видимому, туда, к этим алтарям, и направляется Авраам.

В таком случае встаёт закономерный вопрос: чей же голос приказал Аврааму принести в жертву Исаака? В рассказе об Акеде довольно однозначно говорится о том, что это был голос Бога Авраама (Быт 22:1). Но при этом в том же рассказе Бог обращается к Аврааму через ангела, останавливая его руку в решительный момент (Быт 22:11-13). Перед нами, очевидно, две внешне различных теофании: в одном случае речь идёт о виде ☐ нии, которое всей яхвистской традицией однозначно связывается с прямым открытием Божиим (явление ангела Яхве), во втором же упоминается опыт не столь однозначный: в самом деле, голоса слышали отнюдь не одни только Патриархи или пророки, такой опыт был хорошо известен и языческим мистикам, и здесь быть полностью уверенным в источнике голоса, обращавшемся к Аврааму, нельзя. Конечно, указание на источник в тексте рассказа, на первый взгляд, довольно однозначно. Но Библия – не богословский трактат, и язык библейских книг богословски не всегда точен. Так, в частности, в Библии далеко не всегда различаются воля и попущение Божие. Иногда это приводит к достаточно курьёзным, на первый взгляд, выражениям, наподобие, к примеру, 1 Цар 19:9, из которого, казалось бы, с очевидностью следует, что именно Бог насылает на Саула злого духа. Между тем, речь в данном случае, очевидно, должна идти именно о попущении Божиим, Который, оставив Саула, сделал его уязвимым для воздействия духа тьмы. По-видимому, то же самое произошло и с Авраамом: Богу, несомненно, человеческое жертвоприношение было не нужно, и если оно могло быть нужно кому-нибудь, то только духу тьмы: ведь, если бы Бог не вмешался, Его план относительно Авраама и народа Божия едва ли оказался бы осуществимым. Впрочем, для самого Авраама смысл всего происходившего был тогда, скорее всего, не очевиден. Приняв своего Бога за владыку нижнего мира, который потребовал от него человеческой жертвы, Авраам, разумеется, не мог отказать своему Богу в том, что, как ему казалось, Он от

него потребовал. К тому же человек, оказавшийся, как говорили древние, под властью мира теней, и не мог противостоять его воздействию: услышанный им голос полностью подчинял себе его волю, и такой человек был похож на одержимого, не владевшего собой.

Но Авраам и в этой ситуации, как видно, не теряет доверия к своему Богу, надеясь, что она каким-то чудом всё же разрешится (Быт 22:7-8). Оказаться в таком положении было для Авраама, несомненно, тяжёлым испытанием, которое он выдержал, не утратив доверия к своему Богу. И ситуация действительно разрешилась, причём совершенно неожиданно для Авраама: его Бог освобождает Авраама из-под власти мира теней (Быт 22:11-12). Урок был более чем наглядным: Бог Авраама не только не потребовал от него человеческой жертвы, но одним Своим появлением (а на явления ангелов Божиих в те времена смотрели фактически как на теофанию) избавил самого Авраама из-под власти владыки нижнего мира! Неудивительно, что после такой наглядной демонстрации могущества и сам Авраам, и его соплеменники начинают смотреть на Бога Авраама как на единственного и истинного Владыку неба и земли. Вот это-то освобождение, вероятно, и могло заставить задуматься о смерти и о преодолении её как самого Авраама, так и его соплеменников, на глазах у которых произошли описанные в рассказе об Акеде события. В самом деле, во времена Авраама никто не сомневался в том, что власть мира теней и его подземного владыки абсолютна и непреодолима; ей не могли противостоять не только люди, но и боги, а встреча с ней для человека была неизбежна, как сама смерть. Но Бог Авраама освободил его из-под власти мира теней; Он, следовательно, сильнее его мрачного правителя, а если так, то разве не сильнее Он и самой смерти? А если сильнее, то можно было ожидать, что когда-нибудь Он избавит Свой народ от смерти совсем, освободив его от власти мира теней раз и навсегда. Так закладывался фундамент будущих представлений о воскресении.

Бог и бездна: смерть перед лицом эсхатологии

Новый и очень важный шаг в формировании этих представлений был связан с ветхозаветной эсхатологической традицией, которая начинает складываться уже в эпоху Давида. Конечно, настоящий её расцвет приходится на период гораздо более поздний, когда появляются апокалиптические тексты. Но апокалиптика и эсхатология, при всех очевидных между ними связях, всё же разные вещи. Апокалиптические тексты описывают обычно те события, которые происходят в мире в момент конца истории, эсхатология же связана с переживанием самого этого конца, с опытом разрыва исторического времени, который может произойти когда и где угодно и вовсе не обязательно предполагает завершение исторического процесса, всегда предполагаемое апокалиптической традицией. И если ветхозаветные апокалиптические тексты все были написаны уже в послевоенный период, то тексты эсхатологического характера появляются гораздо раньше, и первый из них, по-видимому, принадлежит самому Давиду. Речь идёт о Псалме 18 (17), который в Библии приведён дважды (наряду с Псалтирью текст этого гимна можно найти в гл. 22 II Книги Царств, автор которой уверенно приписывает его именно Давиду). В принципе в факте авторства Давида нельзя было бы усмотреть ничего удивительного: как всякий пророк, Давид, несомненно, должен был быть и поэтом. Можно кстати заметить, что во II Книге Царств приведён ещё один написанный им гимн, не вошедший в Псалтирь (2 Цар 23:2-7), где Давид использует такие характерные для пророческого словаря выражения, как «дух (дыхание) Яхве» и «слово Яхве» (2 Цар 23:2; в Синодальном переводе, соответственно, «дух Господень» и «слово Его», т.е. «слово Господне»). И всё же многие библеисты сомневались и сомневаются до сих пор в авторстве Давида, будучи уверены, что, по крайней мере, первая часть Псалма 18 (17) (т.е. ст. 2-19) никак не могла быть написана Давидом и вообще не могла появиться в его эпоху. При этом они обращают внимание именно на ярко выраженный эсхатологический харак-

тер первой части псалма, утверждая, что такого рода тексты характерны для послевоенной эпохи, но никак не для времён Давида. Если предположить, что эсхатологические тексты никак не могли бы оказаться древнее апокалиптических, то с этим утверждением, без сомнения, пришлось бы согласиться. Но на чём, однако, основывается такая априорная уверенность? Конечно, апокалиптические тексты предполагают достаточно длительную предшествующую историческую и историософскую традицию, которая в яхвизме действительно складывается лишь к VI или V веку до н.э. Эсхатологическое же переживание, как экзистенциальное переживание разрыва исторического времени, возможно в любую эпоху, и для осмысления его вовсе не обязательно знание истории, тут может оказаться вполне достаточно фактов личной биографии, особенно тем, кому, как Давиду, приходилось не раз оказываться в ситуациях, которые мы сегодня назвали бы пограничными.

Можно кстати заметить, что и в первой части псалма обнаруживается немало вполне традиционных элементов, характерных для яхвистской гимнографии достаточно раннего периода. Сам уже образ Яхве, несущегося на крыльях ветра, окружённого грозowymi облаками и мечущего молнии (Пс 18:10-14) был, по видимому, во времена Давида вполне традиционным, нечто похожее можно найти и в других псалмах, таких, как, Псалом 29 (28) (Пс 29:3-8) или Псалом 104 (103) (Пс 104:3). Но здесь перед нами не просто описание теофании в грозе и в буре; здесь присутствует нечто большее, связанное с переживанием самого Давида. Прежде всего, он переживает ту ситуацию, в которую вмешивается Бог, не просто как критическую, но как такую, из которой человеческими силами не выйти никак, ведь тут под ногами человека разверзается бездна, бездна метафизическая, обозначающая своим появлением разрыв того времени и того пространства, в котором разворачивается обычная человеческая жизнь (Пс 18:4-5); не случайно же упоминается здесь шеол, царство смерти, из которого человеку невозможно выйти и от которого невозможно убежать (в Синодальном переводе шеол назван здесь «адом»). В

такой ситуации остаётся лишь надежда на прямое вмешательство Бога, Который сильнее смерти (Пс 18:5), и Он действительно вмешивается (Пс 18:16-17). Но вмешательство это затрагивает уже не только тот привычный нам порядок вещей, внутри которого всё относительно и преходяще. Не случайно упоминаются в тексте псалма «источники вод» и «основания вселенной» (Пс 18:15): речь идёт о событии, которое явно выходит за рамки этого привычного порядка. Он исчезает, и остаются лишь Бог, протягивающий руку, над головой, и бездна шеола под ногами. Но если исчезает время, то вместе с ним неизбежно должна исчезнуть и смерть, ведь Бог вытягивает Давида из шеола за руку (Пс 18:16), и вытягивает не в тот прежний мир, который исчез у Давида из-под ног (того мира уже нет), а в Свою вечность, где от смерти, от шеола человек избавлен уже не на время, а навсегда. Вечность Божия несовместима со смертью, а всякая смерть есть реальность не только физическая или психологическая, но также метафизическая и духовная, она всегда абсолютна и всегда исключает общение с Богом. И потому, когда в эсхатологической точке Бог, разорвав привычные рамки пространства и времени, приобщает человека к Своей вечности, Он одновременно избавляет человека и от смерти, притом не частично и на время, а всецело и навсегда.

О возможности такого исхода в противостоянии со смертью догадывались не только пророки Израиля. Собственно, пророки не просто догадывались, они знали об этой возможности достоверно, из собственного опыта, как Давид. Догадывались же об этом или о чём-то подобном философы и мистики, жившие в других странах и в другие времена. Парменид в VI в до н.э. высказал гениальную философскую интуицию о том, что подлинное бытие всегда пребывает в полноте и потому не подвержено никаким изменениям, а изменчивость сама по себе свидетельствует о вторичности и неподлинности изменяющегося. Гениальный философ был мало кем понят из современников, между тем, его мысль о неизменности подлинного бытия и о его извечной полноте так же исключала возможность для человека смерти, как и та вечность Божия, которая

открылась Давиду. Около столетия спустя другой мудрец, живший на другом конце земли, Будда, в сущности, свидетельствовал о той же реальности, где нет места смерти, называя её нирваной. Принято считать, что под нирваной он подразумевал небытие. Но едва ли бы учение о небытии как высшей цели, к которой следует стремиться, смогло бы породить многочисленную религиозную общину и мощную традицию, существующую и сегодня. Скорее можно думать, что речь в изначальной проповеди Будды шла не об угасании жизни, а о прекращении всякого движения и изменения, о конце или о разрыве той реальности, где всё изменчиво и текуче и где именно поэтому царствует смерть. Возможно, индийскому мистiku во время озарения под баньяновым деревом приоткрылась та же реальность, которая открылась Давиду в момент его встречи с Богом, выводящим его из шеола, и в этой приоткрывшейся реальности Будда нашёл ответ на мучивший его вопрос о том, как избежать царящей в мире смерти. Конечно, все эти откровения были частичными и неполными; ведь никто из тех, кого мы сейчас упомянули, так и не высказал прямо, Кто открыл им увиденную ими новую реальность: по-видимому, они не догадывались о Едином. Да и откровения эти последовали несколькими столетиями позже того, которое получил Давид. Но ответ на вопрос о том, как избежать смерти, во всех случаях оказывается по существу одним и тем же: выйти за пределы той изменчивой и преходящей реальности, внутри которой смерть неизбежна, в реальность иную, где ей нет места. Но даже пророкам Израиля эта реальность далеко не сразу открылась во всей полноте.

Наступление Царства: смерть перед судом Божиим

Дальнейшее развитие представлений о воскресении и полной победе над смертью связано с развитием в яхвизме мессианской традиции. Начинается она с мессианских проповедей Исаяи Иерусалимского. Впрочем, какие-то образы мессианского Царства, воз-

можно, существовали и прежде, иногда они появляются в псалмах, как, к примеру, в Псалме 1 (впрочем, кажется, достаточно поздно), где путь праведника оканчивается в земле, в которой растут вечно зеленеющие деревья и текут реки прохладной, чистой воды (Пс 1:3). Перед нами, очевидно, образ оазиса в пустыне. Так же, впрочем, иногда представлялась библейским авторам и земля обетованная, «текущая молоком и мёдом». Непосредственно же с пророческой мессианской традицией связаны прежде всего образы, появляющиеся в Книге Исаяи. Так, уже в первой части книги, где собраны пророчества Исаяи Иерусалимского, появляется образ Мессии, которого пророк называет «ростком» или «побегом» Яхве (Ис 4:2; в Синодальном переводе «отрасль Господа»), Который, как видно из другого мессианского гимна, будет править в Иерусалиме и станет образцом праведного и благочестивого правителя (Ис 11:1-5), причём во время Его правления не только наступит всеобщий мир, охватывающий даже животное царство (Ис 11:6-9), но и присутствие Божие явится в Иерусалиме в никогда прежде не бывалой полноте (Ис 4:5; упоминаемые здесь «облако и дым» днём и «пламя огня» ночью, очевидно, представляют собой тот же феномен, который был связан с присутствием Божиим, сопровождавшим народ во время Исхода, как это описано в Исх 13:21-22). Но пришествию Мессии у Исаяи предшествует день Яхве (Ис 2:12; в Синодальном переводе «день Господень»). О дне Яхве как об эсхатологической точке заговорил уже Амос (Ам 5:18-20). Здесь, очевидно, и свет, и тьма воспринимаются не как физические, а как духовные реалии. День Яхве для Амоса оказывается, прежде всего, моментом встречи с Богом лицом к лицу, когда исчезает весь мир, и человек остаётся со своим Творцом один на один. Привычного мира для такого человека больше нет: если он видит Бога, перед Которым стоит, день Яхве становится для него небом, полным сияния; если же не видит (а такое вполне возможно, и прежде всего из-за собственных грехов), в этот день такой человек проваливается в тёмную бездну. У Исаяи день Яхве уже совершенно очевидно оказывается днём суда (Ис 2:12-18), и в

этот день многие пытаются убежать и скрыться от Бога, не желая оказаться с Ним лицом к лицу (Ис 2:19-21). Итак, с самого начала развития ветхозаветной мессианской традиции день суда Божия уже оказался связан в ней с днём пришествия Мессии.

Здесь, конечно, нет ещё никаких прямых упоминаний о полной победе Мессии над смертью. Но уже во второй части Книги Исаяи, где собраны проповеди Исаяи Вавилонского, такие упоминания появляются. Здесь прежде всего обращает на себя внимание изменение масштаба описываемых событий. Для Амоса день Яхве, конечно, был днём суда Божия, но это всё же касалось прежде всего конкретного человека, оказываясь, в известном смысле, лишь событием его собственной духовной биографии. У Исаяи Иерусалимского это уже не совсем так, здесь масштаб событий увеличивается, но всё же и при таком изменении масштаба суд здесь обращён преимущественно на отдельного человека; различие лишь в том, что таких людей здесь много, и день Яхве наступает для них, судя по описаниям в первой части Книги Исаяи, одновременно. К тому же, Исайя Иерусалимский говорит о суде, прежде всего, для самого народа Божия, который и выявляет его духовную несостоятельность именно как народа Божия. У Исаяи Вавилонского же наступление мессианского Царства оказывается событием вселенского масштаба, затрагивающим и космос, и историю. Суд здесь описан не только как процесс духовного очищения и обновления народа Божия (Ис 63:7-10), но и как вмешательство Бога в исторический процесс, результатом которого оказывается торжество Его народа над врагами, с которого и начинается становление на земле этого Царства (Ис 63:1-6). Это торжество приобретает у Исаяи Вавилонского почти метафизические черты: в окончании плена и освобождении народа он видит победу света над тьмой, приобретающую иногда прямо метафизический оттенок (Ис 60:1-3). Здесь снова, как и у Амоса, появляется тема дня Яхве как дня света для одних и дня тьмы для других, но речь идёт уже не об отдельных людях, а о целых народах, так, что и сам день суда Божия становится у Исаяи Вавилонского

фактом не биографическим, а историческим. Такой взгляд на историю, по-видимому, и стал отправной точкой для развития ветхозаветной апокалиптической традиции, которая всю историю человечества рассматривает как историю борьбы сил света с силами тьмы, завершающуюся днём суда Божия и торжеством сил света. Но Исайя Вавилонский видит в наступлении мессианского Царства событие не только историческое, но и космическое, изменяющее не только социальный, но и естественный, природный порядок вещей. В его обновлённом Иерусалиме (который и становится у Исайи Вавилонского образом мессианского Царства) уже нет чередования дня и ночи, которое в Библии является символом незыблемости сотворённого Богом мира: здесь нет уже ни Солнца днём, ни Луны ночью, а есть лишь сияние присутствия Божия, заменяющее собой и то, и другое (Ис 60:19-20). Этот обновлённый Богом мир Исайя называет «новым небом и новой землёй» (Ис 65:17). Неудивительно, что и человеческая жизнь в обновлённом мире тоже обновляется, не только духовно, но и физически, так, что старость, например, над человеком уже не властна (Ис 65:20). Да и в самом образе Мессии, каким он очерчен у Исайи Вавилонского, присутствуют намёки на торжество Мессии над собственной смертью (Ис 53:7-8,11). Правда, напрямую о Воскресении Мессии Исайя не говорит, но сам факт того, что, несмотря на перенесённую казнь, Он всё же видит плоды Своего служения, по крайней мере, намекает на это. Так близко к тайне победы над смертью и Воскресения Мессии не подходил ни один из древних пророков ни до, ни после Исайи Вавилонского.

Дальнейшее развитие эти представления получили в Новом Завете. Проповедь Иисуса, собственно, и начинается с провозвестия о том, что то мессианское Царство, которого так долго ждали (в новозаветных текстах оно называется обычно «Царством Божиим» или «Царством Небесным»), наконец приблизилось, что оно уже рядом (Мк 1:15). Всё служение Иисуса и вся Его проповедь были свидетельством того, что это Царство действительно рядом, что оно уже наступает, хотя и не раскрылось ещё во всей

своей полноте. Наступающее Царство описывается Иисусом как Царство света, которому противопоставляется внешняя тьма (Мф 8:11-12). Такое противопоставление, очевидно, не является чем-то новым, оно, как мы уже видели, появляется впервые у Исаи Вавилонского. Но в Новом Завете наступление Царства носит уже очевидно вселенский характер, хотя и начинается незаметно, с небольшой апостольской общины. Однако главное состоит в том, что это Царство неотделимо от личности самого Иисуса, Который несёт в Себе полноту Царства Божия. И уже во время земного служения Христа стало очевидно, что полнота Царства несовместима не только с болезнями, но и со смертью: на всём протяжении земного пути Иисуса соприкасающиеся с Ним, если только они имеют к Нему хоть немного доверия, обретают полноту жизни, избавляясь от болезни и даже от смерти, которая отступает перед Царством. Конечно, воскрешение Иисусом Лазаря или дочери Иаира не привело прямо к их полному преобразению, их физическая природа, судя по соответствующим евангельским рассказам, осталась прежней, такой же, какой она была до встречи с Мессией; но даже эта прежняя, повреждённая грехопадением природа всё же была возвращена к полноте жизни, той полноте, которая была ей доступна в наличном состоянии. Падший человек в падшем мире не может жить вечно, но он вполне может быть здоров и не умирать прежде времени, и эту относительную полноту он получает, соприкоснувшись с Царством. Воскресение же Самого Мессии сопровождается полным преобразованием Его тела, которое изменяется физически, так, что ученики даже не сразу узнают Воскресшего, принимая Его за привидение, за вышедшую из гробницы тень (Лк 24:37). Очевидно, для того, чтобы войти в комнату сквозь запертую дверь, мало иметь просто совершенную, свободную от первородного греха человеческую природу, она должна качественно отличаться от нашей нынешней человеческой природы, и то, что смерть теряет над этой новой, преобразённой человечностью свою силу, объясняется, очевидно, именно тем, что она уже полностью живёт по законам Царства, которое

несёт в себе. И всё же преображённая человеческая природа не чужда полностью природе ещё не преображённой: Иисус и после Воскресения может не только пребывать в одном с нами мире, но даже есть обычную человеческую пищу, которая и в новом Его качестве отнюдь не становится Ему чуждой (Лк 24:41-43).

После всего сказанного неудивительно, что первые христиане вовсе не думали о посмертии или о бессмертии души в том смысле, как размышляли об этих предметах язычники. Если Царство рядом, если оно уже наступает и, быть может, уже очень скоро раскроется во всей полноте (а первое поколение христиан ожидало возвращения Мессии очень скоро, многие были совершенно уверены, что это случится ещё при их жизни), то о каком посмертии вообще могла идти речь? Верные ожидали тогда всеобщего воскресения и Суда, а не спиритуалистически окрашенного бессмертия наподобие того, о котором говорили пифагорейцы и платоники. Представления о таком бессмертии и о рае, напоминающем то ли поля Осириса египтян, то ли Елисейские поля греков, появляются лишь в Средние века, когда ожидания скорого возвращения Мессии среди христиан угасли, а Второе Пришествие отдалилось в неопределённое будущее, так, что многие верующие стали смотреть на Второе Пришествие и на Суд как на нечто страшное, такое, чего лучше не видеть и до чего лучше бы и вовсе не дожить, а вместо этого «умереть спокойно» и оказаться в раю, столь похожем на рай язычников.

Но даже первые поколения христиан раньше или позже должны были ответить себе на вопрос, почему так долго не наступает день обещанного возвращения Мессии, и что случилось с теми, кто покинул этот мир, не дождавшись Его возвращения. И ответ был найден, вернее, открыт Богом в видении апостолу Иоанну, в видении, которое хорошо известно сегодня благодаря соответствующей новозаветной книге. Этот ответ – в упоминаемом Иоанном «первом воскресении», о котором в Книге Откровения сказано, что над теми, кто его пережил, «смерть вторая» уже не имеет власти (Откр 20:1-6). Христиане разных деноминаций веками спо-

рили о том, когда начнётся это тысячелетнее царство, и кто именно станет участником «первого воскресения». Многие полагали, и не без основания, что тысяча лет – срок символический, обозначающий собою некую эпоху, этап на духовном пути Церкви и всего человечества. Между тем, ответ, хотя, быть может, несколько неожиданный, нетрудно найти в Евангелии: «первое воскресение» уже началось, и началось оно сразу же после крестной смерти Спасителя, когда воскресли первые святые (Мф 27:52-53). Но в таком случае приходится признать, что и упомянутая в Книге Откровения «тысяча лет» началась тогда же, а завершится она, очевидно, когда вернётся Мессия, в день Второго Пришествия. Здесь и находится ответ на вопрос первых христиан о смерти и посмертии: смерти уже нет, и воскресение уже наступило; а если так, то христианин, покидая этот мир, вовсе не умирает в том смысле, как говорят о смерти язычники: он лишь обретает иную, новую жизнь во всей её полноте. Как Иисус, пройдя через смерть, всё же не утратил полноты Царства и потому в Воскресении вновь обрёл жизнь во всей её полноте, так и всякий, пребывающий в Церкви, и, следовательно, в единении с Ним, проходя через смерть, не теряет жизни навсегда (как это случилось бы с человеком, останься он один), а обретает затем всю ту полноту жизни, какую имеет Он. И если мы не всегда видим этих воскресших, то не видим по той же причине, по которой не всегда видим и воскресшего Христа в наших евхаристических собраниях: пребывая в Царстве лишь отчасти, мы и видим пребывающих там полностью тоже лишь отчасти, временами и недолго. Такова особенность эпохи, в которую мы живём, того «тысячелетнего царства», о котором говорит Книга Откровения: Царство уже отчасти здесь, в этом мире, и мы отчасти в нём, но процесс вхождения этого Царства в мир ещё не завершён, как и наш процесс вхождения в Царство. Завершится же он лишь тогда, когда Мессия вернётся, при Его Втором Пришествии. Так решали вопрос о смерти первые христиане: они верили в полную победу Мессии и Царства Божия над смертью и свою судьбу связывали с Ним и с Его победой.

СМЕРТЬ, КОТОРУЮ ЖДУТ

Антуан Шатлар – монах из общины малых братьев Иисуса. С 1954 он живет в Таманрассете. Брат Антуан – один из наиболее авторитетных и серьезных исследователей жизни и духовного наследия Шарля де Фуко, автор нескольких книг о нем. В книге «Смерть Шарля де Фуко», главу из которой мы вам предлагаем, он обращается к событиям двух последних лет жизни брата Шарля. Автор исследует исторический, политический и географический контекст, а также внутренний путь Шарля де Фуко, о котором можно судить по его переписке и трудам того времени.

«Когда после смерти замечательного человека мы обращаем взор на его жизнь, то, как правило, осмысливаем прошлое в свете его последних минут. В них мы обретаем ключ ко всему его бытию. Столь полное переосмысление всего в некотором роде действительно самое истинное. Оно глубже всего проникает в тайну ушедшего. Такой подход естественен, если мы хотим постичь смысл только что завершившейся судьбы»¹.

Эти строки отца Жака Жилле, о смерти Иисуса, подтверждают, как важно не исказить последние минуты жизни человека, чью судьбу мы хотим понять.

Но и наоборот: чтобы осмыслить смерть Шарля де Фуко, не стоит ли нам искать в его писаниях то, что в течение всей жизни он говорил о смерти? Тем не менее, прочесть все, что он написал о смерти и разобраться во всех тонкостях нелегко. Чтобы действительно вникнуть в его чувства, нужно собрать все тексты, где он упоминает свою смерть или смерть других людей. В свете

¹ Jacques Guille, «Jesus-Christ, Hier et Aujourd'hui», Paris, Descelee de Brouwer, 1963, p.10 (Ж. Жилле, «Иисус Христос, вчера и сегодня», Париж, 1963 г.)

нескольких ключевых цитат мы попытаемся понять эволюцию, Шарля де Фуко: от желания умереть как можно скорее – до воли к жизни.

Смерть, которая присутствует всегда

Нетрудно заметить, что перспектива близкой смерти наложила отпечаток на жизнь Шарля де Фуко. В юности Шарль искал опасностей из любви к риску и не боясь смерти. Он рассказывал о том, как чудом избежал падений с лошади, о несостоявшихся дуэлях, об опасностях и бедах, которых он избежал, путешествуя по Марокко. Он описывал «Странную ситуацию, когда в течение полутора дней тебе приходится выслушивать, как горстка людей решает вопрос о твоей жизни или смерти, – не имея возможности защитить себя» (Шарль де Фуко, «Исследование Марокко»).

Во время пребывания у траппистов в Акбeze (в Сирии) он дважды заглянул был на волосок от гибели: сперва – из-за болезни, затем – при нападении на монастырь. Несколько раз он оказывался в смертельной опасности в Бени-Абессе и в Таманрассете. Например, 11 августа 1906 года его укусила гадюка и жизнь висела на волоске. В январе 1908 года изнурительный труд, постоянное недосыпание и добавившиеся к ним холод, усталость и недостаток пищи вызвали тяжелую анемию: «...я задышался при малейшем движении – вплоть до обморока. Один-два дня я думал, что это конец» (из письма к Мари де Бонди, 26 января 1908 года).

Нужно упомянуть и смерть других людей. Прежде всего – смерть родителей, когда Шарлю не было еще и шести лет. А вскоре после них – смерть бабушки Фуко. Она умерла от сердечного приступа на глазах у Шарля. Но главное – смерть дедушки – ею был отмечен двадцатый год жизни Шарля, и она внезапно состарила его. «Я дремал в блаженной беспечности. Я проснулся, постарев на двадцать лет» (из письма к Г. Турду, 13 апреля 1878 года). Позже, в Акбeze, вслед за тем, как Шарль написал последнее письмо своему другу Дюверье, он узнал, что тот покончил с

собой. В 1896 году, готовясь к отъезду из акбезского монастыря, он получил известие о гибели своего друга де Мореза, убитого в Сахаре проводниками, которым он целый день сопротивлялся в одиночку. Такое событие не могло оставить Шарля равнодушным. Он упомянул о нем через несколько лет, отправляясь жить среди тех, кто убил его друга.

В 1910 году умерли три его очень близких друга: комендант Лакруа, товарищ по гарнизону, который поддерживал и оберегал его в Алжире и епископ Герен, скончавшийся от упадка сил в 39 лет. «Уход в небесную отчизну дорогого и святого отца Герена оставил во мне огромную боль и пустоту», – написал Шарль де Фуко на второй день Пятидесятницы аббату Ювелину (который и сам вскоре умер, оставив еще большую пустоту). 1914 год был отмечен смертью двоюродной сестры Шарля, Катерины Флавени (14 июля) и двоюродного брата, Луи де Фуко (Шарль узнал об этом 23 декабря). Затем настал черед списков погибших в боях, среди которых Шарль встречал имена многих друзей и знакомых.

Без сомнения, для Шарля де Фуко – с детства и до самого конца – смерть присутствовала как некая реальная составляющая его жизни. Это уже поясняет его размышления о смерти, в связи с той или иной опасностью или потерей, о которых мы упомянули выше. Такие размышления можно найти в во многих его письмах с соболезнаваниями, написанных в течение всей жизни, – чудесных письмах, полных сострадания, человеческого тепла и христианской надежды.

Не воспоминания ли о собственном опыте одиночества в Марокко вдохновили его написать 15 февраля 1887 года мужу сестры: «Грустно умирать так далеко и в таком забвении. Если в последний миг сознание еще теплится, то сколь печальны должны быть мысли! Те, кого любишь особенно сильно, с кем связаны воспоминания детства и юности, даже не помышляют о тебе. Они веселы, они улыбаются, меж тем как ты лежишь при смерти, испуская последний вздох и посылая им последнее прости, которого они не слышат».

Здесь уместно привести отрывки из двух писем Шарля де Фуко двоюродной сестре, Мари де Бонди, датированных 1914 годом: «Внезапная или почти внезапная смерть ужасна: она забирает человека после нескольких дней болезни, почти не оставляя времени на размышления. Особенно если она настигает среди безоблачного счастья и приходит к тому, кто не привык думать о горнем... Мысль о том, что, когда настанет наш черед и наши глаза раскроются навстречу свету, мы, как за величайшее благо возблагодарим Бога за то, что здесь на земле причиняло нам величайшую боль... эта мысль не смягчает боли, но она помогает подчиниться, верить и поклониться божественной воле – неизменно премудрой и милосердной, хоть и непостижимой иногда для таких слепцов как мы». (10 мая 1914 года)

«Одна из прекраснейших душ, знакомых мне, старый отец-доминиканец (он умер в Иерусалиме, в Рождественскую ночь, когда, отслужив полуночную мессу, заснул в ожидании мессы на заре), говаривал мне: «Можно обойтись без чего угодно, даже без добродетели, – но только не без доброй смерти». Позволив вам пережить боль из-за ухода стольких любимых людей, Господь даровал вам благодать видеть, что все они ушли с этим единственным необходимым благом. Смерть – наказание нашего праотца, и она остается наказанием. Но если говорить о христианской смерти, то она болезненна для тех кто остается: из-за разлуки, пустоты, тяжелых воспоминаний о последних минутах. Для того же, кто ушел, она – мир, уверенность в вечном блаженстве, несокрушимая безопасность... Ибо даже если он не попадает на небо сразу же, он все равно уверен, что вскоре попадет туда и что отныне его жизнь – сплошная любовь и совершенство. Он видит тех, кого он покинул, он любит их больше и лучше, чем любил на земле, он оберегает их своими молитвами и всеми средствами, которые дарует ему Бог». (15 июня 1914 года)

Но этих мыслей недостаточно, чтобы объяснить жажду смерти, которую мы так часто встречаем в писаниях Шарля де Фуко.

Желание умереть

Желание умереть появилось с того самого дня, когда Шарль де Фуко вновь обрел веру. Манера, в которой Шарль выражает это желание, могла бы стать предметом исследования для психолога, если бы не все объясняющий внутренний огонь. Стиль той эпохи и общепринятые проявления благочестия добавляли трудностей к тому, чтобы говорить о смерти, не впадая в нездоровый мистицизм. Надо признать и то, что максималистский характер Шарля де Фуко, всегда склонный к крайностям, заставлял его видеть в смерти наилучший способ покончить с миром сим, где все относительно, суетно и ничтожно: «Как только я поверил в Бога, я понял, что не могу жить иначе, нежели только для Него. Мое монашеское призвание родилось одновременно с верой. Бог так велик! Так велика разница между Богом и всем, что не Он!» (Из письма к А. де Кастро 14 августа 1901 года).

Открытие того, что Бог существует и того, что для Бога существует он сам, произвело разительную перемену в жизни Шарля де Фуко. В нем не осталось места ни для какого иного желания, кроме жажды полной и окончательной встречи с воплотившимся Богом, Который с каждым днем все больше становился его Возлюбленным Братом и Господом. Шарль превратил религию в любовь, в пылкую любовь, с которой он жил в повседневности, зная, что эта любовь достигнет своего расцвета в совершенном единении с Возлюбленным, возможном лишь после смерти. Это объясняет удивительное желание Шарля де Фуко покончить с миром сим и как можно скорее войти в истинную жизнь.

Сознательный отрыв от любви близких и прежде всего разлуку с той, кто была для него второй матерью и доверенным лицом, предметом любви и восхищения², он представляет как символическую смерть. Уход от мира и поступление в траппистский мо-

² Речь идет о двоюродной сестре Шарля, Мари де Бонди. Когда Шарль ушел в траппистский монастырь (это произошло 15 января 1890 года), он полагал, что больше не увидит ни ее, ни всех, кого он любил. – *прим. пер.*

настырь – как погребение. А когда он покидает Францию, где живут все, кого он любит, «каждая миля, удаляющая его» становится «еще одним шагом к концу жизни» (из письма к Мари де Бонди, 27 июня 1890 года).

Начало жизни Шарля у траппистов удивительно напоминает ожидание «последних сумерек, которые, кажется, никогда не наступят». «Прибавляясь один к другому, месяцы придут однажды к своему концу... Мне хотелось бы поскорее отправиться к Нему, но ничто не внушает этой надежды» (Ей же, 16 июля 1891). «Боже, да приблизится день, когда окончится это изгнание!» (Ей же, 06 февраля 1890 года).

10 апреля 1891 года он пишет о. Эжену, своему первому наставнику новициата в монастыре Богородицы Снегов: «Да смогут наши сердца любить, любить сильно, и поскорее, и сделать нас такими печальными на этой бедной земле, чтобы Бог из жалости освободил нас и вывел бабочку из кокона, и перерезал нить, что держит голубку».

В конце ноября 1892 года у Шарля началась чахотка, но он выздоровел: «У меня нет надежды на то, что на этот раз я уйду... и я солгал бы вам, сказав, что не мечтал об этом» (из письма к Мари де Бонди, 19 декабря 1892 года).

В Назарете он часто писал об этом желании, ведь чтобы увидеть Бога надо пройти через смерть. Например, 6 декабря 1897 он писал: «...когда мы действительно узрим Тебя?.. Без всякого сомнения, не раньше, чем уйдем на небо... И когда это будет? Надо сначала пройти через смерть... Так пусть же она придет, эта смерть, ибо она – врата жизни... Не станем беречь свое тело... заставим его трудиться как наемную лошадь, которая все равно обречена... не будем страшиться опасностей... чем скорее увянет наше здоровье, чем больше будет урон, тем скорее нам посчастливится увидеть Тебя, мой Возлюбленный Господь... Даруй же нам, о божественный Иисус, идти к Тебе щедро, не считаясь с телом, здоровьем, опасностью, ища лишь одного: прославить Тебя...» (из Духовных Сочинений брата Шарля).

А 12 декабря он сравнил смерть с Рождеством, потому что она сделает Бога видимым для наших очей: «...когда Ты сделаешься видим для наших очей? Нашим Рождеством станет наш смертный час, если только по великой милости Твоей мы умрем в Твоей святой благодати... Блаженный миг! Истинное Рождество! Как Ты благ, о мой Бог! Ты делаешь бесконечно сладостным, безмерно счастливым для любящих Тебя то, что столь ужасно, столь страшно для тех, кто не знает Тебя или любит недостаточно сильно!.. Смерть – наше Рождество... смерть – Рождество... будем без конца повторять эти слова, чтобы они непрестанно проникали в нас. Пропитай нас этой истинной, Боже мой!» (Из Духовных Сочинений брата Шарля).

16 декабря он вновь оправдывает свое желание: «...Ты не только позволяешь, но Ты хочешь, чтобы я порой вздыхал о миге соединения, миге жизни, ибо такое желание *свойственно любви*, оно – часть любви...» (из Духовных Сочинений брата Шарля).

Он добавляет к предыдущим еще одну мысль, поддерживающую его желание. 3 апреля 1898 года, на Вход Господень в Иерусалим, он записал: «О, как я хотел бы умереть, Боже мой, чтобы больше никогда не грешить, никогда больше не быть неверным! О, Боже мой, многое другое заставляет меня жаждать смерти, но в настоящее время это стремление сильнее всего... Никогда больше не быть неверным... неблагодарным. Никогда больше не оказываться для Тебя поводом к печали!.. О, Боже мой, если только это совпадает с Твоей благословенной волей... сделай так, чтобы поскорее пробил час, когда я больше не буду Тебя огорчать» (из Духовных Сочинений брата Шарля).

Все, что происходит в нашей жизни служит к возрастанию истинного желания – желания встречи. Шарль де Фуко выразил эту мысль в последней главе «Замысла жизни», который он написал для тех, кто хотел бы присоединиться к нему – не только в монастырях, но и в миру:

«Если болезнь, опасность, зрелище смерти постучатся в нашу дверь, да оживится наше стремление исчезнуть, чтобы увидеть

Иисуса. Болезнь, опасность, зрелище смерти – призыв: «Вот, Жених идет, выходите навстречу Ему!» Это надежда на скорое вечное единение с Ним, когда мы больше не сможем ни оскорбить, ни обидеть Его, ни перестать Его любить и поклоняться Ему. Когда мы больше не будем лишены возможности видеть Его и Его любовь, но пребудем в таком познании и любви, которые не видел глаз, не слышало ухо, ни постиг разум... Единение с Тем, в Ком наша единственная любовь, в Ком вся наша жизнь, все наше желание, все наше благо, вся любовь: с нашим Возлюбленным Господом Иисусом» (из Духовных Сочинений брата Шарля).

Желание мученичества

Последний текст был написан в Таманрассете, в 1909 году. Он адресован людям, которые живут не в монастыре и не в странах миссий – в отличие от тех, что были написаны для монахов (1899) и монахинь (1902), живущих «среди неверных», что в те времена подразумевало вероятность насильственной смерти, то есть смерти мученической. Этой перспективе отведено много места в последней главе Правил. Она – неотъемлемая часть духовности Шарля де Фуко. Ее надо хорошо пронять, учитывая психологический настрой эпохи и особенности личности человека, всегда стремящегося к совершенству.

Шарль де Фуко знал, что смерть – это дверь в Жизнь. Но он не мог удовлетвориться обычной дверью. Он должен был уповать на «прекраснейшие врата» – врата величайшей любви, на то, что более всего подобно смерти Иисуса, которую он представлял себе самой страдальческой и презренной. Он писал об этом в Акбезе, когда уничтожение армянского населения внушило ему желание разделить участь несчастных христиан, – меж тем как монастырь, окруженный ордой вооруженных бандитов, был чудесным образом спасен вмешательством турецкой армии³: «В конце марта мы,

³ Сто лет спустя, день в день, были захвачены братья-трапписты из Тибирины – прим. автора.

Акбес и все христиане на расстоянии двух дней ходьбы, должны были погибнуть; я оказался недостойн... Это тысячу раз справедливо... но, увы, как прискорбно... Молитесь, чтобы я обратился и в следующий раз, несмотря на мое ничтожество, не был отстранен от небесных врат, которые уже приоткрывались передо мной... И какие врата! Прекраснейшие из всех!..» (Из письма к Мари де Бонди, 24. июня 1896 года).

Неудивительно, что это его желание встречается нам на протяжении многих лет. Оно выражено в первых же строках, написанных Шарлем в Назарете, 6 июня 1897 года, в праздник Пятидесятницы: «Думай о том, что ты должен умереть как мученик, лишенный всего, простертый на земле, обнаженный, неузнаваемый, окровавленный и израненный, убитый жестоко и мучительно... – и желай, чтобы это случилось сегодня» (из Духовных Сочинений брата Шарля).

В конце 1897 года размышления о праздниках мучеников почти ежедневно вдохновляли его молиться о возрастании этого желания. Так, 4 декабря он записал: «Святая Варвара... испроси для меня желание, сколь угодно пламенное, подобно тебе прославить Иисуса, пролив за Него мою кровь. И если по милости Своей Он пожелает, чтобы я принес Ему такую жертву, умоли Его даровать мне великое мужество, подобное твоему, чтобы я как можно больше утешил Его Сердце. Святой Петр Хризолог⁴, столь пламенно радевший о спасении людских душ... сгоревший в этом служении во славу Божию... испроси для меня такого же горения, чтобы я принес мою жизнь во все소жжение так, как это угодно моему Возлюбленному Владыке, Господу и Жениху Иисусу – в Нем, через Него и ради Него».

Позже, в Бени-Абессе, когда его однажды чуть не убили, он написал Мари де Бонди: «...Если бы вы только знали, как мне хотелось закончить эту бедную и ничтожную жизнь, так плохо нача-

⁴ Петр Хризолог – Златоречивый, еп. Равенский, Учитель Церкви, св. (380–450) – *прим.пер.*

тую и пустую – тем способом, о котором Иисус на Тайной Вечери сказал, что нет большей любви как если кто положит свою жизнь за того, кого любит... Я этого недостоин, но как же я этого жажду!» (8 июня 1902 года).

«Положит жизнь за **того**, кого любит» – такое истолкование показательное. Шарль думает только о единственном Возлюбленном: «за того, которого любишь».

Величайшую из жертв, которую Шарль мог принести при жизни, он принес 15 января 1890 года, покинув все, что было ему дорого в мире. Страдание уподобило его жизнь мученичеству. И смерть должна была стать завершением жертвы. Но вправе ли мы применять это слово к любой насильственной смерти? Мученичество в узком смысле связано с исповеданием веры или отказом отречься от нее – какими бы ни были обстоятельства смерти. Однако, в писаниях Шарля де Фуко упоминание о таком свидетельстве почти полностью отсутствует. Он сам объясняет это в медитации о смерти Иисуса – ее текст можно отнести к январю 1898 года: «По какой бы причине нас ни убили, если в душе мы принимаем жестокую и несправедливую смерть как дар, благословленный Твоею рукой, если мы благодарим за нее, как за дивную милость, как за блаженное подражание Твоей кончине, если мы приносим ее Тебе, как совершенно добровольную жертву, если мы не сопротивляемся, повинуюсь Твоим словам: «не противься злему» и следуя Твоему примеру: «Как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригушим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис 53:7)... если все это так, то по какой бы причине нас ни убили, мы умрем в чистой любви, и наша смерть будет благоугодной Тебе жертвой. И если это не будет мученичеством в узком смысле слова и в глазах людей, то в Твоих глазах это станет совершенным образом Твоей смерти и любвеобильной кончиной, которая приведет нас прямо на небо... Ибо, даже если в этом случае мы не прольем кровь за веру, мы прольем ее от всего сердца и из любви к Тебе...» (из Духовных Сочинений брата Шарля).

Мученичество всегда описано реалистически, как насильственная смерть, – но не в прямой связи с исповеданием веры. Для Шарля (как это видно из его писем о войне) все, кто умирает за родину – мученики. «Мученики любви»⁵, конечно – но все-таки мученики. Умереть вместе с армянами, или пасть от немецкой пули... или от итальянской, пущенной туарегом – неважно. Главное – внутреннее состояние того, кого убивают.

Говоря о мученичестве, Шарль де Фуко обращает внимание только на жертву. Мотивации палача для него неважны. Ему никогда не приходило в голову, что, желая мученической смерти, он одновременно желает существования палачей. Он не думает об убийцах – ни чтобы осудить, ни чтобы простить. Он рассматривает лишь чувства того, кого предали смерти, названной «жестоккой и несправедливой». Точно также, говоря о тех, кто погибает за родину, он никогда не упоминает необходимость убивать. Он пишет лишь о долге отдать жизнь.

Разве то, что он пишет Луи Массиньону в самый день своей смерти, не плод его собственного опыта?⁶ Он остался на своем посту – таков его долг. Он выбрал опасность, жертву и страдание. Он больше не ломал себе голову над тем, не примешивается ли к его поведению гордыня. Он просил Бога помочь ему исполнять его долг в совершенном смирении и простоте. Он отдавал свою жизнь, доверяя, что Бог дарует ему участь, которая наилучшим образом послужит Его Славе.

⁵ Так писал Шарль де Фуко – *прим. пер.*

⁶ Мы приводим отрывок из письма Шарля де Фуко: «Вы хорошо сделали, что попросились в действующую армию. Не надо бояться просить таких постов, где больше всего опасностей, жертв и страданий... Оставим славу тем, кто ищет ее, а для себя будем всегда просить опасностей и трудов... Это – принцип, которому следует оставаться верным всю жизнь, в простоте и не ломая себе голову над тем, не примешивается ли гордыня к такому поведению... Таков наш долг. Будем же его исполнять и попросим Возлюбленного помочь нам исполнять его в смирении, в любви к Богу и ближнему... Доверяйте Богу, что Он дарует вам ту участь, которая наилучшим образом послужит Его Славе».

Его жертва выразилась в отказе покинуть тех, кому он стал близок. Свою кровь он пролил от всего сердца и из любви к ближним. «Положить жизнь за **тех** кого любишь» – вот наилучший способ прославить Бога и доказать ему нашу любовь. «Любить ближнего (...) и если нужно, пролить за него кровь – как это сделал Иисус» (запись от 18 июня 1916 года).

Мученичество, понятое таким образом, может стать ежедневной вероятностью: «Жить так, как если бы сегодня я должен был умереть мучеником», или – в его же записях: «Живи сегодня так, как если бы нынче вечером тебе предстояла мученическая кончина». Речь идет о том, чтобы жить, а не только думать о смерти или хотеть ее.

«Жить каждый день, как последний, и вкладывать в него все лучшее, что в тебе есть – это уже в некотором смысле отдавать свою жизнь», – Пьер Клаври, епископ Орана, написал эту фразу за полтора года до того, как убийство придало окончательный смысл всей его жизни.

Желание жить

Желание отдать жизнь за тех, кого любишь не есть ли скорее желание жить, нежели умереть? Письмо, написанное Шарлем де Фуко в тот день, когда он узнал о смерти двоюродной сестры Катрин де Флавины, показывает, что он больше не хочет смерти: «Не могу сказать, что желаю смерти; когда-то я стремился к ней, теперь же вижу, сколько пользы можно принести, сколько душ остается без пастыря, так что мне хотелось бы прежде всего принести хоть немного пользы и потрудиться хоть малую толику над спасением этих бедных душ. Но Господь Бог любит их больше, чем я, и не нуждается во мне. Да будет Его воля...» (Из письма к Мари де Бонди, 20.07.1914 – *цитата в перев. О. Дьячковой.*)

Ждал ли он этого дня, чтобы осознать свое желание жить? Нет, но это желание нелегко отыскать в том, что он писал раньше.

Уже 11 ноября 1897 года он молился св. Мартину: «Научи меня жить и умереть с твоими последними словами на устах и в сердце: «Боже мой, я тоскую по Тебе, я хотел бы расстаться с жизнью, чтобы соединиться с Тобой. Но если я еще нужен Тебе на земле, я не отказываюсь от труда».

Впервые о новом направлении было написано, когда он попытался оставить Назарет, ради того, что он считал полезным: просить милостыню для кларисс. С тех пор в его записях часто встречается это двойное желание, связанное со смертью. Шарль де Фуко не ждал конца жизни, чтобы воплотить то, что он прочитал у апостола Павла (См. Флп 1:23) и записал в 1899 году в Назарете, в последней главе своего Устава.⁷ Он переписал это слово в слово в 1902 году для малых сестер и в 1908 году – для тех, кто захочет присоединиться к его ассоциации. Он призвал всех «от всего сердца принимать жизнь», ибо воля служить Господу должна быть сильнее желания умереть, чтобы соединиться с Ним: «Во всякое мгновение нашей жизни сохраним в душе двойное чувство святого Павла: кроткое и нежное желание, чтобы наше тело распалось, дабы «быть со Христом» (в этом наше благо); и еще более пламенное стремление прославить Его как можно больше (в этом – Его благо), принимая жизнь от всего сердца так долго, как Ему будет угодно» (из Духовных Сочинений брата Шарля).

Однажды, в Бени-Абессе, увидев, что опасность отступила, он написал: «Если Господь Бог хочет, чтобы я жил, я от всего сердца говорю: аминь! – ибо я ищу Его воли, а не моей... Молитесь,

⁷ Шарль де Фуко всегда мечтал, что к нему присоединятся другие. Он написал и несколько раз переписывал Уставы для будущих монашеских общин. Однако при жизни он так и не увидел своих последователей. Уже после смерти брата Шарля около сорока человек, из них двадцать шесть мирян, вошли в задуманный им «Союз братьев и сестер Святейшего Сердца Иисуса». В 1933 году были основаны общины малых братьев Иисуса и малых сестер Святейшего Сердца. А в 1939 – община малых сестер Иисуса.

Сегодня духовное потомство брата Шарля – примерно восемнадцать семей: священников, монашествующих, мирян по всему миру.

чтобы я жил хорошо и каждый день хорошо исполнял повседневные обязанности» (из письма к Мари де Бонди, 23 июня 1902 года).

Жить хорошо, каждый день исполнять повседневные обязанности и так «до конца», то есть до крайней полноты любви, подобно Иисусу, Который «возлюбив Своих... до конца возлюбил их». Возвращаясь к словам Шарля де Фуко, мы видим, что смерть – это ни что другое, как момент жизни, переход к иному, «врата жизни», как написал он 6 декабря 1897 года. Она – «переправа» на другой берег, прибытие в «вечный порт» после более или менее долгого и трудного плавания⁸. Как для Иисуса, смерть – это переход от мира сего к Отцу, окончательная Пасха, возвращение в славу после земного странствия в «исполнении повседневных обязанностей», обязанностей верного раба. Его застали за работой – и поэтому он войдет в радость господина своего, и обретет свое истинное место, уготованное ему в вечной обители, где он в полноте пребудет со своим Господом. «Вот в каком образе явится смерть: ...как вхождение в дом Жениха, ...предварившего их в любви».

Аббат Ювелин, болевший долгие годы, ощущал приближение смерти, но и понимал ее смысл. Уже 18 июля 1899 года, за одиннадцать лет до смерти он писал: «Это тихое и непрестанное нисхождение. Надо позволить действовать смерти, работнице Божьей. Я словно чую ее, она – как всепроникающий привкус». Его духовный сын отозвался на эти слова, написав ему в свою очередь: «Видеть, что я старею и слабею – для меня совершенная радость: это начало того рассыпания, в котором мое благо. Но я хотел бы, чтобы моя воля все больше соединялась с волей Жениха по мере приближения часа, когда раздастся крик: *Exite obviam Ei!* Выходите навстречу Ему!» (30.10. 1903)

⁸ Ср. со словами из письма Шарля де Фуко к мадам Бриконе (вдове его друга, погибшего на фронте): «Молясь за моего дорогого друга, я обращаюсь к нему самому, и прошу его, уже достигшего вечного порта, помочь тем, кто еще борется с житейскими бурями, подобно ему, переправится туда». (25.11.1916) – прим. перев.

Шарль де Фуко бодрствовал в ожидании этого часа, зная, что Жених приходит в неведомый миг, и нужно быть бдительным, готовым встретить Его: «Вы не знаете ни дня, ни часа». Ожидаемая смерть должна быть принята неожиданно, и он понимал, что лучший способ подготовиться к ней – жить в полноте настоящим. Чтобы быть готовым соединиться с Иисусом в совершенной и доверчивой отданности в руки Отца, нужно каждый день повторять: «Отец мой, я предаю себя в Твои руки». Это последняя молитва нашего Владыки, нашего Возлюбленного... да станет она нашей молитвой... И да будет она не только молитвой нашего последнего часа, но и каждого мгновения нашей жизни» (из Духовных Сочинений брата Шарля).

Мы вправе отнести к Шарлю де Фуко размышление Терезы Авильской, которое сам он многократно читал и перечитывал: «Больше всего меня поражает вот что: как вы уже видели, души эти много скорбели и трудились, желая умереть и быть с Богом, а теперь они так хотят послужить Ему и содействовать Его славе и, если смогут, помочь хоть одной душе, что они желают не умереть, а жить много лет в величайших страданиях, только бы Господь был прославлен хотя бы в самом малом»⁹.

Подобно зерну, брошенному в землю

«Если зерно, упавшее в землю, не умрет, то останется одно. А если умрет, то принесет много плода» (Ин 12:24). В течение всей жизни Шарль де Фуко часто приводил эти слова Иисуса. Сперва – говоря о символической, духовной смерти, которая должна уничтожить его «эго», чтобы отдать все место Тому, Кого Шарль хотел увидеть живущим в нем. «Пусть отныне не я живу, но Ты живешь во мне». Для него были равнозначны такое умирание для себя и непрестанное обращение. Он видел в них необходимые условия пло-

⁹ Св. Тереза Авильская. «Внутренний замок». – М., Истина и жизнь, 2000. С. 147 (7-я обитель, глава 3, параграф 6).

дотворности жизни: «...я должен делаться лучше, обращаться, умирать, подобно зерну, которое, если не умрет, то останется одно» (из письма к аббату Ювелину, 15 декабря 1902 года). То же самое он писал Сюзане Пере, духовной дочери о. Крозье, который вплоть до смерти в 1911 году приносил свои страдания из-за болезни как жертву в поддержку делу брата Шарля: «Если зерно, упавшее в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Я не умер, потому я и один... Молитесь о моем обращении, чтобы, умерев, мне принести плод...» (15 декабря 1904 года).

Зерно, брошенное в землю, напоминает и о том, какой была смерть Шарля де Фуко: обыкновенной гибелью, одним из многих случаев, добавившим еще одно имя к без того длинному списку жертв войны. Как похожа смерть этих четырех человек¹⁰, ставших жертвами вооруженной группы с непонятными намерениями, на смерть многих и многих других. В ней даже не было отталкивающих подробностей, которые сделали бы ее унижительной. Не забудем о том, что убитых было четверо, что их кровь смешалась, пролившись на одну и ту же землю. Люди из селения похоронили четыре тела одновременно, в одном и том же месте.

Шарль де Фуко, всю жизнь так стойко переносивший физические и душевные страдания, умер почти внезапно. Осознавал ли он в те несколько минут, что предшествовали роковому выстрелу, что его час настал? Другие люди в похожих обстоятельствах пережили часы ожидания – в тревоге или душевном мире. А сколько были замучены пытками и зверски убиты! С ним же не произошло ничего подобного.

Можно было бы вообразить героическую и возвышенную смерть, венчающую жизнь, из которой вспоминается прежде всего что-то необыкновенное. Но приходится напротив, подчеркнуть, что эта смерть была скорой, захват – сорвавшимся, действие – незавершенным, пуля – шальной. Нападавшие могли счесть свою опе-

¹⁰ Вместе с братом Шарлем были убиты трое арабов-военных, развивших почту – *прим. перев.*

рацию успешной. Их успех подчеркивает видимый крах целой жизни. Человеческое дело «марабу»¹¹, знаком которого стали стены построенной им «крепости», оказалось бесполезным. Заурядность и быстрота этой смерти венчают жизнь, стремившуюся быть полностью сокрытой в Боге и невидимой для человеческих взоров. С мирской точки зрения эта смерть – действительно крах. Она подчеркнула неудачу, отсутствие результатов и даже не стала победой ненасилия. Эта смерть являет нам как важно то, что скрыто от глаз: «Господь Бог не нуждается во мне. Да исполнится воля Его!» Таково послание бескорыстности, оставленное нам Шарлем – человеком действия, рожденным для того, чтобы добиваться результатов.

Таков смысл его жизни – в смиренной верности повседневным обязанностям, как ничтожнейшим, так и достойнейшим. Можно всматриваться в его повседневные дела, дружеские связи, заботы о тех, кто его окружает. Можно порицать какие-то его начинания. Можно читать его письма, в которых видно разнообразие его отношений, внимание к каждому человеку и тонкость чувств. Но его внутренняя жизнь... кто сможет говорить о ней правдиво и реалистично? Он пытался выразить невыразимое, используя общепринятый стиль благочестия своей эпохи. Он умножал определения, пытаясь убедить себя и сделать добро для других. Обилие его писаний ставит нас перед тайной его отношения с Богом. Безмолвие последних мгновений его жизни «весит» не меньше, чем тысячи исписанных им страниц. Он хотел «безмолвно кричать всей своей жизнью» благую весть миру. Его смерть действительно продолжает его жизнь.

Можно восхищаться его научными и лингвистическими трудами – они так обширны! Лингвистический труд, на котором нет его подписи, тоже некий знак самозабвенно отданной жизни. Замечательный труд, едва не исчезнувший в огне!¹² Этот труд как человеческое свершение – чудо его жизни, и другое чудо – что этот

¹¹ «Праведник» по-арабски – *прим. перев.*

¹² Убив Шарля де Фуко, нападавшие разгромили его жилище – *прим. перев.*

труд уцелел. Он свидетельствует о человеке, стремившемся умереть для мира, но на самом деле в полноте жившем в мире, несмотря на безвестность, которой он добивался.

Так, вопреки немощи и кажущемуся краху его жизни, он смог затеряться в любви Божией. Вспоминал ли он о своем первом размышлении над псалмами на Пятидесятницу 1897 года?

«Я вижу себя с пустыми руками, без всякого добра. Ты соизволяешь утешать меня: ты принесешь плод в свое время, говоришь мне Ты... Какое же это время? Время для всех нас, это час Суда: Ты обещаешь мне... что у меня будут плоды в сей последний час... И Ты добавляешь: ты будешь прекрасным деревом с вечнозелеными листьями, все твои деяния обретут успешное завершение и принесут свой плод для вечности»¹³.

Покидая Бени-Абесс, чтобы поселиться в Ахаггаре, Шарль закончил свою последнюю записанную медитацию такими словами: «...благодарю, что Ты так ясно показываешь мне, что одно только нужно: любить Тебя от всего сердца. Ибо, что бы мы ни делали для Тебя, – хоть мы и должны трудиться изо всех сил и как можно лучше, делая до мелочей все, что бы Ты ни повелел – это ведь неотъемлемая часть любви, – но все равно Ты не нуждаешься в нашем труде и мы остаемся служителями ничего не стоящими» (из «Духовных сочинений» брата Шарля).

Он приходит к Богу с пустыми руками. На самом же деле руки его полны, ибо он несет на себе тревоги многих и многих людей. Беспокойство обо всех превратилось в молитву отдание себя. Он научился страдать и любить. Он мог бы повторить слова умирающего аббата Ювелина: «мы никогда не будем любить достаточно». Он знает, что в немощи его – величайшая сила. И он может повторить ту молитву, которую он трижды переписывал, всякий раз изменяя в ней одну фразу: «Господи мой Иисусе, Ты сказал: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15:13), я от всего сердца хочу отдать свою жизнь за Тебя и

¹³ Цит. в перев. О. Дьячковой.

непрестанно прошу Тебя об этом. И все-таки не моя воля, но Твоя. В руки Твои предаю свою жизнь, делай со мной все, что Тебе угодно. Сделай так, чтобы я умер, прославив Тебя как можно больше. Боже мой, прости моих врагов и даруй им спасение! Аминь».¹⁴

В конце последнего путешествия, в 1913 году, покидая Францию и возвращаясь в Сахару, он сказал кому-то: «Подобно евангельскому зерну, я должен умереть в земле, в Сахаре, чтобы приготовить будущую жатву. Таково мое призвание».

В заключение стоит процитировать слова о. Войярда¹⁵ о Шарле де Фуко: «В общем, его смерть полностью соответствует его жизни и завершает ее с поразительной истинностью» (из письма о. Войярда к мадам де Блик, 21.01.1917).

После смерти брата Шарля на его столе остались несколько неотправленных писем. Выше уже были приведены отрывки из двух: к мадам Бриконе и к Луи Массиньену. Вот полный текст письма к Мари де Бонди, которое брат Шарль даже не успел закончить.

Письмо брата Шарля к Мари де Бонди

Таманрассет, 1 декабря 1916 года

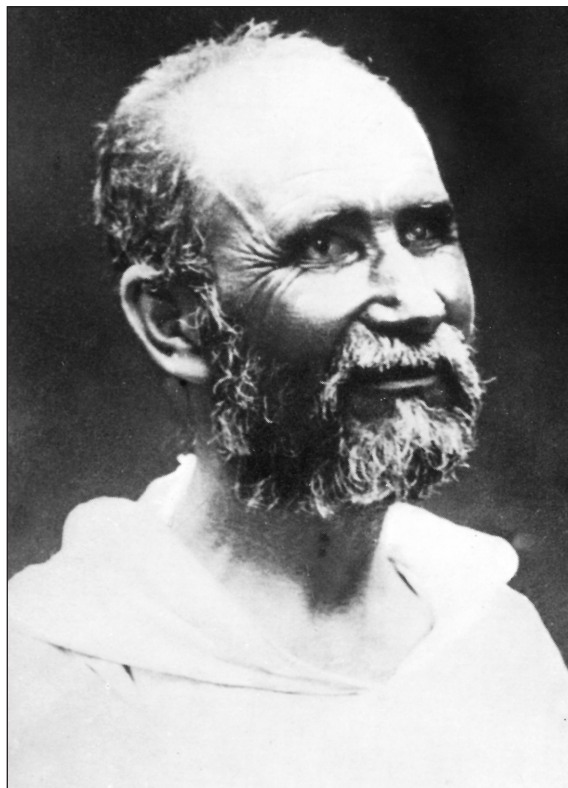
Спасибо, дорогая моя матушка, за Ваши письма от 15, 20 и 26 октября, которые я получил сегодня утром, а также за пачку какао... Вы по-прежнему балуете Вашего престарелого сына!

Я надеюсь, что когда это письмо дойдет до Вас (вскоре после 1 января), Магд(алена)¹⁶ начнет поправляться, Жан останется в добром здравии, и Вам самой будет не слишком плохо. Как можете Вы не ощущать бремени лет, Вы, для которой это бремя с давних пор весит более чем вдвое из-за испытаний. Как Вам не чувствовать себя раздавленной после тревог последних двух лет и постоянного

¹⁴ Цит. в перев. О. Дьячковой.

¹⁵ О. Войард – духовник брата Шарля после смерти аббата Ювелина.

¹⁶ Магдалена, Жан и Франсуа – дети Мари де Бонди.

*Последняя фотография брата Шарля
с цитатой из его письма другу:
«Я сохраняю хорошее здоровье,
хоть и выгляжу как старик: ни зубов, ни волос,
серая борода и бесчисленные морщины».*

беспокойства за Францию и за Жана! Эти страдания, эти тревоги, старые и новые, безропотно принятые и приносимые Богу в жертву в единстве со страстями Иисуса – не просто единственное, но самое главное сокровище, подаренное Вам Господом Богом, чтобы Вам предстать пред Ним не с пустыми руками. Конечно, Вам ка-

жется, что руки Ваши пусты, и я этому рад. Но я твердо верю и надеюсь, что Господь Бог – иного мнения. Он так часто давал Вам пить из Своей чаши здесь, на земле, и Вы с такой верностью пили из нее, что Он непременно приобщит Вас и к Своей небесной славе. Наше уничтожение – самый сильный способ, какой только есть, чтобы соединиться с Иисусом и дать благо душам других. Святой Иоанн Креста говорит об этом чуть ли не в каждой строчке. Когда можешь страдать и любить, можешь много, больше всего на свете. Мы всегда чувствуем, что страдаем, и не всегда – что любим, и от этого страдаем еще больше! Но мы знаем, что хотим любить, а хотеть любить – значит любить. Нам кажется, что мы любим недостаточно, – это правда, мы никогда не будем любить достаточно, но Бог знает, из какой грязи Он слепил нас, и Он любит нас больше, чем мать может любить своих детей, и Он сказал нам (а ведь Он не лжет), что не изгонит приходящего к Нему.

Кажется, в настоящее время нам ничего не угрожает со стороны Триполитании. (...) У нас не было никаких боевых тревог с сентября месяца. Страна остается спокойной, люди сохраняют замечательный настрой. То же самое можно сказать обо всем юге Алжира. (...)

Я чувствую себя хорошо. Зима – благоприятное время для Ахагара. Если есть болезни, для которых полезны умеренный климат и крайне сухой воздух, то люди начнут приезжать сюда лечиться, едва только будет налажено железнодорожное и автомобильное сообщение со столицей.

Вы знаете, как много я думаю о Вас, о Магд(алене) и Жане, не забывая и о Франсуа, и как издали я близок к Вам в Иссартах¹⁷. Я знаю, как Вам тяжело без мессы: это станет еще одной Вашей заслугой, а я буду еще больше думать о Вас, служа Евхаристию.

Пожалуйста, поддерживайте у Магд(алены) и ее деток память обо мне. Вы знаете, что Ваш престарелый старший сын от всего сердца предан Вам в Сердце Иисуса...

Перевод с французского Марии Теминой

¹⁷ Иссарты – одно из имений семьи де Бонди..

О СМЕРТИ И СТРАДАНИИ

**Святитель ФЕОФАН,
ЗАТВОРНИК ВЫШЕНСКИЙ**

ПИСЬМА¹

Письмо свт. Феофана к его умирающей сестре:

«Прощай, сестра! Господь да благословит исход твой и путь твой по твоем исходе. Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а ты перейдешь в иной мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая. Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им, и наши им передай приветы и попроси попещись о нас. Тебя окружают твои дети со своими радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь. Так не ужасайся, видя приближающуюся смерть: она для тебя дверь в лучшую жизнь. Ангел Хранитель твой примет душу твою и поведет ее путями, какими Бог повелит. Грехи будут приходить – кайся во всех и будь крепкой веры, что Господь и Спаситель все грехи кающихся грешников прощает. Прощены и твои, когда покаялась. Эту веру поживее восставь в себе и пребудь с нею неразлучно. Даруй же тебе, Господи, мирный исход! День – другой и мы с тобою. Потому не тужи об остающихся. Прощай, Господь с тобой!»

Письмо свт. Феофана к мужу умирающей сестры:

«Я всегда молился и молюсь, чтобы Господь дал сестре пожить, пока последние дети станут на ноги. Но, судя по тому, что вы мне сказали, теперь уже надо молиться о мирной кончине. Что же делать? Что судил Бог, тому надо покориться. Что умирает, – ничего необыкновенного нет. Вслед за ней и мы пойдем той же дорогой. Это – общий всех путь. Но все же смерть поражает всех, и ко всем умирающим мы относимся так, как бы они нечаянно умерли.

¹ «Смерти нет», Брюссель, «Жизнь с Богом». 1994 г. С. 55–59.

Вы останетесь доканчивать воспитание и устройство детей, а она отойдет, и там что нужно и можно приготовит для встречи вас. Будьте мужем силы. Скрепите силы и мужайтесь. Ведь сестра-то сама не умрет: тело умирает, а личность умирающей остается. Переходит лишь в другие порядки жизни. Вот и мы, пока она отойдет, – в тот же мир переходите со вниманием. В теле, лежащем под образами и потом выносимом – ее нет. И в могилу не ее прячут. Она в другом месте. Так же жива, как и теперь. В первые часы и дни будет около вас. И только не проговорит, да и увидеть ее нельзя, но она – тут. Вникните в это. Мы, остающиеся, плачем об отошедших, а им сразу легче: то состояние отрадно. Те, которые обмирали и потом вводимы были в тело, находили его очень неудобным жилищем. То же самое будет чувствовать и сестра. Ей так лучше, а мы убиваемся, будто с нею беда какая случилась. Она смотрит и, верно, дивится. Я всегда был такого мнения, что по умершим не траур надо одевать, а праздничные наряды. Ну, останкам почившего надо отдать некий почет, что совершенно справедливо, но зачем у нас к этому телу обращаются, как к живому лицу – удивляться надо. У Господа нет мертвых, у Него все живы. А мы, насмотревшись на тело, – синеватое, глаза впали и т.д. – именно это изображение запечатлеваем, и этот-то обман и раздирает сердце. Потом придет в голову мысль: сырая могила... мрачная... увы!.. бедный, несчастный наш умерший? А на самом деле: он в светлом месте, в состоянии, полном отрады, свободный от всех связанностей... прелесть, как ему хорошо. И все так же жив, как был вчера, накануне смерти! Только ему было хуже, а теперь лучше. Что его не видно, это не потеря, он бывает тут. Отошедшие быстродвижны, как мысль, они еще ближе становятся нам, чем были здесь, ибо здесь мы часто отделены от любимых пространством, а невидимое бытие сокращает разделение, так что вспомни лишь об умершем (только сердечной, живой памятью) – он тут и есть.

У отошедших скоро начинается и подвиг перехода через мытарства. Тут нужна сестре помощь. Думайте об этом, и вы услы-

шите вопль: помоги! Вот на что надлежит нам устремить все внимание и всю любовь к ней. Я думаю, самый действительный показатель любви вашей к усопшей будет то, если вы с минуты отхода души погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии и новых неожиданных нуждах. Начав так, непрестанно молитесь Богу о помощи ей, особенно в продолжении шести недель, да и далее. В сказании Феодоры – мешок, из которого ангелы брали, чтобы отделяться от злых духов, были молитвы ее старца. То же будет и ваши молитвы. Не забудьте так сделать, – вот и любовь! Поскорее и меня известите... и я тоже начну, и дети пусть так делают... А слишком горевать и убиваться – мало имеет смысла.

Письмо свт. Феофана к матери, схоронившей свою дочь и искавшей у него утешения:

«Милость Божия да будет с вами! Плачьте, плачьте! В этом нет ничего неестественного и укорного. Диво было бы, если бы мать не плакала о смерти дочери. Но при этом надо знать меру: не убиваться и не забывать тех понятий о смерти и умерших, которые даются нам христианством. Умерла! Не она умерла, а умерло тело; и она жива и так же живет, как и мы, только в другом образе бытия. Она и к вам приходит и смотрит на вас. И надо полагать, дивится, что вы плачете и убиваетесь, когда ей лучше. Тот образ бытия выше нашего. Если бы вы могли поговорить с ней лицом к лицу и попросили ее опять войти в тело, – она ни за что не согласилась бы. Зачем же вам вступать с ней в такое разногласие, какая уже тут будет любовь? Нельзя не пожалеть, что вам не пришлось лишний раз взглянуть в очи ее, последнее дать ей объятие материнской любви. Ну, вот и поплачьте. Только все немножко. Телесные очи ее закрылись, а душевными она смотрит; смотрите и вы на нее *душой* своею. Не воображайте ее в могиле. Ее там нет, там тело ее, а она вне, и теперь, может быть, около вас стоит. Язык ее замолк, но она не лишена возможности говорить вам в сердце. Внимайте и услышите: «Мамочка! Не тужи и не убивайся! Я с то-

бою и мне очень хорошо! Отвечайте же и вы ей: «Ну, слава Богу, что тебе лучше!» Объятия ее застыли, не прострутся более, но она собою, как душа, может обнять вашу душу и так же тепло, как теплы обычные объятия. Отвечайте же и вы спокойно, немятущеюся, теплою памятью о ней... вот и все. Благослови вас, Господи, и утешь!»

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)

СМЕРТИ НЕТ

Многие пугаются смерти. Но для христиан смерть – не впереди, а позади. Это кажется парадоксальным, но в действительности это так. Смерть неизбежна. Каждого человека ждет его час, когда душа разлучится с телом. Мы не можем жить в этом мире всегда. Псалмопевец говорит: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет» (Пс 89:10). Физически смерть впереди, а духовно позади, потому что человеку дана вечная жизнь. В «Символе веры» поем: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Одна женщина мне сказала: «У меня никогда не было ощущения, что меня не было, и нет ощущения, что меня когда-то не будет. Смерть – это не стена, о которую разбивается жизнь человека вдребезги и ничего не остается. Она – не уничтожение. Смерть – это дверь, которая открывается в Царство Небесное, это переход в Царство Небесное.

Если мы видим дверь, это означает, что за ней есть пространство, какие-то люди и мы должны с ними общаться. Бессмысленно стоять в дверях, это переход. Мы входим этой дверью в мир иной, где добро и зло не мешаны, где Бог – все во всем, где вся полнота жизни.

К. С. Льюис говорил: «Дверь, в которую мы стучались всю жизнь, наконец, откроется».

Каждый из нас бывал у постели умирающего. Смертельно больной человек уже уходит в иной мир, он уже тот и не тот, он смотрит теми же глазами и в то же время его глаза уже другие. Он видит близких своих людей не так, как видел всегда. Они уже не те, они иные. Потому что он сам иной, он находится на грани между этой и иной жизнью.

В одной семье умер дедушка. И отец говорит сыну: «Дедушка умер, как жалко!» Мальчик отвечает отцу: «Что ты жалеешь? Он у Бога».

Мать и отец молились у гроба 23-х летнего сына. После отпевания отец сказал: «Это не он ушел от нас, это мы еще к нему не пришли».

В древности говорили о смерти как о рождении в вечную жизнь.

Смерть воспринималась не как конец, а как начало.

Жизнь воспринималась как путь к вечности, войти в которую можно вратами смерти. Первые христиане всегда напоминали друг другу: имей память смертную.

Современный человек эти слова не принимает. А в действительности мысль о смерти, память о ней – единственное, что придает нашей жизни высший смысл.

Нужно стремиться жить так, чтобы смерть могла прийти в любой момент и застать нас на высоте духа: чтобы наши последние слова не были пустыми.

Страдание, если человек его принимает, не ропщет, проходит через него, завершается Радостью, Радостью неземной.

Каждому человеку очень важно когда-нибудь оказаться, как Матерь Божия, у Креста. Там некуда уйти. Божия Матерь не мечется, не суетится. Так и человек, испивая чашу страданий до дна, наполняется неземным светом.

Дочь одной умершей женщины поведала мне, что незадолго до смерти мать призналась ей: «Ты меня поймешь, откровенно говоря, я не хотела бы выздороветь, я боюсь потерять то, что Господь открыл мне во время болезни».

Известная певица Анна Герман лично встретила с Богом в глубине своего страдания на одре болезни. Рак съедал ее тело, оно уже отказывалось жить, а дух ликовал. Все ее мысли были заняты Богом. Все житейское отступило перед вечностью.

Последняя песнь Анны была молитва. Когда ей было физически очень тяжело, она садилась за рояль и пела псалмы и молитвы, мелодии к которым рождались в ее душе. Она пела «Отче наш», псалом 23-й «Господь – пастырь мой» и «Гимн о любви» – тринадцатую главу первого послания к коринфянам апостола Павла:

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Слушая последнее пение Анны, ощущаешь, как сказала Анастасия Ивановна Цветаева в одном из своих стихотворений, жажду ее души напиться бессмертия живой воды, а потом «из мрака тела – в дух, где тихо и светло».

Друг, посетивший Анну за два дня до ее смерти, свидетельствовал: «Я увидел человека очень больного, терпящего, но полного спокойствия и надежды. С тихой Анной мы и простились».

Смерть – не конец, это дверь, которая открывается и впускает нас в простор вечности, которая была бы навсегда закрыта для нас. Если бы смерть не высвобождала каждого из нас из рабства миру сему.

Протоирей АЛЕКСАНДР МЕНЬ

ИЗ ПИСЬМА ОТЦУ ВСЕВОЛОДУ РОЖКО¹

21 февраля 1975 г.

...О смерти и страдании. Думается, что опасно их идеализировать. Мы не переживали бы так пасхальное таинство, если бы смерть не представлялась нам торжеством темных сил, «последним врагом», как называет ее апостол. Некая условная ее поэтизация и наша вера в бессмертие смягчают мысль о бесконечном уродстве смерти. Я хоронил многие сотни людей всех возрастов и почти всегда ощущал смерть как величайшее поругание, унижение человека. В трупе, как правило, обнажается жалкая беспомощность и слабость духа. Поэтому-то прохождение Христа через ад есть крайний предел божественного кенозиса. Верим же мы не столько в бессмертие (по Платону и др.), сколько в Воскресение (о нем говорит «Символ веры»). Это чаяние – одно из самых грандиозных и захватывающих и в то же время – самых трудных в христианстве. Трудность его в том, что бессмертие в какой-то мере раскрывается в умозрении и опыте, а воскресение – чудо. Об этом писал еще во II веке Афинагор. Проблема заключается в том, как научиться по-новому говорить об этой тайне. Я за то и люблю Тейяра, что он делает попытку что-то осмыслить и даже представить в этом направлении. Ведь в сравнении с Грядущим наш мир – лишь эмбрион. Но с другой стороны Вы правы: раз смерть стала путем Христовым, она в каком-то смысле теряет свое «жалю». Это относится и к страданию. Само по себе оно есть зло (иначе Христос не исцелял бы людей). Но Его крестный путь возвысил и преобразил страдание. Я не берусь судить о чистилище, о котором Вы приводите цитаты. Наверно, очищение души от приросших к

¹ Из современных проблем Церкви. Фрагменты частной переписки о. Александра Менья. Фонд им. Александра Менья. М., 2004 г. С. 70–72.

ней грехов – процесс нелегкий. Но я буду говорить лишь об этой жизни. Думаю, прав был Монтень, говоря, что считать страдание самоцелью – абсурд. Все, созданное Творцом – создано для блага. Но таков наш падший мир, что в нем добро непрестанно сталкивается со злом, порождая тем самым страдание. Для христианина страдание часто (хотя и не всегда) может стать «крестом» и обрести преображающую силу. Оно «выжигает» (или, если хотите, искупляет) грех, учит сочувствию, закаляет веру, дает верную оценку миру и нам самим. Однако «навязывать» христианству «идеал страдания» мог разве что Геббельс. Конечно, были и у нас такие уклоны, но разве не «блаженство» обещает Христос Своим верным? Не с этого ли слова начинается Нагорная проповедь? Однако в мире, полном зла и греха, «блаженство» невозможно достичь вне «креста». Ведь и сам Бог страдал и страдает в этом мире. Можем ли мы изменить Ему и оставить Его? Иными словами – цель наша лежит, разумеется, не в страдании, а в победе над ним, в просветлении духа. И в этом есть, пусть слабое, подобие и отражение победы Господа над смертью. Уход из жизни многих праведных людей я так и переживаю: как одоление смерти. И мало того. Страсти Христовы приобретают совершенно особый смысл, если вспомнить, что они совершались **за людей**. Точно так же крест каждого неотделим от со-страдания и само-отвержения.

КЛАЙВ. С. ЛЬЮИС

ИССЛЕДУЯ СКОРБЬ

Предисловие переводчика

Супруга Клайва Стейнлза Льюиса – ее звали Джой Грэйзм, в девичестве Дэвидмэн – скончалась поздним вечером 11 июля 1960 г. Семейная жизнь продолжалась всего четыре года и три месяца, но для обоих это было бесконечно счастливое время. «В течение этих нескольких лет мы упивались любовью, такой разной – возвышенной и дурашливой, романтической и вполне земной; иногда тревожной, словно грозовые раскаты, а порой тихой и уютной, как домашние тапочки...» (Здесь и далее курсивом выделены фрагменты из книги «Исследуя скорбь»).

Они венчались в больничной палате, где Джой умирала от рака, потом – не исключено, что молитвами согласившегося их обвенчать отца Питера Байда – произошло исцеление, похожее на чудо. Летом 1958 года супруги путешествовали по Ирландии, на Пасху 1960 года, несмотря на то, что болезнь вернулась, съездили в Грецию: Джой выросла в еврейской семье, но «Афины» любила, может быть, даже больше, чем «Иерусалим»... Едва ли не с первой встречи, случившейся в 1952 году, она так или иначе «присутствовала» во всем, что писал Льюис. В беседе с ней оформился замысел романа «Пока мы лиц не обрели», она читала и со свойственной ей въедливостью критиковала трактат, известный по-русски под названием «Любовь» и «Размышления о псалмах», а после ее ухода появляется этот странный дневник, в котором с трудом узнается ироничный и рассудительный автора «Писем Баламута» или «Чуда»...

«Это была одна из тех немногих семей, которые по самому большому счету можно бы назвать христианскими, – писал биограф писателя и его друг Джордж Сэйер. – ... в любви Льюису

открылось, что все, о чем думал он...более двадцати пяти лет назад, и в самом деле правда; женщина, действительно, «и рай, и путь к раю»... Рядом с Джой он нашел себя. Большие не надо было принимать позы, надевать маски, разве чтобы позабавить друг друга. Брак излечил его от мнительности и самокопаний. Джой на лету подхватывала каждую его идею, тут же откликалась, и тем помогала родиться новой, порой более интересной мысли. Поистине это был благословенный союз...»¹.

Со смертью Джой истончается, почти рвется нить, связующая его не только с миром, но и с Богом. По воспоминаниям Сэйера, «он совсем не мог молиться своими словами, а повторять книжные, или, как Льюис их называл, «инфантильные» молитвы отказывался. У него почти не получалось писать; ни мысли ни, тем более, образы, не приходили. Он был поглощен только мыслями о Джой... Однако постепенно он осознает: такое состояние, на самом деле, душепагубно и, чтобы избавиться от него, начинает делать то, что делал всегда – пишет... на сей раз совсем тоненькую и отчаянно правдивую книгу»², в которой пытается хоть немного отстраниться от собственных терзаний и осмыслить все, что с ним происходит. Есть ли предел скорби? А где Бог? Кто Он – «Космический Садист» или все же сама Милость? А если Бог благ, зачем, откуда столько боли? Прежде эти вопросы были поставлены в «Страдании», и казалось, ответ на них уже найден. Теперь же понадобилось отвечать заново, самому себе, изнутри. «Подумать только, все, что мы с такой легкостью обращаем к другим, относится и к нам тоже». Смертью Джой так или иначе проверялось на достоверность все, что было написано прежде. «Дом» рушился перед натиском горя, но не потому что горе сильнее; оказывается, дом был карточный... «Все это время я носился с придуманной «верой», играл в бирюльки, на которых было написано «болезнь», «боль», «одино-

¹ George Sayer, *Jack: A Life of C.S.Lewis*, Hodder & Stoughton, 1997, pp. 380–381.

² George Sayer, *Jack: A Life of C.S.Lewis*, pp.393.

чество», «смерть». Оказалось, я доверял веревке лишь до тех пор, пока не понадобилось испытать ее прочность на себе. Теперь же пришлось – и никаких иллюзий на своей счет у меня больше нет ...»

Отсюда начинается долгое, мучительное карабканье наверх, из «черной пропасти» к «вечному источнику», к тому свету, в котором только и можно увидеть любимых, где бы они ни находились. «Мы встретились», – после одной ночи запишет Льюис. Так до конца не ясно, явилась ли ему Джой каким-то «известным» способом, но несомненно, стоило ему на самую малость «отступить от себя», и он со всей возможной остротой испытал ее явное присутствие, «самую сокровенную близость».

Клайв Льюис не хотел издавать этот дневник, тем более под своим именем. Единственным оправданием была мысль: «книга сможет помочь тем, кто оплакивает близких», и, как признается Дж. Сэйер, «в моем случае эта надежда оправдалась»³. Рукопись решили передать в издательство Faber and Faber, отчасти потому что возглавлявший его в те годы Т. С. Элиот обещал хранить тайну авторства. Первое издание книги увидело свет в 1961 году. На него пространной рецензией откликнулся *The Times Literary Supplement*, однако покупателей сочинение никому не известно-го Н. У. Клерка не заинтересовало и в читательский обиход оно вошло через год после смерти Льюиса – в 1964 году книга вышла под именем автора.

В истории русских переводов также присутствует некоторая тайна. Впервые книга была переведена Н. Л. Трауберг еще в конце 70-х какое-то время «ходила» в самиздате, и вскоре бесследно пропала. Идея нынешнего перевода возникла осенью 1996 года в Кракове, но не в качестве «замены» исчезнувшему, а скорее, это был «спасательный круг» – Льюис оказался прав, книга действительно пригодилась... Но и эта рукопись несколько раз исчезала, а в последний раз совершенно неожиданно обнаружилась несколько месяцев тому назад.

³ George Sayer, *Jack: A Life of C. S. Lewis*, pp. 394.

Наверное, стоит сказать и о том, что при всеобщем почтении к Льюису, книга «Исследуя скорбь» никогда не воспринималась однозначно. Американский собеседник Льюиса, исследователь английской литературы Чэд Уолли писал, что она сможет «по-настоящему утешить очень многих людей»⁴, а вот отец Александр Мень полагал, что давать ее можно лишь немногим.

Создателям фильма «Страна теней» (The Shadowland), во многом основанном на этом дневнике, показалось, будто в конце жизни Льюис вообще утратил веру, а уже упоминавшийся Джордж Сэйер, напротив, считал, что писатель вернулся «к жизнеподающей Жизни»⁵.

Споры о том, нужно ли было, нужно ли сейчас публиковать столь откровенный дневник, ведутся и поныне. Но все же мы рискнули предложить фрагменты из него, а что стоит за этим исповедальным словом и какие врата оно отверзает – пусть читатель решает сам.

С. Панич

I

Мне никогда не говорили, что скорбь очень похожа на страх. Бояться, вроде бы, нечего, но все равно страшно. Та же мелкая дрожь в желудке, то же смятение и комок в горле. Я то и дело нервно сглатываю.

А иногда чувствуешь себя, как после небольшой попойки или легкого сотрясения. Словно кто-то протянул невидимую завесу между мной и миром. Трудно поддерживать разговор, вернее, трудно хотеть его поддерживать. Мне совсем не интересно, о чем говорят люди, но хочется, чтобы они были рядом. Особенно жутко в те часы, когда дома никого нет. Пусть приходят, но только пусть беседуют друг с другом, а не со мной.

А порой откуда-то изнутри неожиданно начинает подниматься увещающее воркованье: мол, не стоит так сильно отчаиваться,

⁴ Цит. по : С. S. Lewis, A Grief Observed, 3 ed. Bantam Books, 1976 p. 1.

⁵ George Sayer, *Jack: A Life of C. S. Lewis*, pp. 394.

жизнь больше любви, ты ведь бывал счастлив и до того, как встретил Е.⁶, правда? У тебя было много, как теперь принято говорить, возможностей... Ну, будь молодцом... В конце концов, люди и не с таким горем справляются... Слышать этот лепет стыдно, хотя на мгновение кажется, будто в нем и впрямь что-то есть. Но тут же подкатывает горячая память, и все «благоразумие» рассыпается в прах.

Другие, напротив, скорбят громко и бурно. Мадлен плачет. Я же предпочитаю молча умирать от горя. Во всяком случае, это честней и чище, чем плескаться в приторно-сладкой, липкой водичке жалости к себе. И даже когда я сам предаюсь этому извращенному удовольствию, знаю, что оно уводит меня от Е. Поддайся на его приманку – и тут же на месте женщины окажется кукла. Но, слава Богу, память о ней так сильна (а она всегда будет так сильна?), что удерживает меня от этого соблазна.

С Е. никогда ничего подобного не случилось. Ее разум был гибким, быстрым и мощным, как леопард. Ослабить его не могла ни страсть, ни нежность, ни боль. Он безошибочно чуял малейшую пошлость..., один прыжок – и ты повержен еще до того, как понял, что же произошло. Сколько моих пузырей она проткнула! Я довольно быстро выучился не говорить ей ерунды, а если говорить, то лишь ради бесхитростного удовольствия – еще один обжигающий удар! – быть высмеянным и остаться в дураках. Меньше всего глупостей я совершил, когда мы были вместе.

А еще – никто никогда не говорил мне, что скорбь так ленива. Если не считать работы – колесо должно вертеться, как всегда – мельчайшее усилие мне в тягость. Куда там писать, прочитать письмо – и то не вмоготу. Даже побриться... Да и какое значение имеет сейчас, гладкие ли у меня щеки. Говорят, будто несчастному нужно хоть на время «забыться», то есть уйти от себя самого. Возможно, но лишь настолько, насколько тому, кто устал, как со-

⁶ Супруга К. С. Льюиса, Джой Грэшем, после смерти которой был написан этот дневник, очень любила греческую античность, поэтому Льюис называл ее «Еленой». Отсюда и сокращение Е. в записях. – Прим.пер.

бака, нужно второе одеяло в холодную ночь — он, скорее, предпочтет лежать и мерзнуть, чем встанет, чтобы его достать. Легко понять, почему одинокие люди становятся сначала неряшливыми, потом — грязными и, наконец, омерзительными.

Кстати, а где Бог? Это один из самых тревожных симптомов. Когда вы счастливы, настолько счастливы, что не видите смысла к Нему взывать и уже готовы воспринять Его заповеди как досадную помеху или, наоборот, когда вы в ясном уме и доброй совести возносите Ему благодарения и хвалы, вас — так, по крайней мере, кажется, — примут с распростертыми объятиями. Но стоит прийти к Нему в отчаянии, когда помощи ждать неоткуда — и что же? Дверь захлопнулась перед вашим носом. Вы слышите, как изнутри ее запирают на двойной засов, и все, тишина. Можно убираться восвояси. Ждать бессмысленно — тишина становится только убийственной. В окнах темно. Никого нет дома. Да и был ли там кто-нибудь? Когда-то вы думали, нет, наверняка знали, что дом обитаем, а сейчас... Что все это значит? Почему Он лезет со своими заповедями, когда мы счастливы, и явно не спешит помочь в беде?

Сегодня вечером я попробовал поговорить об этом с К. Он напомнил, что похоже было и со Христом. «...зачем Ты меня оставил?» Да, я знаю. Но разве от этого легче понять?

Нет, мне не угрожает (по крайней мере, я так думаю) потеря веры. Куда ужасней поверить в «жестокую правду» о Нем. Подумать: «теперь я знаю, что Бога нет», не так страшно, как сказать себе: «теперь я знаю, каков Он на самом деле, и больше не буду обманываться на этот счет».

...Конечно, легко сказать: Бог отсутствует именно тогда, когда Он больше всего нужен просто потому, что этот «персонаж» вообще отсутствует, то есть Его не существует. Но почему же в таком случае, Он всегда оказывается рядом когда, скажем прямо, Его не звали?

Впрочем, женитьба открыла мне одну истину: это неправда, будто религию придумали для утоления подсознательных ненасытных желаний, и она заменяет нам секс. В течение этих несколь-

ких лет мы упивались любовью, такой разной – возвышенной и дурашливой, романтической и вполне земной; иногда тревожной, словно грозовые раскаты, а порой тихой и уютной, как домашние тапочки. Каждое движение души было услышано, каждый изгиб тела – обласкан. Так что если Бог и впрямь оказался бы всего лишь «суррогатом страсти», мы довольно скоро должны были бы потерять к Нему всякий интерес. Кому нужен суррогат, если можно «пить из источника»? Но все оказалось иначе. Мы оба знали: нам нужно что-то еще, помимо друг друга, – это было совершенно иное «что-то» и совсем иная жажда... Если любящие обладают друг другом, это вовсе не значит, что им больше не нужно читать, или есть – или дышать.

Несколько лет назад, после смерти приятеля я точно знал: его жизнь не только не прекратилась, но приумножилась. Сколько раз я умолял о том, чтобы мне была дана хотя бы сотая доля такой уверенности о Е... Нет ответа. Наглухо задраенная дверь, железный занавес, пустота. Абсолютный ноль. «Просящие не получили». Я был наивен – вот и просил. Но даже если бы такая уверенность вдруг появилась, я бы все равно ей не поверил, а, скорее, принял бы ее за плод воображения, подогретого моими же молитвами. Но как бы там ни было, от тайновидцев и «спиритов» разных мастей надо держаться подальше. Я обещал это Е. Она кое-что об этой публике знала.

Держать слово, данное умершему или кому-то еще, – воистину правильно и достойно. Но я начинаю замечать, как «уважение к воле покойного» превращается в ловушку. Вчера я едва удержался, чтобы не сказать о какой-то ерунде: «Е. бы это не одобрила». Позволить себе подобное было бы несправедливо по отношению к другим. А стоит попустить – и сам не заметишь, как «это понравилось бы Е.» станет орудием домашней тирании, а предполагаемые «желания усопшей» – все более тонким покровом для моих капризов.

Я совсем не могу говорить о ней с детьми. Стоит мне начать, как на их лицах появляется, нет, не скорбь и не любовь, не страх, не боль, а самая непреодолимая из всех преград – растерянность.

Они ведут себя так, словно я делаю что-то неприличное, просят меня остановиться, прекратить... Впрочем, так же вел себя и я, когда отец вспоминал о моей умершей матери. Я их не виню. Таковы все мальчики.

Иногда я думаю, что стыд, самый обычный, неуклюжий, нелепый стыд «ограждает» нас от добрых поступков и радости, которую они приносят, куда надежней, чем любой из наших пороков. Причем не только в отрочестве...

А может, мальчики правы? Что подумала бы Е. об этом ужасном блокноте, к которому тянет меня снова и снова? Сказала бы, что все это – сплошное душераздиранье? Где-то прочитал: «Всю ночь я не спал из-за зубной боли и думал о том, что у меня болят зубы, и я лежу без сна». Такова сама жизнь. В каждом страдании неизбежно присутствует его «тень» или «отражение», рефлексия: вы не только страдаете, но не перестаете размышлять о том, как вам плохо. Я не просто скорблю, но проживаю каждый бесконечно долгий день, думая о том, что живу в скорби. Я пытаюсь писать, но, кто знает, может быть от этих записок становится только хуже? Может, это они поддерживают унылое и однообразное верчение мысли? Но что я могу поделать? Нужен какой-то наркотик, а чтение для меня сейчас наркотик недостаточно сильный. Вот я и пишу все это (все ли?.. нет, лишь одну мысль из сотни), чтобы хоть немного отстраниться от того, о чем думаю. Примерно так я стал бы защищать свой блокнот перед Е. Но даю десять против одного, она тут же нашла бы в моих оправданиях слабое место.

А впрочем, что там мальчики... Еще одно «побочное следствие» утраты – я обнаружил, что теряюсь перед каждым встречным. На работе, в клубе, на улице, завидев, что кто-то идет в мою сторону, я начинаю мучительно соображать, заговорит ли он «об этом» или будет старательно «обходить тему». И то, и другое в равной мере невыносимо. А кое-кто из знакомых вообще предпочел на время исчезнуть. Р. избегал меня в течение недели. Более всего мне нравятся хорошо воспитанные молодые люди, почти подростки, которые робко приближаются ко мне, словно я – зубной врач,

отчаянно краснеют, долго справляются со смущением, а потом то-ропливо, будто сделали что-то непристойное, отходят к стойке бара. Наверное, тех, кто скорбит, следовало бы замыкать в спецпоселениях, как прокаженных.

Некоторые же видят во мне нечто куда более страшное, чем ходячее горе. Для них я – «полпред смерти». Стоит встретить счастливых супругов – и чувствую, как каждый из них, глядя на меня, думает: «Когда-то и я стану таким же...»

Поначалу я очень боялся бывать в тех местах, где мы были счастливы – в нашей любимой пивной, в нашем любимом лесу. Но все же я заставил себя приходить туда – подобно тому, как выжившего в аварии летчика при первой же возможности снова отправляют в полет. К моему удивлению, ничего особенного я не почувствовал – ее отсутствие в равной мере мучительно везде. Оно вообще не ограничено пространством. Тот, кому запретили есть соль, вряд ли различит, что в одном продукте ее меньше, чем в другом – сам вкус привычной еды для него изменился раз и навсегда. Вот так и со мной. Сама жизнь теперь неузнаваемо-другая. Отсутствие Е. – это как небо, распростертое над всем миром.

Нет, это не совсем так. Есть одно «пространство», в котором без нее особенно тяжело, и мне никуда от него не деться. Я имею в виду собственное тело. Прежде оно что-то значило, потому что его любила Е. Сейчас это пустая коробка, вымерший дом. И все же не надо себя обманывать: оно снова станет мне дорого, как только я подумаю, что с ним может что-то случиться.

Рак, рак и снова рак. Моя мать, мой отец, моя жена. Кто следующий в этой череде?..

Хотя сама Е., полностью осознавая, что умирает от рака, как-то призналась, что почти избавилась от давнего страха перед ним. Стоило болезни подступить совсем близко, ее имя перестало пугать. Я, кажется, понимаю, почему, и это не пустой домысел. Человек никогда не встречается с абстрактным Раком, Войной, Несчастьем (или Счастьем). Мы проживаем только «именно этот час», только «сию минуту». Всевозможные падения и взлеты. Множе-

ство темных пятен на наших самых светлых днях и проблески света – на самых черных. Увидеть целиком, со всеми последствиями, то, что привычно называют «событием как таковым» невозможно. Впрочем, мы употребляем эти слова неточно. «Событие как таковое» – это и есть те самые падения и взлеты, все прочее – лишь имена да идеи.

Уму непостижимо, сколько счастья, даже не счастья – простой радости сваливается в одночасье, когда, вроде уже перестаешь ждать. Как долго, как умиротворенно и утешительно беседовали мы в прошлую ночь!

Нет, не совсем «мы». Даже у «единой плоти» есть свои пределы. На самом деле, человек не способен полностью разделить с ближним его слабость, боль или страх. Вам может быть плохо, очень плохо, возможно, почти так же, как и другому, но я ни за что не поверю, если кто станет утверждать, будто испытывает совершенно ту же боль. Нет, совсем иную... Взять хотя бы страх. Самый обычный животный страх, ужас живого организма перед неминуемой гибелью. Удушливое чувство, будто ты – крыса в капкане, разделить невозможно. Ум еще способен со-чувствовать, но тело вряд ли. Хотя телам любящих что-то похожее известно. Любви близость учит – нет, не сливаться, а откликаться, восполнять, вбирать в себя жизнь, которая всегда будет отличаться от твоей.

Мы об этом знали. У меня были свои горести, у нее – свои. Конец ее печалей мог быть началом моих. Мы шли по разным дорогам. Эта жестокая правда, бесчеловечные правила движения – «вам, мадам, направо, а вам налево, сэр» – всего лишь начало того разделения, которое довершает смерть.

Это разделение ждет всех. Какое-то время я думал, что мы с Е. как-то особенно несчастны в своей оторванности друг от друга. Но, наверное, это удел всех любящих. Она как-то сказала: «Даже если мы умрем в одну минуту, лежа рядом друг с другом, все равно наступит разлука, которой ты так боишься». Конечно, тогда она не *знала*, и тем более, не знал я. Но Е. была близко от смерти, достаточно близко, чтобы попасть в цель... Время, пространство и плоть –

вот телефонные провода, соединявшие нас друг с другом. Пережьте один или уберите все – разве тут же не прервется беседа?

Кто-то скажет, что есть и остались, не менее надежные способы общения. Допустим, но тогда какой смысл уничтожать прежние? Разве Бог похож на шута, который злорадно выплескивает вашу миску с супом, чтобы через минуту поставить перед вами новую? Даже природа так не потешается. Она никогда не повторяет один и тот же трюк дважды.

Трудно сохранить терпение, когда имеешь дело с людьми, которые говорят: «Смерти не существует» или «Смерть ничтожна в сравнении с ...» Смерть существует, а сущее ничтожным быть не может. Все, что бы ни происходило, влечет за собой неизбежные, необратимые последствия. Так можно договориться до того, что и рождение – тоже ерунда... Я всматриваюсь в ночное небо. Если бы мне позволили исследовать эти бездны времени и пространства, я все равно не нашел бы в них ее лица, голоса, прикосновений. Она умерла. Умерла. Разве это так трудно запомнить?

У меня ни осталось ни одной хорошей фотографии Е. Я даже не в силах представить ее лицо, хотя внешность какого-нибудь случайного незнакомца, увиденного в утренней толпе, может целый день стоять перед глазами. Объясняется это довольно просто. Близких мы видим в разных состояниях, под разными углами, на свету и в тени, видим, как они спят, просыпаются, плачут, едят, разговаривают, думают, и все эти впечатления со временем сливаются в нашей памяти в пестрое пятно. Но ее голос не спутаешь ни с чем. Незабвенный голос, способный во мгновение ока превратить меня в рыдающего ребенка.

II

Я впервые вернулся к началу, перечитал эти записи – и ужаснулся. По их тону вполне может показаться, что уход Е. – не более, чем повод для моих переживаний. Самой ее как будто и нет. Неужто я забыл ту горькую минуту, когда она воскликнула: «А

ведь ради стольких радостей стоило жить!» Счастье пришло к ней довольно поздно. Но даже тысячи лет счастья не сделали бы ее *blasée*⁷. Она, как никто другой, умела дорожить чистыми радостями смысла, ума и духа. Ее ничто не могло испортить. Она любила очень многое, любила сильнее, чем все, кого я знал. Долгий голод в конце концов был утолен достойной пищей – но внезапно блюдо выхватывают из-под носа и уносят прочь. Судьба (как бы она ни называлась) любит отнимать свои же подарки. Бетховен был глухим. Если судить по-человечески, это нелепая шутка, дурацкая выдумка зловредного недоумка.

Я должен больше думать о Е. и меньше – о себе.

Легко сказать... И вот ведь в чем загвоздка: о ней я думаю почти все время. Думаю о ее словах, взгляде, улыбке, жестах. Но вспоминаю я лишь то, что выбирает и собирает мой разум. Вообще, не прошло и месяца после смерти Е., как я стал замечать, что она постепенно превращается в придуманную мною женщину. Бесспорно, созданную по образу реальной – нарочно я ничего не выдумываю и, надеюсь, не буду. Но, как ни старайся, плод моего воображения неизбежно вытесняет живую Е. А «подлинника», чтобы проверить, больше нет. Больше никто не отрезвит, ни осадит меня так, как умела это она— всего лишь тем, что всегда была только собою, а не мной.

Женитьба одарила меня драгоценным ощущением того, что рядом кто-то бесконечно родной, близкий, и вместе с тем, – совершенно иной, не зависящий от моей воли, – словом, настоящий. И что же, нить оборвалась, все кончено? Неужели мои непрестанные вопли о том, чтобы Е. непостижимым образом появилась из небытия – не более, чем одно из старых холостяцких мечтаний? Хорошая моя, вернись хоть на миг и прогони этот жалкий призрак! Господи, скажи, ну зачем Тебе понадобилось тратить столько сил, чтобы извлечь свое творение из раковины, если Ты сейчас загоняешь его обратно?

⁷ *Blasée* (франц.) – притупленный, хотя здесь по смыслу, скорее, «пресыщенный».

Сегодня я встретил знакомого, с которым не виделся лет десять. Все это время я думал, что довольно неплохо помню его внешность и голос. За первые пять минут общения с живым человеком от жившего в моей памяти образа не осталось и следа. Но это не потому, что мой знакомый так переменялся. Напротив, все время нашего разговора мне казалось, что я просто забыл, как, на самом деле, он думал, чего не любил, о чем знал и как запрокидывал голову. Мне были известны его привычки и я тут же припомнил их, как только мы встретились. Но за время его отсутствия портрет, нарисованный моим умом, потускнел, стерся, и поначалу я подумал, что приятель изменился до неузнаваемости – настолько живой человек был не похож на десять лет лелеемый мною образ. А что, если так случится и с памятью о Е.? Или уже случилось? Медленно, бесшумно – так бывает в ночной снегопад – обрывки моих воспоминаний заматают ее черты, и скоро они совсем скроются из виду. Десять минут, ну хотя бы десять секунд присутствия живой Е. могли бы прогнать этот морок. Но даже если мне будут даны эти десять секунд, уже на одиннадцатую снова повалит снег. Острый, резкий, отрезвляющий запах ее непохожести исчез навсегда.

Только законченный ханжа может говорить, что она «вечно будет жить в нашей памяти». Жить?.. Этого-то как раз и не будет. Спору нет, можно, как древние египтяне, верить, будто стоит покойного забальзамировать, – и он навсегда останется с нами. Но разве трудно понять: умершие уходят? Что, спросите, остается? Труп, воспоминания, да, по некоторым версиям, дух. То есть, жалкие подобию да кошмары. Еще три способа сказать «умер». Думать, что это и есть любимая женщина также дико, противоестественно, как влюбиться в собственную память о ней, в образ, рожденный собственным рассудком. Инцест какой-то...

...Помню, до чего же я был поражен, когда много лет назад ясным летним утром увидел, как на приходское кладбище вошел крепкий, жизнерадостный работяга с мотыгой и лейкой в руках, и, захлопывая калитку, на ходу бросил доживавшимся его приятелем

лям: «Ну, пока, пойду проведу маму». Он имел в виду, что собирается прополоть, полить и вообще привести в порядок ее могилу. Меня всегда ужасали кладбищенские сантименты, но теперь я думаю, что тех, кто может последовать примеру этого человека (а я не могу!), осуждать не стоит. Три на пять футов клумба стала «Мамой», ее символом, ниточкой, соединяющей с ней. Поэтому ухаживать – значит, навещать. Но чем лучше хранить и лелеять порождение собственной памяти? Могила и образ – две одинаково беспомощные попытки вернуть безвозвратное, увидеть незримое. Образ даже ущербней – им можно вертеть, как хочешь. Он будет улыбаться или хмуриться, будет веселым, нежным, дерзким, даже грубым, – словом, все, что прикажете. Будет послушным, как марионетка. Но нет, не совсем. Память, слава Богу, все еще слишком свежа; в любую минуту могут нахлынуть незванные воспоминания и вырвать веревочки из рук. Но со временем образ становится все зависимей, все покорней. Не то что клумба – еальность такая же упрямая и неподатливая, какой была при жизни Мама. Какой была Е.

Вернее, какой она осталась. Но могу ли, положи руку на сердце, признать, что она не растворилась в небытии? Большинство из тех, с кем я встречаюсь, скажем, на работе, считают, что ее больше нет. Конечно, они не станут меня в этом убеждать, сейчас, по крайней мере, не станут. А сам-то я как думаю? Я всегда мог, да и сейчас могу искренне молиться о других усопших, но стоит вспомнить о Е. – тут же начинаю запинаться, теряюсь и столбеенею. Охватывает удушливое чувство нереальности происходящего, как будто кричишь ни о чем в никуда.

Причина ясна, как день. Узнать действительную цену веры можно лишь тогда, когда на карту поставлена жизнь. Легко рассуждать о прочности и надежности веревки, если она нужна только для того, чтобы перевязать ящик. Но, допустим, вам предстоит повисеть на этой веревке над пропастью – и тут же становится ясно, насколько вы доверяете ей на самом деле. Так же и с людьми. Много лет я был убежден, что полностью доверяю Б. Р. Но потом

наступил день, когда мне предстояло решить, могу ли я поделиться с ним действительно важной тайной. И я увидел свое «доверие» в совершенно неожиданном свете, точнее, понял, что его никогда не было. Вера испытывается только настоящей опасностью...

...Расскажите мне об истинах веры – и я послушаю вас с радостью. Напомните о религиозном долге – буду слушать из вежливости. Только не говорите мне о том, что «религия утешает», иначе я заподозрю, что вы чего-то не понимаете.

Или же простодушно верите во все эти сладкие байки насчет «встречи на другом берегу». Они – не из Писания, а из глупых песен и пошлых религиозных картинок. В Библии ничего подобного нет. Верить им невозможно: мы *знаем*, что там будет совсем иначе. Реальность никогда не повторяется. В одну и ту же реку не войдешь дважды. Именно этого так и не поняли доморощенные тайновидцы: «Жизнь за чертой так похожа на нашу...» В раю будут сигары. А впрочем, все мы хотим только одного – чтобы счастливое прошлое вернулось...

Бедняга К. напомнил: «Не плачьте, как не имеющие надежды». Подумать только, все, что мы с такой легкостью обращаем к другим, относится и к нам тоже. Однако павловы слова смогут утешить лишь того, кто любит Бога больше, чем усопших, а усопших – больше, чем самого себя. Мать, скорбящую не о себе, а о превратившейся жизни ребенка, утешит заверение в том, что вечность от него не отнимется, а сама она, потеряв дитя, свою единственную земную радость, по крайней мере, не лишилась большего – надежды «всегда прославлять Бога и вечно пребывать с Ним». Этим, возможно, утешится ее бессмертный, устремленный к Богу дух, но не ее материнство. О материнском счастье предстоит забыть. Никогда, нигде не держать ей своего малыша на коленях, не купать его, не рассказывать ему сказки, не мечтать о будущем, не нянчить внуков.

А еще мне говорят, что Е. теперь хорошо, что она, наконец, «упокоилась». Да откуда они это знают? Нет, я не боюсь наихудшего. Перед тем, как уйти, она сказала: «Я примирилась с Богом». Так

было не всегда. И она никогда не врала и не обманывалась, тем более, в свою пользу. Я имею в виду совсем другое. Почему они так уверены, что со смертью мучения прекращаются? Большая часть христиан, да и миллионы последователей восточных религий верят как раз в обратное. Откуда им известно, что ей дарован вечный покой? Разве может один из любящих наслаждаться покоем, зная, что другой томится в разлуке?

«Ибо она в руках Божиих». Но Е. была в них все время, и я видел, что эти руки с ней сделали. Неужели они милостивей к тем, кто разлучился с телом? Почему? Если благодать Божья несовместима с жестокостью, значит Бог не благ, или вообще нет никакого Бога, ибо в течение всей доставшейся нам жизни Он только и делает, что мучит нас так, как и в страшном сне не приснится. Если же допустить, что страдания попускаются исключительно «из любви», тогда Он с не меньшей жестокостью должен терзать нас и после смерти...

...За каждой молитвой, за всеми надеждами – память о том, как мы зывали к Небесам, как тщетно хватались за каждую соломинку. И это были не просто мечтания воспаленного ума. Ложные надежды подпитывали, да что там, их навязывали нам ошибочные диагнозы, рентгеновские снимки, странные ремиссии, наконец, случившееся однажды выздоровление, которое мы сочли чудом. А тем временем, шаг за шагом «нас вели по садовой тропе». Когда казалось, что Бог к нам особенно милостив, на самом деле, Он задумывал новую пытку.

Так я писал прошлой ночью, но все это скорее вопль, чем мысль. Что ж, попробуем еще раз. Итак, разумно ли верить в жестокого Бога? По крайней мере, в настолько жестокого? В Космического Садиста, в злобного придурка?

Думаю, в таком случае Он оказался бы слишком человекоподобным, если не сказать хуже. Он был бы куда больше похож на нас, чем сидящий на облаке длиннородый почтенный старец с религиозной картинки. Старец – чистой воды юнгианский архетип. Бог, похожий на сказочных королей, древних провидцев, вол-

шебников, ведунов. Конечно, картинка «показывает» человека, но указывает на то, что явно выходит за земные пределы, на Кого-то, Кто всегда будет старше, разумней, кого «умом не уловишь». Отсюда – ответ надежды; отсюда – трепет, благоговейный страх, но вовсе не обязательно ужас перед разгневанным тираном. А вот жуткий образ, который вылепился у меня прошлой ночью, мало чем отличается от человека вроде С. К., который иногда любит подсесть ко мне за обедом и рассказать, что пополудни он устроит своим кошкам. Сколь велик и грозен ни был бы С. К. все равно, сам по себе ничего нового создать, изобрести, открыть он не может. Все, на что годится такое существо, – расставить ловушки и подманить несчастных тварей. Но придумать приманки вроде любви, смеха, первых золотистых нарциссов или морозного заката ему не под силу. И *Этот* сотворил вселенную? Да он не способен пошутить, восхититься, защитить, быть другом, в конце концов.

Но можно ли всерьез верить в злого Бога?.. Человеческий род, скажут мне, падший и извращенный. Причем извращенный настолько, что не различает добра и зла. Если уж мы что-то сочли добром, можно быть уверенным: ничего доброго от этого «добра» ждать не стоит. Поэтому Бог – и здесь самые страшные опасения оправдываются – обладает наихудшими, с нашей точки зрения, свойствами – Он неразумен, зол, обидчив, мстителен, несправедлив, жесток. Но все эти пороки, на самом деле, – чистые добродетели, и только наша испорченность мешает нам это увидеть.

Что из этого следует? Только одно: в своих теоретических построениях, равно как и в жизни, мы вполне можем обойтись без Бога. Определение «благой» применительно к Нему теряет всякий смысл. У нас нет повода Его слушаться и, тем более, бояться. Да, Он чем-то грозился и что-то обещал. Но с какой стати мы должны Ему верить? Если жестокость у Него считается благом, почему бы Ему не счесть благом и вранье? Но, допустим, Он сдержит слово. Что из этого? Если Его представления о добре настолько расходятся с нашими, вполне возможно, обещанный Им «рай» для нас будет адом и наоборот. В конце концов, если окружающая нас ре-

альность от начала и до конца бессмысленна или, скажем иначе, если мы такие кретины, что толку пытаться думать о Боге или о чем-нибудь еще?..

Но почему я позволяю себе эти бредни? Неужели я и впрямь верю, что стоит чувство упрятать под мыслью – и будет не так больно? Вся моя писанина – не более, чем безобразные корчи глупца, упорно отказывающегося признать: единственное, что можно сделать со страданием, – выстрадать его до конца. Разве кто-то еще верит в болеутоляющие (если таковые вообще есть)? Когда вам сверлят зуб, можно вцепиться руками в зубоврачебное кресло, можно сложить их на коленях, но, как ни сиди, легче все равно не станет.

А скорбь по-прежнему похожа на страх. Точнее, на беспокойство. Или на ожидание: как будто еще минута – и что-то случится. Живу в подвешенном состоянии, ни за что не могу взяться. Зеваю, слоняюсь из угла в угол, слишком много курю. До сих пор мне всегда не хватало времени. Теперь ничего, кроме времени, у меня нет. Одно только время, холостой ход событий...

III

Неправда, что я всегда думаю о Е. Куда там – работа, беседы, но хуже всего, когда нет ни того, ни другого. Ибо тогда все вокруг за-тапливает непонятно откуда взявшееся вязкое чувство, будто что-то не так, неладно. Похоже бывает во сне – вроде бы ничего страшного, и вообще, ничего такого, о чем стоило бы рассказать за обедом, не происходит, но в воздухе явственный привкус жути. Так и сейчас. Я гляжу на красноватые ягоды рябины и не понимаю, почему они навевают тоску. Часы тоже бьют совсем не так, как прежде. Что случилось с миром? Почему он стал таким пресным, затхлым, тусклым? А потом вспоминаю.

Еще одно опасение. Острая боль, безумные бессонницы рано или поздно пройдут. А что останется? Тупое безразличие да затяжная, убийственная тоска? Неужели пройдет время и перестану

дивиться, что мир так похож на заплыванный тротуар, просто потому, что привыкну к запустению? Неужели скорбь, в конце концов, вырождается в тошнотную скуку?

Чувства, чувства, и снова чувства. Но попробуем порассуждать. Разве со смертью Е. рухнула вселенная? Тогда почему я должен сомневаться в том, во что верил прежде? Да, подобные беды случаются каждый день. Бывает и пострашней. Все это я, бесспорно, допускал. Меня предупреждали, да и сам я себя предупреждал: не стоит полагаться на земное счастье. Обещано нам было совсем другое – страдания. Без них не обойтись никак. Больше того, нам сказали: «Блаженны плачущие» – и я на это согласился. Словом, ничего нового, получил, что просил. Конечно, одно дело, когда горе случается с другими, и совсем иное – когда с тобой, причем не в воображении, а въяве. Но, положив руку на сердце, есть ли хоть какая-то разница? Никакой. По крайней мере для человека который искренне верует и неподдельно страдает. Ясней ясного: если моя хижина рухнула от одного удара, значит, это был карточный домик. Вера, которая «все это допускает» – вовсе не вера, а игра воображения. «Допускать» – не значит сочувствовать. Если бы мне и впрямь было дело до всех скорбей мира, я бы не так выл от собственной скорби. Все это время я носился с придуманной «верой», играл в бирюльки, на которых было написано «болезнь», «боль», «одинокчество», «смерть». Оказалось, я доверял веревке лишь до тех пор, пока не понадобилось испытать ее прочность на себе. Теперь же пришлось – и никаких иллюзий на свой счет у меня больше нет.

Знатоки бриджа как-то сказали мне, что играть нужно только на деньги, «иначе другие люди не будут принимать вас всерьез». Думаю, это как раз мой случай. Все наши разговоры – есть Бог, нет Бога, космический садист или сама милость, вечная жизнь или черная пропасть – пустое сотрясение воздуха, пока мы не платим за них по самой высокой цене. Узнать, чего они на самом деле стоят, можно только если на карту поставлено все, если игра идет не на фантики и не на гроши, а на самый последний грош. Лишь так

человек, вроде меня, вытряхивается из скорлупы пустых разглагольствований и отвлеченных воззрений. Его нужно как следует пнуть, чтобы он осознал, где его правда.

Должен признать – будь рядом Е., я понял бы это гораздо скорее – если моя «твердыня» и впрямь была карточным домом, чем раньше страдание ее развалит, тем лучше. А значит «космический садист»... становится ненужной гипотезой.

...Но вполне возможно, что и так называемое «возрождение веры», если оно действительно случится, – не более, чем еще один карточный дом. Но пойму я это только, когда обрушится новый удар, например, у меня тоже найдут неизлечимую болезнь, вспыхнет война или вдруг я оскандаюсь на работе. И тут возникают два вопроса. Что это за карточный дом? Иллюзии, которые я считал верой – или вера, что на самом деле была иллюзией?

...Теперь понимаю: полная чушь о космическом садисте питалась не мыслью, а ненавистью. Еще бы, единственная отрада избиваемого слабака – дать сдачи. Вот- де... «скажу Богу все, что я о Нем думаю». Но, как и при любой ссоре, мои слова вовсе не означали, что «думаю» я именно так. Единственное, чего мне хотелось – побольнее задеть Бога вкупе с Его служителями. Ну, чем не удовольствие? «Исторг из груди» – и вроде на миг полегчало.

...Но чего стоит моя любовь, если я так много думаю о своем горе и так мало – о Е.? Безумные стоны: «О, вернись!» нужны мне, а не ей. Я никогда не задумывался, будет ли ей хорошо, если она и впрямь чудесным образом снова окажется рядом. Мне было не до того – я изо всех сил тщился восстановить недостающую часть *своего* прошлого. А она? Что может быть для нее хуже, чем, единожды пройдя сквозь смерть, вернуться, чтобы через какое-то время проделать тот же путь? Первым мучеником принято считать Стефана. Но разве Лазарю досталось меньше?

Кажется, я начинаю понимать. Моя любовь к Е. мало чем отличалась от моей веры. Нет, я не преувеличиваю. Только Бог знает, что еще, кроме игры воображения, было в моих «религиозных чувствах», и что, кроме эгоизма, – в любви. Возможно, что-то и

было... Но теперь вижу, как же я ошибался на свой счет. Еще один карточный дом рухнул.

...Ее былые мучения. А откуда я знаю, что они – «былые»? Я никогда не верил в сказки о том, что души праведников «водворяются во благих» в тот миг, когда смерть вцепится в горло. Какое же лукавство поверить в это сейчас. Е. была великолепна – прямая душа, сияющая, словно отточенный меч. Но не святая. Грешная женщина, что связалась с таким же грешным мужчиной. Два «трудных» пациента Господа Бога. Знаю: «там» не только осушат слезы, но и очистят от пятен. Меч засияет еще ярче.

Но нежнее, Господи, нежнее. Месяц за месяцем, год за годом Ты перемалывал на колесе ее тело. Разве не хватит?

Но ужасней всего вот что: стоит поверить в целительные свойства посланных Богом страданий, как тут же бесконечно благой Бог оказывается не менее жестоким, чем космический садист, и вызывать к Его милости опять бесполезно. Злодея можно задобрить, он может устать от собственных гнусных делишек, наконец, с ним может случиться приступ милосердия – бывают же припадки трезвости у пьяниц. Но представьте, что вы просите о милости хирурга, который, на самом деле, хочет только одного – избавить вас от болезни. Чем добрей и сострадательней он будет, тем решительней и «безжалостней» станет вас резать. Если же он внемлет вашим воплям и прервет из жалости операцию, окажется, что страдали вы зря. Но нужны ли нам такие невыносимые муки? Все зависит от того, как посмотреть. Если Бога нет или Он ужасен, значит выпавшие нам страдания бессмысленны. Если же Бог благ, значит и мучения не напрасны, ибо даже сравнительно доброе существо не станет причинять или попускать их ради «чистой любви к искусству».

... Хотелось бы знать, что имеют в виду люди, когда говорят: «Я не боюсь Бога, потому что знаю, что Он милостив»? Они что, никогда не были у зубного врача?

Слышать такое невозможно. Но еще невыносимей жалкий лепет: «Ах, если бы я мог разделить, взять на себя ее страдания».

Легко рассуждать, пока за это ничем не платишь. Но стоит случиться беде – и тут же становится ясно, чего стоят все наши заверения. А с другой стороны, позволено ли нам брать?

На самом деле, позволено было лишь Одному, и я снова начинаю верить, что взять на себя и понести за всех нас мог только Он. «Вы не поднимете, побоитесь, – всякий раз отвечает Он на наш скулеж. – Да и не нужно. Я уже все за вас сделал».

Сегодня рано утром случилось нечто весьма неожиданное. По разным, вполне земным, причинам, впервые за много недель мне стало чуть легче. Возможно, все дело в том, что я хорошо отдохнул после того, как изрядно переутомился накануне... к тому же после десяти удручающе-пасмурных, душных, липких дней впервые выглянуло солнце и подул легкий ветерок. И вдруг в ту самую минуту, когда мне меньше всего хотелось вспоминать Е., я вспомнил ее как никогда живо. Нет, это было больше, чем память – яркое, словно вспышка, непередаваемое ощущение. Назвать его «встречей» было бы слишком, хотя так и подмывает сказать именно это слово.

Почему никто прежде не говорил мне об этом? А сам я? Стал бы я осуждать за подобные чувства других? Возможно, я бы сказал: «Что ж, он утешился. Наверное, начал забывать свою жену...» или что-то в этом роде, хотя на самом деле, он помнит ее гораздо лучше именно потому, что утешился. Это действительно так и, кажется, я понимаю, в чем здесь причина. Сквозь слезы невозможно увидеть, каков, на самом деле, мир. Так и с желаниями. Чем настойчивей мы требуем, тем меньше получаем, а если и получаем, то совсем не то, о чем просили.

Бодрый призыв: «А теперь давайте побеседуем по душам», как правило, повергает собеседников в гробовое молчание. Лучший способ заработать бессонницу – лечь с мыслью о том, что этой ночью вам *крайне необходимо* выспаться. Изысканным напитком не утолить жажду. Так же и со скорбью: чем больше с ней носишься, тем непроницаемей железный занавес, и вот уже кажется, будто взывая к ушедшим, мы на самом деле кричим в пустоту. «Про-

сящие» (по крайней мере, слишком настырно просящие) и впрямь не получают. Но лишь потому, что руки заняты.

Наверное, что-то похожее и в отношениях с Богом. Мало-помалу до меня доходит, что дверь не закрыта на засов. Может быть, это я сам в умопомрачении захотел, чтобы ее захлопнули перед моим носом? Пока за душой у вас ничего, кроме воплей, нет, – Бог вряд ли сможет вас утешить: невозможно спасти утопающего, если он намертво вцепился в руку. Кто знает, может быть, чем истощней мы вопим, тем труднее нам расслышать то самое слово, о котором так просим?..

А с другой стороны, сказано: «Стучите – и отворят». Но разве «стучать» означает с маниакальной яростью колотить в дверь и, тем более, взламывать ее? Конечно, «просящим дадут». Однако надо уметь принимать, иначе даже Всемогущий – и тот дать не сможет. А как принять, если душа переполнена страстями?

Конечно, когда имеешь дело с Ним, не ошибиться трудно. Много лет назад, еще до нашей женитьбы, однажды утром, идя на работу, Е. почувствовала, что Бог буквально следует за ней по пятам, дышит в затылок и неотвязно требует внимания. Она не была святой и решила, что так, по обыкновению, напоминает о себе какой-то нераскаянный грех или нудная обязанность. В конце концов, она «обернулась» – по себе знаю, как это бывает – и тут же встретила с Ним лицом к лицу. «Я хочу тебе кое-что *дать*, – явственно услышала она, и «вошла в радость».

...Когда один из любящих умирает, другому кажется, что самой любви тоже пришел конец; как будто оборвали на середине танец или походя сбили головку цветка, – словом, остался лишь уродливый, жалкий обломок. Не могу с этим согласиться. Если ушедший тоже тоскует в разлуке (кто знает, может это и есть посмертные мытарства?), значит надо принять, что у любви – таков закон для всех любящих, для всех пар на свете – всегда есть горький привкус потери. Утрата следует за браком так же естественно, как брак – за ухаживанием, а осень – за летом. Это не тупик, а следующая ступенька, танец не оборвали – сменилась фигура. Как

легко «забыть о себе», когда любимая рядом! Но потом наступает черед «скорбных па», и надо учиться снова забывать о себе, когда она бесконечно далеко, учиться любить Е., а не свое прошлое, память, свою скорбь, утешение или саму свою любовь...

Оглядываясь назад, я вижу, что еще совсем недавно очень беспокоился о том, как именно я помню о Е. и не исказил ли я ее образ. Сейчас почему-то – думаю, главным образом, по милости Божьей – меня это совершенно не волнует. И что любопытно: как только я перестал трястись над своей памятью, кажется, что встречаю Е. совершенно везде. Опять же, «встречаю» – слишком сильно сказано. Это не видение, не голос, и даже не мощное переживание, а тихое, но неотступное чувство того, что она здесь, рядом, и с этим надо считаться.

...Но как только мне становится в каком-то смысле лучше, тут же подкатывает необъяснимый стыд, странное чувство, будто ты обязан холить, лелеять и всеми силами продлевать собственное страдание. Я об этом читал, но даже помыслить не мог, что подобное может случиться и со мной. Уверен, Е. бы это не понравилось. Она бы сказала, чтобы я не вел себя, как круглый дурак. Но видит Бог, таков я и есть. А что дальше?

Отчасти, возможно, пустота. Очень хочется выглядеть – по крайней мере, в собственных глазах – трагическим героем-любовником, а не одним из великого множества несчастных, в отчаянии бьющихся головой о стенку и пытающихся хоть как-то справиться со своей бедой. Но это лишь часть картины.

Кроме того, мы сами не до конца понимаем, чего ищем. На самом деле, нам не хочется снова и снова раздирать чуть подсохшие раны. Нам нужна не сама скорбь, а то, что неотделимо от нее, вот мы и принимаем часть за целое. В одну из ночей я писал, что смерть одного из супругов – это не конец брака, а такая же его страница, как и медовый месяц. И в действительности мы хотим, чтобы эта страница оказалась не менее счастливой, чем все предыдущие. Если придется помучиться (а несомненно, придется), значит таково одно из условий, и его надо принять. Избежать боли

можно только ценой развода или измены, а на это мы не согласны. ...Мы были одной плотью. А потом ее рассекли надвое, и нет смысла притворяться, будто с ней ничего не случилось. Мы по-прежнему остаемся супругами, по-прежнему любим друг друга, а значит нам будет, должно быть больно. Однако никто из нас, оставаясь в здравом уме, не станет искать этой боли ради нее самой. Чем меньше ее, тем прочнее, тем радостней неразрывный союз между усопшим и живым. А чем радостней будет этот союз, тем лучше.

*Перевод с английского Светланы Панич
Москва, июнь 2007 г.*

ЖИЗНЬ БУДУЩЕГО ВЕКА

ЖИЗНЬ ЗА ГРОБОМ¹

Люди века сего, всецело захваченные его жизнью с ее суетой, могут искренно недоумевать пред верой в бессмертие: для имевших уже встречу с Богом в жизни своего духа, для переживших откровение смерти, бессмертие становится очевидностью. Слово Божие дает нам здесь руководящие мысли, которые и должны быть раскрыты в своем значении.

Самым непонятным является утверждение неверия, по которому смерть есть полное уничтожение жизни. Это уничтожение исповедуется не только как уничтожение видимых форм жизни телесной, но и жизни сознательной – духовной, сердечной, творческой. В эту «тьму кромешную» неверующая мысль спасается. Чтобы не принять проблематику смерти... Но это делает лишним раз очевидным, что смерть можно понять только как часть жизни, а не наоборот, – нельзя жизнь погрузить в небытие смертности. Смерть есть в этом смысле, хотя и паразит бытия, однако акт жизни. То «ничто», из которого Бог сотворил мир, на самом деле, как таковое и для себя не существует. Его положительное бытие начинается только с миром. Бог, творя мир из ничего, тем самым дает место не только бытию, но и небытию. Самобытного же небытия, «тьмы кромешной», вовсе не существует. «Бог не сотворил смерти... ибо Он все создал для бытия» (Прем 1:14). Смерти нет в плане Божьего творения, она «вошла в мир» завистью Диавола (Прем 2:24), ибо «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего (23). Поэтому смерть может быть понята лишь как состояние жизни. Смертность жизни есть только ее болезнь, неустраняемая, но не непобедимая. Смерти не было и смерти не будет. Изначально человек не был создан для

¹ Печатается с издания Церкви Успения Пресвятой Богородицы при кладбище Ste Genevieve-des-Bois, 1955 г.

смерти, в него была вложена возможность бессмертия. Человек должен был духовно-творческим подвигом утвердить в себе эту возможность, но он мог ее и упразднить, что и произошло в первородном грехе. Это упразднение и было запечатлено Божиим приговором, засвидетельствовавшим происшедшее изменение: «возвратишься в землю, из которой взят, ибо ты земля и в землю отойдешь» (Быт 3:19). «И возвратился прах в землю, чем он был, а дух возвратился к Богу, Который дал его» (Еккл 12:7). Смерть заключается в отделении человеческого духа (от Бога исшедшего) от «земли», которой принадлежит его тварное естество, – тело, одушевленное душой. Человеческий дух, в духовности своей, имеет потенцию бессмертия и сообщает эту способность всему своему сложному естеству. Первородный грех представляет собой отступление человека от своего пути единения с Богом и начало смерти вошедшей в человеческий дух через грех. Это отступление, разумеется, не могло повести к смерти бессмертного, от Бога исшедшего, человеческого духа (как не привело к ней и мир падших духов), но было таким ослаблением его силы, в частности, власти над его душевно-телесным естеством, что равновесие, еще не достигшее устойчивости, пошатнулось в обратную сторону. То, что было предназначено к единению в тричастном составе человека: дух, душа и тело, – в смерти подвергается временному разделению. Дух потерял способность удерживать постоянную связь со своим телом, а постольку и сила его сделалась ограниченной. Смертность стала состоянием жизни падшего человека. Хотя сама смерть наступает лишь в предназначенный час жизни, но в сущности, она распространяется на всю человеческую жизнь с самого ее начала. Это и выражается в том факте, что человеку свойственно умирать во все возрасты, а все случаи смерти представляют собой лишь частные применения единого начала смертности. Все живое, т.е. человек, а с ним и вся живая тварь, начинает умирать одновременно с началом жизни, и все протяжении жизни сопровождается ростом смертного изнеможения, доколе оно окончательно не побеждает жизнь.

Но, несмотря на это, смерть никак не означает неудачу Творца и творения, в силу которой Он его как бы сам уничтожает. Правда, ее могло бы и не быть в человеческой жизни, поскольку Бог смерти не сотворил. Однако, самая ее возможность заключается в смертном составе человека, до конца еще не определенном именно в этой своей сложности. Такой сложности не существует для духов бесплотных, почему даже и в падении их не коснулась смерть. Человек же открыт опасности смерти вследствие своего богатства, которое есть в то же время и сложность. Как и все творение, человек есть сплав бытия и небытия, причем последнее поднимает голову, как только равновесие колеблется. Первородный грех есть нарушение равновесия во всем человечестве, как и в каждом из людей, которое восстанавливается лишь во Христе. Поэтому приговор Божий в отношении к каждому человеку не есть извне налагаемое наказание, но выражает следствие нарушенного равновесия, и обнажившейся тварности: «земля еси». В грехопадении произошел не полный разрыв связи духа с землей, что было бы уничтожением самого человека, но лишь некоторый, и притом неокончательный, ее надрыв. Образ Божий человека сохраняется, Божеский замысел творения не может не осуществиться, но в путях человеческой жизни появляется болезненный перерыв с временным разлучением души и тела, или смерть, однако не как последнее, окончательное состояние, т.е. совершившаяся неудача творения человека, но как неизбежная стадия его жизни. Смерть является лишь попущенною Богом, а, следовательно, промыслительно включенной в его жизнь, как необходимое выражение смертности человека. Она назревает в течение всей жизни, но совершается в мгновение «часа смертного». В этом смысле смерть естественна в закономерности, и однако она противоестественна, поскольку вошла в мир путем греха. С этим связан неодолимый ужас смерти, неотделимый от человеческого естества, – даже в самом Богочеловеке: «прискорбна есть душа моя даже до смерти», – «Боже Мой, вскую Меня оставил». Предельная скорбь смертная, чувство богооставленности (которое однако дивным образом сочетается с еди-

нением со Христом в Его соумирании с нами) сопровождает смерть, как бы черная тень, и Церковь, в погребальных песнопениях, не умаляет силы скорби смертной.

Такова духовная сторона смерти. Такова же и телесная, поскольку смерть есть болезнь болезней, страдание страданий. Однако, этот ужас, природно непреодолимый, уже преодолен сверхприродно, благодатно, ибо путь смерти пройден Христом.

Смерть должна быть понята в связи грядущего воскресения, восстанавливающего прерванную жизнь, и, в связи с тем *неумирающим* началом в человеке, которое живет и в загробном состоянии (и от него не спасает и самоубийство). Разделяющая коса смерти в трехчастном составе человека проходит между духом и душой с одной стороны, и телом с другой. Очень важно установить эту неразделимость духа и души в смерти. Душа есть промежуточное начало, связующее дух с миром тварным. Душа – тварна, но ее сверхфизическая энергия жизни сохраняется. Уже поэтому нельзя говорить о полноте смерти в смысле победы небытия. Полное торжество смерти имело бы место лишь в том случае, если бы она была отделением духа от души и тела, т.е. развоплощением. Это означало бы уничтожение и самого человека. Можно ли мыслить подобное развоплощение в отношении к человеческому духу, имеет ли дух собственную силу бытия и бессмертия помимо тела. И не заключен ли он в тело как бы в темницу? Личный дух человека сотворен Богом. Это значит, что личное начало в нем призвано к бытию, как некое отражение в небытии Личности Божией. Но человеческая личность не знает духовного бытия независимо от воплощения. Человеческий дух не есть дух бесплотный по сотворению, каковы ангелы. Такого независимого от мира бытия человеческого духа вовсе не существует. Бытие человеческого духа, а потому и бессмертие неразрывно связано с миром и в осуществлении своем вмещает и смерть и воскресение. То и другое, совершившееся во Христе, а в Нем и чрез Него во всем человеческом естестве, воспринятом в полноте Господом при воплощении. А потому и то разделение, которое происходит в смерти, было бы невозможно, если бы оно отделяло дух от всего челове-

ческого естества, т.е. души и тела, и тем совершенно разрушало бы человека, его расчеловечивая. Напротив, это разлучение смерти отделяет человеческий дух, остающийся в соединении с душой, лишь от человеческого тела, т.е. от всего природного мира. Этим человеческая энергия (душа) теряет полноту жизни, однако, силою Божией, явленной в воскресении Богочеловека, способна восстановиться, воссоздать свое тело, и, постольку, осуществить свое воскресение: *«все оживут»*, каждый в своем порядке: первенец Христос, а потом Христовы (1 Кор 15:22). И к этому же относится образ зерна, содержащего в себе всю потенцию жизни: *«когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но Бог дает ему тело, какое хочет, и каждому семени свое тело»* (1 Кор 15:38).

Дух человеческий существует, как потенция целостного человека, имеющего тело, энергия же которого есть душа. В смерти эта энергия парализуется, но не уничтожается. Она остается присущей личному духу, как его качество. Поэтому-то так важно понять человеческую смерть не как уничтожение, но как усупие, т.е. временное прекращение действия души относительно тела. В этом смысле и можно говорить *«об усупших»*. И смерть Христова, как акт жизни Его человеческого естества, по характеру своему не отличается от общечеловеческой смерти. Его тридневное пребывание во гробе соответствует всей загробной жизни человека. Но сила смерти Христовой была ограниченной: она была не внутренне неизбежная, но добровольно Им на себя принятая. Общение с душами усупших, каковым являлась *«проповедь во аде»*, свидетельствует, что после смерти Господь пребывает в состоянии, доступном общению усупших. Эта связь душ усупших с миром, как и между собой, подтверждается и некоторыми притчами, напр. о богатом и Лазаре, где души их взаимно узнают друг друга в своей земной индивидуальности: богатый *«поднял глаза свои и увидел вдали Авраама и Лазаря»* (Лк 16:23).

Обычно, в церковной письменности, – в житиях и прологах, как и в отеческих творениях (свв. Макария вел., Кирилла Александр.) и в некоторых церковных гимнах, смерть описывается чрезвычай-

но конкретными чертами. Согласно этим описаниям она состоит в отделении от тела некоей прозрачной оболочки, имеющей его образ и сохраняющей его жизненную силу. Такой же характер усваивается и в разных случаях посмертных явлений умерших в своем прозрачном образе. Соединяя все эти черты, мы можем считать, если и не догматом, то во всяком случае, господствующим преданием Церкви, что человек в смерти своей разлучается лишь с телом, а не с душой, которая продолжает жить в «загробном мире», т.е. в новых условиях существования. Душа, пребывающая в такой оболочке, в сверхтелесном образе, сохраняет связь с духом. По сравнению с полнотой жизни в теле, которая предуготовлена для человека, как соответствующая его естеству, эта ущербленная жизнь является «успением» телесной жизни, однако отнюдь не ее перерывом. *Жизнь продолжается за гробом.* Эта жизнь, по своему состоянию, остается для нас неведомой (почему и чрезмерное о ней любопытствование является духовно нездоровым, переводящим христианскую мысль на рельсы оккультизма). Однако некоторые основные черты здесь могут быть установлены, как вытекающие из основных положений нашей веры.

И прежде всего, смерть, как «разрешение души от уз тела» (Флп 1:23), есть великое откровение духовного мира. Грехопадение, облекшее нас кожаными ризами непроницаемой чувственной телесности, лишает нас духовного ясновидения. Оно восстанавливается лишь во Христе: «отныне будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин 1:51). Можно сказать, что находясь в теле, человек проходит только одну область жизни, между тем он предназначен ко всей ее полноте. Это делает земной опыт его ограниченным. И если бы человек навсегда оставался заключенным в кожаные ризы своего собственного тела, то он, можно сказать, и не сделался бы человеком в полноте своей, ибо он создан гражданином обоих миров, для неба и для земли. Любовь и мудрость Божии нашли путь восполнять человеческое бытие, приобщив человека духовному миру. И это совершается через трагическое, катастрофическое собы-

тие в жизни человека, которое есть смерть. Временно отрывая человека от плоти, она открывает ему врата духовного мира. В церковной письменности имеются свидетельства о том, что умирающему становятся зримы существа духовного мира, ангелы и демоны; к нему приближаются и души усопших, в дальнейшем же откровении для него может становиться доступным и самое небо с Живущим в нем. То, что остается для нас недоступно непосредственному опыту, становится действительностью, пред лицом которой поставлен усопший; в ней он должен жить и находить самого себя. Это откровение духовного мира в смерти есть величайшая радость и неизреченное торжество для всех, кто томился в сей жизни о нем, будучи от него отлучен, но оно же есть и невыразимый ужас и тягость и мука для тех, кто не хотел этого духовного мира, не знал его, отвергал его. Тот, кто был плоть, принужден теперь непосредственно убедиться в существовании духовного своего естества. И здесь он оказывается пред лицом этого величайшего испытания, которое делает неизбежным его перерождение из телесного в духовное существо. Человеческая жизнь разделяется смертью как бы на две половины: душевно-телесное и духовно-душевное бытие, *до* смерти и *после* смерти. Обе половины нераздельно связаны между собой, обе принадлежат жизни одного и того же человека. Но для полноты своего очеловечения человек должен изжить себя в смертной жизни, но и в загробном состоянии для того, чтобы достигнуть той зрелости, в которой он способен приять воскресение к жизни вечной. И понятая таким образом, как существенно необходимая часть человеческой жизни, смерть действительно есть акт *продолжающейся*, хотя и ущербленной «успением» жизни.

Этим ставится новый вопрос: что же совершается и может ли что-либо совершаться в жизни за смертной ее гранью, которая обычно понимается как конец? Что же может означать этот *конец* жизни? Есть ли это только перерыв, или же вместе с тем, и *итог*? Очевидно, и то и другое.

В смерти и по смерти человек видит свою протекающую жизнь, как целое. Это целое есть уже само по себе суд, поскольку в нем

выясняется общая связь, содержание и смысл в свете правды Божией. Это есть суд «совести», т.е. наш собственный суд, пред лицом ведающего нас Бога. Это еще не есть суд окончательный, который возможен лишь в связи со всей историей всего человечества, но ограниченный и индивидуальный. Он и зовется обычно в богословии «предварительным судом». Его предварительный характер относится как к его лишь индивидуальному характеру, так и к его неокончателности, поскольку бестелесное существование в загробном мире еще не выражает полноты бытия человека. Предварительный суд («хождение по мытарствам») есть загробное самосознание и проистекающее из него самоопределение.

Разумеется, при этом итоге определяется различие и индивидуальность судеб человека во всем их многообразии. Притом многое для нас в этом веке остается неведомо.

Важно здесь констатировать как несомненную и самоочевидную истину, что и в загробном существовании индивидуальности в их свободе находят также разную судьбу и проходят различный путь жизни, как и в здешнем мире, с тем лишь отличием, что, вместо ложного света и полутеней, в загробном мире все освещено светом солнца правды, стоящего в выси небесной и своими лучами пронизывающего глубины душ и сердец.

Тайны загробного мира вообще лишь скупо приоткрываются Откровением и, очевидно, не с тем, чтобы удовлетворить нашу пылкость, но чтобы пробудить в нашем сознании всю серьезность ответственности за все дела своей жизни. Нужно понять загробные судьбы человека и предварительный суд также и в связи с этим продолжением жизни за гробом, которое имеют души в бестелесном состоянии.

Каково же это продолжение и есть ли оно? Конечно, человек при отделении от тела лишается возможности таких «дел» или «заслуг», которые возможны были в этом мире, почему и становится возможен предварительный суд над протекшей частью жизни, именно земной. Однако отсюда еще не следует, что суд этот есть исчерпывающий и окончательный. Он не может стать таковым по-

тому, что каждый человек будет еще судим уже в связи со всем человечеством, и притом жизнь его не заканчивается и не исчерпывается земным существованием, но продолжается и за его пределами, хотя и иначе, ущербленно.

Обычно принимается, что умершие остаются в пассивном состоянии, претерпевая свой удел. Но такое представление одинаково противоречит как природе духа, так и данным церковного предания и откровения.

Представление о пассивности загробного существования является правильным в отношении к неполноте загробной жизни человека и невозможности для него прямого участия в жизни мира, которую он созерцает лишь как зритель, хотя и различая в ней свет и тьму своей собственной протекшей жизни, ее дел и грехов. Однако за гробом продолжается жизнь облеченного, хотя уже и не телом, а только душой, человеческого духа. Дух *живет* и за гробом силой своего бессмертия, и ему свойственна свобода, а постольку и творческое самоопределение. В отношении к духу неприменимо и противоречиво представление о неподвижности и следовательно, каком-то обмороке за гробом. Мало того, для жизни духа открываются новые источники, новое ведение, которые недоступны были для него в земной оболочке. Именно это есть общение с миром духовным существ бестелесных. Высшим духовным даром загробного состояния является *иное*, новое *ведение Бога*, какое свойственно миру духов бестелесных; бытие Божие для них есть очевидность, подобно той, какой для нас является солнце в небе. Разумеется, это общение с миром духовным также представляет собой неисчерпаемое многообразие, ибо душа притягивает к себе и сама открывается лишь тому, чего она сама достойна или сродна. Но важно то, что это общение с миром духов бестелесных, во всяком случае, представляет собой неиссякаемый источник новой жизни, нового ведения, почему никоим образом нельзя допустить неизменности духовного состояния отшедших. Они вмещают эту новую жизнь в той мере и в том качестве, в каких они способны вместить. Необходимо также признать, что эта

загробная жизнь человека в общении с духовным миром имеет для его окончательного состояния по-своему не меньшее значение, нежели земная жизнь, и, во всяком случае, составляет необходимую часть того пути, прохождение которого ведет ко всеобщему воскресению. Каждый человек должен для него по-своему духовно дозреть и окончательно определиться, как в добре, так и в зле. Отсюда приходится заключить, что в воскресении человек, хотя и остается тождественен самому себе во всем, нажитом им в земной жизни, однако становится в загробном мире *иным* даже по отношению к тому состоянию, в котором его застанет его час смертный: загробное состояние есть не только «награда» или «наказание», но и новый опыт жизни, который не остается бесследным, но обогащает и изменяет духовный образ человека. В какой мере и как, нам неизвестно, но важно лишь установить, что человеческая душа и за гробом нечто новое изживает и наживает, каждая по-своему, в своей свободе. Притча о богатом и Лазаре может послужить этому подтверждением. Богатый, столь бесчувственный и себялюбивый в дни земной жизни, там оказывается способен к любви, которую проявляет о ближних своих. Рассказ об этом движении его души служит для подтверждения той истины, что и за гробом человек духовно продолжает свою земную жизнь, несет свою судьбу. Однако, эта же притча может быть применена также и в другом, совершенно противоположном смысле, именно, что за гробом имеет место раскаяние и плоды его, состоящие в том изменении духовного состояния, которое начинается в богатом. Но любовь не бессильна и покаяние не бездейственно. Если стали уже недоступны земные дела, то остаются возможны духовные: раскаяние и молитва, которой присуща действенная сила. Мы верим и в действенность молитвы святых о нас приносимой здесь и там и – с трепетом сердца – вверяем свою жизнь попечению любви и молитве близких наших.

Можно считать установленным учением Церкви, вполне достаточно опирающимся на свидетельство Слова Божия, что святые действуют в мире, как силой своей молитвы и вообще благодат-

ной помощи, так и иными, еще неизвестными путями. Отсюда с необходимостью следует и более общее заключение об изменяемости, развитии и росте человеческого духа в загробном состоянии, несмотря на временную разлученность с миром, хотя и имеющую также разные степени и образы.

О том, какова может быть эта мера, нам показывает церковное учение, засвидетельствованное ап. Петром (1 Петр 3:19), о проповеди находящимся в темнице духам. Эта проповедь Христова, обращенная к человеческой свободе, очевидно подразумевает возможность принятия или непринятия новых самоопределений.

То же можно сказать и относительно церковного учения о действенности молитвы за умерших. В этом учении мы имеем, с одной стороны, свидетельство о такой неполноте жизни усопших в сравнении с живыми, вследствие которой они нуждаются в молитве живых и, в особенности, в принесении Евхаристической жертвы, причем живые и мертвые соединяются в ней (символически это выражается в погружении частиц, вынутых о живых и умерших в честную кровь Христову).

Подобно тому, как в таинстве покаяния объективный момент прощения греха неразрывно связан с внутренней активностью покаяния, так и в действенности церковной молитвы об усопших предполагается известная ответная активность самих усопших. Принятие дара церковной молитвы означает и активное усвоение этой помощи Церкви, притом всей Церкви, без ограничения, то есть Церкви как живых, так и мертвых. Последние отнюдь не исключены от возможности молитвенной помощи живущим, которые сами к ней непрестанно обращаются. К этому надо еще присоединить высказываемое некоторыми духовными писателями (например, арх. Николаем Кавасилой) суждение о том, что и усопшие, того достойные, в связи с Божественной литургией, имеют род духовного причащения, а это также предполагает, конечно, и в них наличие известной духовной активности.

Из всего этого выводим, что нельзя рассматривать загробное состояние как раз навсегда данное и неизменное. Оно есть продол-

жение духовной жизни, которая не завершается за порогом смерти, и оно есть своя особая часть пути, ведущего к воскресению. Воскресение же не есть только действие Бога над человеком, силою Христова воскресения, но предполагает еще и духовную зрелость, готовность человека к его приятию.

Откровение Иоанна полно примеров участия усопших в жизни мира. Примеры: гл. 5:8-12; гл. 6:9-11; гл. 7:13-17; гл. 14:1-5; гл. 15:1-3: «и поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца». И это есть новая песнь Моисея, воспетая ими в загробном состоянии, как выражение благодарных чувств «всех народов»: 19:1-6 («и слышал я как бы голос многочисленного народа»); 20:4-6.

На языке библейском, преимущественно ветхозаветном, все многообразие индивидуальных судеб объемлемо двойной схемой «ада» и «рая».

Католики включают еще сюда чистилище. В православии, наряду с традиционной двойственной схемой рая и ада, существует спасительная неопределенность в самом разграничении обоих ввиду того, что грань между ними является отнюдь не непреходимой, ибо может преодолеваться по молитвам Церкви (особенно ясно эта мысль выражается в 3-ей молитве на вечерне дня Пятидесятницы).

Бог Авраама, Исаака и Иакова есть Бог живых, а не мертвых, и адские мучения суть состояния продолжающейся жизни, которая не только их претерпевает, но и творчески изживает.

Хотя выражения о мзде и награде применяются и в Слове Божиим и даже исходят из уст самого Господа, однако мы должны понимать их не как внешне-юридический закон, противный духу Евангелия, но как внутреннюю необходимость, согласно которой выстрадывается все несоответствующее призванию человека, но им совершенное в земной жизни: хотя сам и спасается, но «как бы из огня» (1 Кор 3:15).

Учение о загробной жизни как о мздовоздаянии, может быть последовательно применяемо лишь в ограниченной мере, именно только к христианам, которые способны ответственность за исполне-

ние или неисполнение заповедей Христовых. Но оно уже возбуждает безысходные недоумения там, где это условие отсутствует. А между тем это имеет место относительно огромного, численно подавляющего до сих пор большинства человечества, именно, детей, умирающих в раннем возрасте, и не-христиан: язычников и представителей разных религий.

Судьба умерших в раннем детстве издревле была мучительным вопросом в богословии; в особенности – детей некрещеных. Разумеется, здесь не может быть речи об их личной вине или ответственности. Но в общем не существует по этому вопросу определенной церковной доктрины. Все же вся безысходность этого вопроса исчезает, если мы понимаем загробную жизнь не исключительно, как мздовоздаяние, но и как продолжающуюся земную жизнь, начиная с того момента, в котором она прервалась смертью. Длительность жизни, как и час смерти, принадлежит смот-рению Божию и, очевидно, находится в общей связи с индивидуальностью каждого человека и связанными с ней его судьбами. Приходится принять, что в порядке Божественной целесообразности, для полноты жизни, которая дается Богом всякому человеку, грядущему в мир, для умирающих детей свойственно в земной жизни, подобно птице, касающейся крылом поверхности воды, приобщиться к жизни и войти в мир лишь для немедленного из него исхода. Жизнь таких детей протекает преимущественно в загробном состоянии, которое, совершенно ясно, не есть состояние мздовоздаяния, а восполнение продолжающейся жизни.

Еще очевиднее это же самое относительно детей, принявших св. Крещение и миропомазание, вошедших в тело Христово, но умерших в бессловесии. Очевидно, и к их загробной судьбе учение о мздовоздаянии еще менее применимо, как в смысле первородного греха, от которого они освобождаются крещением, так и личных грехов, которые оказались им несвойственны за малолетством. Их загробная жизнь, насколько она не есть прямое отсутствие сознательности, может быть лишь осуществлением и продолжением индивидуальной жизни, едва начавшейся на земле. Если

это существование и сравнивается с ангельским, то это есть все-таки только сравнение, которое не уничтожает разницы, существующей между младенцами и ангелами. Во всяком случае удел усопших младенцев определяется Церковью, как «блаженный» по «неложному обещанию Самого Господа».

Но подобная же проблема существует для учения о загробном мздовоздаянии относительно судеб слабоумных, уродов, идиотов – всех тех, чья жизнь представляет обреченность наследственности и бессознательности. Они могут быть очеловечены, войти в полноту своего человеческого бытия, лишь освободившись от уз и оков земного бытия. Сюда же должны быть, по крайней мере, в известной доле, отнесены душевнобольные. Евангельское их разумение видит в них жертву сатанинского насилия: гадаринский бесноватый, по изгнании из него легиона бесов, находит себя у ног Иисуса и хочет следовать за ним. Здесь мы имеем опять-таки тайну индивидуальных судеб: в загробной жизни соответствующим индивидуальным образом восполнится и совершится подлинное содержание жизни здесь его лишенных.

Пред лицом всего этого ряда вопросов откровением звучат слова Спасителя: «в доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам» (Ин 14:2).

В загробном мире отходящие туда не-христиане узнают Христа, внемлют проповеди Его и приемлют ее в соответствии свободы самоопределения каждого в протекшей земной жизни его. Они узрят себя и постигнут свою жизнь в свете Христовом, «просвещающем всех», а свои религиозные верования как смутное зеркало христианской истины, которая будет судить их. Ибо нет суда, кроме суда истины, кроме Истины Христовой.

Воскресение Христово воссияло во аде победой над смертью. За гробом уже нет места для вне-христианства даже и у не-христиан. Запоры ада бессильны, чтобы преградить путь «дыханию бурну» Пятидесятницы; благодатное действие Духа Святого проникает и адовы заклепы. Та помощь, которая оказывается душам усопших молитвами Церкви, не является ли прямым действием

благодати Св. Духа за гробом? Разумеется, для нас неведомы пути и образы этого благодатного воздействия, и остается в силе лишь общее обетование о том, что «не мерою дает Бог духа». Всеобщее воскресение, которое лежит во власти Божией, совершается в связи с историческим созревaniem мира и человека. За гробом также продолжается история в связи с совершающейся здесь на земле, и обе переплетаются между собою.

Путь к всеобщему воскресению пролегает чрез долину смерти и загробной жизни или же им равносильного «изменения»: «не все мы умрем, но все изменимся», «ибо вострубит, и мертвые восстанут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор 15:51-52).

Каждая из обеих частей жизни, земная и загробная, представляет собой нечто самостоятельное, однако обе они лишь во взаимной связи выражают полноту жизни каждого человека. Разумеется, если бы не было первородного греха и его последствия – смерти, эта же самая полнота осуществлялась бы иным путем, без того болезненного разлучения души с телом, которое имеет место в смерти. То откровение духовного мира, которое становится уделом отходящих в мир загробный, совершалось бы прямым путем, и телесная оболочка не была бы к тому преградой, как теперь, но являлась бы *прозрачной* для явлений духовного мира. Но утраченное чрез грех восстанавливается чрез смертное разлучение.

Смерть не безусловна и не всеильна. Она лишь надрывает, надламывает древо, но она не непреодолима, ибо уже побеждена воскресением Христовым.

Если Христос почтил восприятием человеческого естество, то Он почтил его через восприятие человеческой смертности, потому что без нее это восприятие было бы неполным. И если Христос искупает и воскрешает всякого человека, то потому лишь, что Он с ним и в нем со-умирает. В эту полноту смерти, точнее соумирания Христова, включена смерть всякого человека и всего человечества. Смерть человеческая есть и смерть Христова, и к полноте этой смерти надлежит нам приобщиться, как и Он приобщился к нашей смерти, воплотившись и вочеловечившись. Смертью своей

Христос победил человеческую смерть на пути к воскресению. Он есть Воскреситель, освобождающий свое человечество от смерти, но для полноты этого освобождения Ему надлежало исполнить всю полноту чаши смертной. И если человечество воскресает во Христе и со Христом, то для этого и прежде этого оно с Христом и во Христе умирает.

Земная жизнь обращена лицом к смерти, но страшный час смерти есть и радостный час нового откровения, исполнения «желания разрешиться и со Христом быть». И, в отличие от здешнего мира, в мире загробном, духовное небо горит упованием воскресения и молитва «ей гряди Господи Иисусе!» имеет там для нас неведомую силу.

И если в умирании смерть становится для нас самой ужасающей действительностью, то за ее порогом она теряет свою силу. Об этом говорит св. Иоанн Златоуст в слове Пасхальном: «никто же да убоится смерти, свободила бо нас Спасова смерть... Воскресе Христос, и жизнь жительствоует»...

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ

«ЧАЮ ВОСКРЕСЕНИЯ МЕРТВЫХ И ЖИЗНИ БУДУЩЕГО ВЕКА»¹

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

«Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века» – такими словами заканчивается «Символ веры». Они вовсе не значат, что Церковь говорит здесь просто о бессмертии души. Истину бессмертия люди познали еще в глубокой древности, задолго до Христа Спасителя. Все народы догадывались, что с последним вздохом не все кончается, и много размышляли над этой тайной.

«Символ» учит нас другому.

Умерший человек не имеет полноты жизни, хотя душа его не умирает. Для человека полнота жизни – существовать во плоти, в единстве духа, души и тела. Но ведь плоть наша обречена распаду, как же можно надеяться, что она будет причастна вечности? Этого разум человеческий не мог ни понять, ни принять.

Между тем Священное Писание говорит нам о том, что в конце времен все мы оживем, все облечемся в новую плоть.

Будет ли она такой же, как сейчас? Это было бы страшно, ибо наша плоть немощна. Апостол Павел, однако, говорит: «Все мы изменимся». Значит, и тело наше будет иным, совершенным, бессмертным. «Сеется в тление, – говорит апостол, – восстает в нетление».

Как это совершится, мы узнаём из пасхальной тайны Христа, «Первенца из мертвых». Его человеческая плоть была смертной, как и наша, но, воскреснув, Он преобразился. Заметьте, что Господь вышел из гроба не таким, каким Он был прежде. Он проходил через закрытые двери, исчезал и появлялся вновь, ученики порой

¹ Прот. Александр Мень. «Таинство, Слово и Образ». Брюссель, «Жизнь с Богом». С. 167–169.

не сразу узнавали Его, значит, и облик Его менялся. Подобными будем и мы, когда настанет срок всеобщего воскресения, когда «сущие во гробах услышат глас сына Божия...»

Такова наша надежда, которая укрепляет нас, когда мы видим холодное тело умершего, когда смотрим на разрушительное действие тления. Смерть – торжество сатаны. Церковь говорит о ней как о великой скорби. «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, бесславно, не имущую вида...»

Смерть страшна не только тем, что человек разлучается с жизнью, с близкими, с землей, но и тем, что наше тело, храм Духа Святого, становится добычей разложения. Против этого-то и восстает сила Божия, воскресившая сначала тело Господа Иисуса, а потом и Его Пречистой Матери.

Но мы ждем, что и всех смертных Творец призовет к преобразению и бессмертию. «Мы, – говорит апостол, – ожидаем Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его».

Иных смущает мысль: где же будут пребывать миллионы, миллиарды преобразенных людей? Да разве мало место у Бога в Его бескрайней Вселенной?..

«И увидел я новое небо и новую землю», – говорит апостол Иоанн.

То, что скрыто в замыслах Божьих до времени, – совершится. Мы перестанем быть ничтожными смертными существами. Все мироздание, все небесные тела, все, что есть, – будет открыто перед нами. Наш разум, который сейчас так ограничен, обретет великую мощь; наше сердце, в котором так мало любви, будет обнимать весь мир; наша вера, которая тянулась к Богу, как слабое растение, раскинется могучим древом небесной Церкви.

«Храма же не будет», – говорит апостол, ибо Сам Господь будет Храмом обновленного человечества, преобразенной Вселенной.

А те люди, которые противились Богу? Что будет с ними? Иные думают, что для них нет прощения. Но мы не можем проникнуть

в тайны Божии, знаем лишь, что любовь Его беспредельна. Писание говорит, что Творец и Спаситель будет «все и во всех», что Он «отрет всякую слезу от лица человеческого». Значит, у нас есть надежда, что во всем творении воцарятся Любовь, Правда и Красота Божия. Поэтому-то мы и молимся: «Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли».

Это будет такая жизнь, что сейчас самая дерзновенная человеческая мечта не в силах объять ее. Мы с вами подобны живому существу в зародыше, в яйце, не знающему, кем оно станет потом. Нас ожидает великое свершение, о котором апостол говорит: «око не видело и ухо не слышало...»

Однако уже здесь и теперь мы предвосхищаем и чувствуем красоту Царства Божия. В нашей молитве и трудах, в нашей надежде и вере это Царство издали бросает свой Свет на трудную земную дорогу. Недаром Христос сказал: «Царство Божие внутри нас». Тот, кто следует за Ним, тот преодолевает преграды времен и миров, приближается духом к незакатному Царству, которое Отец уготовал нам от сложения мира. Аминь.

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

О ХРИСТИАНСКОМ ЭСХАТОЛОГИЗМЕ

Наталия Большакова: Отец Владимир, вот уже несколько раз мы с Вами пытаемся поговорить о христианской эсхатологии и эсхатологизме. Может быть, мы попробуем подвести итог и как-то это оформим?

Отец Владимир: Каждый раз, когда мы пытаемся поговорить об эсхатологизме, о христианской эсхатологии, мы почему-то вольно или невольно переходим на тему смерти. Но я уже говорил, что для меня эсхатология и эсхатологизм это нечто совсем другое. Хотя, наверно, проблема смерти важна и, конечно, имеет какое-то отношение и к эсхатологизму и к эсхатологии, но наша тема не исчерпывается этим. Мне кажется, христианская эсхатология – это не смерть, а жизнь, это проблема жизни, вопрос о том, как жить, будучи христианином в этом мире. И вообще, мне кажется, что для верующего человека, для христианина проблемы смерти нет – есть проблема жизни.

В Символе Веры мы говорим: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». «Чаю» – это значит жажду. Значит, жду, надеюсь, призываю и т.д. Каждый день мы читаем молитву «Отче наш» – да приидет Царствие Твое. Согласно церковному преданию, первые христиане каждый день своей жизни, каждое свое дело начинали словами «Маранафа» – ей гряди, Господи! Они жили ожиданием очень скорого конца этого мира, этого эона, и наступления Царства Божьего, Царства Небесного во всей его силе и славе. Эсхатологическое напряжение присутствует во всей ранне-христианской литературе. Более того, оно определяет ее дух, ее направленность. Собственно, вся проповедь Иисуса Христа, все Евангелие именно об этом, только об этом. Важно помнить, что Бог стал Человеком и в лице Иисуса Христа вошел в нашу жизнь

не для того, чтобы основать еще одну религию, взамен или в дополнение к великому множеству существовавших религий, пытавшихся хоть как-то облагородить, оправдать этот падший мир. Нет, Иисус Христос пришел в мир, чтобы возвестить о его кончине со всеми его религиями, и о начале нового мира, нового творения, Царства Божьего или Царства Небесного.

Но нигде, ни в Евангелии, ни в других новозаветных Писаниях, нам не обещают, что приход Царства Божьего в нашу жизнь будет тихим и спокойным. Это очень важный момент. Современные христиане «испорчены», заражены тем, что можно назвать «прогрессизмом». Мы верим в научный и технический прогресс, в прогресс социальный, и часто эта вера переносится и на отношение к Царству Божьему. Нам порой кажется, что все само как-то устроится, и на смену этому миру незаметно и безболезненно придет мир иной. Но в Евангелии, в Новом Завете нет оснований для такой веры. Там сказано, что приход Царства Божьего будет совсем иным. Это проблема испытаний, искушений, в том числе, и гонений. По человеческой немощи мы, конечно, молимся, чтобы каким-то образом нас это миновало. Так и в молитве «Отче наш» есть слова – и не введи нас во искушение. Мы можем вспомнить, что и Иисус Христос молился в Гефсиманском саду: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия», но при этом «впрочем, не как Я хочу, но как Ты... да будет воля Твоя». То есть главное для нас это – воля Божия. И мне кажется, что для тех, кто считает себя христианином, для тех, кто считает себя верующим человеком, христианский эсхатологизм – это не столько проблема «конца света», как иногда думают, это не обязательно какие-то апокалиптические настроения, а это вопрос о том, как жить сейчас, что значит быть христианином.

То есть, это проверка всей своей жизни, всего того, что мы делаем, – вечностью, Царством Божьим. Действительно ли мы стремимся к Царству Божьему, действительно стремимся к вечности, действительно пытаемся каким-то образом себя приблизить к это-

му и это приблизить к себе? Или мы это от себя отодвигаем, пытаемся отдалить от себя каким-то образом, где-то отсидеться, уйти в сторону. Вот в чем проблема.

Н. Б.: А что значит «память смертная»? Святые отцы часто употребляли это выражение.

О. В.: Мне кажется, что «память смертная» это не столько память, мысль о смерти, сколько память о вечности, мысль о том, как жить, чтобы быть достойным ее. Поверять свою жизнь вечностью. Мы часто рассматриваем смерть как конец всего. Но мне кажется, что для верующего человека смерть – это начало. Начало нового этапа жизни. И когда святые отцы говорили «помни о смерти», они имели в виду, что вся эта земная жизнь поверяется вечностью, то есть вся эта жизнь есть, по сути, подготовка к переходу, к исходу в вечность. То есть смерть – это, своего рода, исход. Это исход из жизни временной в жизнь вечную. Поэтому «память смертная» это как раз устремление к вечности, устремление к освобождению от рабства этого падшего мира к свободе Царства Божьего.

Н. Б.: Но спасение наше начинается здесь, в этой жизни?

О. В.: Естественно. Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом и смог войти в Царство Божье, смог приобщиться к жизни Пресвятой Троицы, к жизни Божественной. Но Иисус Христос возвестил, что в Нем, в единении с Ним Его последователи уже здесь и сейчас становятся причастниками этой новой жизни, этого Царства Божьего. И поставленная Господом перед христианами задача заключается в том, чтобы своей земной жизнью сделать это дарованное им Царство актуальным, видимым в этом мире, привлекающим все новых и новых последователей, а себя сохранить в чистоте и верности до Его второго пришествия в силе и славе. Об этом говорили многие святые отцы и богословы. Мы живем между уже «да» и еще «нет». С одной стороны, Царство Божье уже пришло, оно уже внутри нас, оно уже в наших сердцах, оно уже может и должно быть в нашем общении, но, с другой стороны, оно еще только должно прийти во всей своей полноте. И

должно прийти именно как исход из этого мира, как исход из этой жизни, исход из временного в вечное. В этом суть христианства, и этим должна определяться и наша личная жизнь, и жизнь всей Церкви Христовой.

Так и было в первом апостольском веке и в первые века истории Церкви. Свидетельства тому мы находим во всей раннехристианской литературе, отражающей наряду с другими богословскими темами и эсхатологические ожидания первых христиан, и проблемы, возникавшие в их жизни в связи с этими ожиданиями. А проблемы были, и надо сказать, вполне реальные. Благодаря своему образу жизни первые христиане очень сильно отличались от окружающего их общества и быстро становились изгоями. Все религии учат тому, как лучше устроиться в этом мире, как обезопасить себя в нем. И только христианство призывает обличить неправду этого мира, возвестить о его кончине, и учит тому, как умереть для этого мира и родиться в новую жизнь для Бога и в Боге. Верность Иисусу Христу и Царству Божьему предполагает отказ в этом любому другому царю и любому другому (земному) царству, если они претендуют на высшую власть. И это в свою очередь привело к тому, что очень скоро христиане оказались гонимыми не только обществом, но и государством. Принять Крещение, объявить себя христианином было равнозначно тому, чтобы подписать себе смертный приговор. Но христиане шли на это, переносили страдания, принимали мученическую кончину, веря, что идут навстречу своему Господу Иисусу Христу, потому что уже здесь и сейчас они жили Царством Божьим. И это тоже очень важный момент. Если мы не обрели, или, скажем так, не нащупали Царство Божие уже здесь и сейчас, то мы можем и там его не найти, не заметить, пройти мимо него.

Н. Б.: То есть, если мы не приобщились здесь ко Христу, не встретили Его здесь, в земной жизни, то ничего не изменится и там?

О. В.: Ну, я не могу говорить об этом так однозначно. Это решаем не мы с вами. Это решает Бог. Пути Господни неисповеди-

мы. Поэтому тут говорить об этом как-то однозначно невозможно. Оставим это на суд Божий.

Вообще, в размышлениях о том, что скрыто от наших физических глаз, о чем не говорится однозначно в Священном Писании, необходимо соблюдать определенную осторожность, трезвость. В том числе и в размышлениях о «конце» этого мира и о «жизни будущего века», то есть о том, что определяется такими понятиями как эсхатология и эсхатологизм.

Кстати, к самому понятию «эсхатологизм», точнее, к тому, что им определяется, у христиан отношение очень неоднозначное. Например, в «Кратком религиозно-философском словаре» Леонида Ивановича Василенко совершенно явно прослеживается отрицательное отношение к эсхатологизму. Я не помню точных формулировок, не могу процитировать точно, но там эсхатологизм – это что-то сектантское, это скрытое неприятие воли Божией. Но лично мне трудно с этим согласиться. Если так это понимать, то, как относиться к ап. Павлу, к жизни первых христиан? Мы уже говорили, что первые христиане каждый день начинали призывом «Маранафа!» – Ей гряди, Господи! Гряди скорее! И что такое тогда: «Да приидет Царствие Твое» – а как оно приидет?! Ничего сектантского в этом нет. Другое дело, что, действительно, можно на этом «сдвинуться» и начать подсчитывать сроки, пытаться убежать от «конца света». Пытаться сбежать куда-нибудь в горы, как это было в 70-е годы, когда прошел слух, что конец света грядет. И, вроде бы, нормальные люди уезжали из Москвы, ехали на Кавказ, потому что прошел слух, что на Новом Афоне можно будет спастись. Извратить можно все, что угодно. И эсхатологические проблемы можно довести до любого абсурда.

А вот у отца Александра Шмемана в «Дневниках» сказано, что все проблемы современного православия и, вообще, христианства, в том, что оно именно утратило эсхатологизм – то духовное напряжение, ту жажду встречи с Господом, которыми жили первые христиане. Мы настолько вгрызлись в эту землю, укоренились на земле, что мы уже и не думаем о Царстве Божьем. Мы и в церковь

приходим не для того, чтобы приобщиться к Вечности, не для того, чтобы найти врата в Царство Божие, не для того, чтобы стать святыми, а только для того, чтобы утрясти свои земные дела, решить свои земные проблемы. И для нас христианство стало одной из великого множества религий, помогающих устроить свои земные дела, свою земную жизнь. А подлинное христианство это, как мне кажется, как раз и есть эсхатологизм, напряженная жажда того, чтобы этот падший мир, наконец, пришел к своему концу, и наступил новый мир, новый эон.

То есть эсхатологизм – это жажда исхода, подобно тому, как евреи хотели выйти, жаждали выйти из Египта. Но не все и не сразу этого жаждали. Мы из Священного Писания знаем, как Моисей вел борьбу за исход не только с фараоном, но и с собственным народом. Многие боялись, не хотели уходить из Египта. И даже, когда пошли, вспоминали о египетских котлах с пищей. Они упрекали Моисея: Ты привел нас в пустыню, чтобы мы тут умерли, а там мы хотя бы сыты были. То же самое сегодня происходит с христианством. Христианство – это как раз «исход из Египта». Христианский эсхатологизм – это жажда исхода, это устремленность от рабства этого мира к свободе мира Божьего. А многие из считающих себя христианами цепляются «за египетские котлы». Современные христиане утратили эсхатологизм, утратили духовную жажду, и христианство выдохлось. Подлинное христианство – совсем другое. В христианстве должна быть тоска по вечности, по Небесам, по Царству Божьему – вот это и есть эсхатологизм. А если мы не тоскуем по Небесам, если мы не помним, что наше отечество – там, что Отчий Дом – там, что человек здесь как блудный сын на чужбине, то какие же мы христиане?

Но здесь, как мы уже говорили, конечно, есть свой риск, есть определенная опасность. Это можно довести до крайности – раз наше отечество там, раз наш дом там, раз мы должны жить там, значит неважно то, что здесь, «гори оно здесь все синим пламенем». А может быть и еще большая крайность. Если наше отечество на небесах, если мы здесь на чужбине, то земная жизнь не имеет ни-

какого смысла, зачем тогда жить, лучше поскорее умереть и все. Зачем лечиться от болезней, зачем налаживать какую-то социальную жизнь, зачем заботиться о бедных, об умирающих – чем скорее они помрут, тем скорее они встретятся с Господом. Все можно довести до абсурда. Поэтому очень важна трезвость, баланс, четкость разделения... Христианство подобно хождению по проволоке, чуть влево, чуть вправо – можно свалиться, скатиться либо в ту, либо в иную ересь. И таких ересей на протяжении христианской истории было бесчисленное множество. Все это было.

Но, тем не менее, без эсхатологизма христианства нет и быть не может. При этом очень важно понимать, что мы ответственны за все то, что происходит в этом мире. Очень важно помнить, что жизнь нам эта дана не просто так, мы должны здесь чему-то научиться, должны что-то здесь сделать. Да, мы призываем Царство Божье, да, мы жаждем встречи с Богом, но какими мы придем на эту встречу? Как мы себя подготовим к Царству Божьему, что мы возьмем в Него? Врата в Царство Божье открыты для всех, для каждого человека, но сможем ли мы там жить? Мы должны сначала научиться жить там. Это подобно тому, как если бы нас подвели к берегу океана и сказали – вот оно Царство Божье, ныряй туда и живи там! А если я прыгну и захлебнусь, утону... Для того чтобы я смог там жить, у меня сначала жабры должны вырасти. Я должен преобразиться. Со мной должно что-то произойти... Христос пришел и сказал: «Вот оно, пришло Царство Божье! Входи! Живи!» Но я должен научиться жить этим Царством. Царство Божье – это Царство Бога, а Бог есть любовь, мир, радость, доверие. И если я не умею жить любовью, миром, радостью, доверяя и Богу и людям; если я привык жить страхом, борьбой, ненавистью и т.д., то, как я смогу жить в этом Царстве? Хотя, вот оно – здесь, сейчас, входи в него! Но я не умею в нем жить, мне в нем плохо будет. Человек, который привык каждый день пить из кого-то кровь, портить чужие нервы или еще что-то – как он там будет? Он не сможет там жить... Ему плохо там будет... Вот эта жизнь и дана нам,

чтобы научиться жить Царством Божиим – по его законам, в той атмосфере. Для этого надо очень много времени.

Н. Б.: Но ведь это связано и с преображением?..

О. В.: Да, с эсхатологизмом, с устремленностью в Царство Божье неразрывно связано такое понятие как преображение или, может быть, лучше сказать – обожение, потому что я имею в виду не мгновенное преображение человека, а процесс, когда постепенно в нем что-то происходит, что-то меняется. Часто этот процесс обожения идет незаметно для окружающих и для самого человека. Если человек стремится к Царству Небесному, если он действительно пытается жить этим Царством, если в нем есть духовное напряжение, то благодать Божия его в этом направлении и меняет, трансформирует. Без обожения эсхатологизма тоже не бывает, что-то в нас должно отмереть и что-то новое родиться. Иногда на это уходит вся наша жизнь.

И мы ответственны перед Богом, ответственны и за свою жизнь, и за жизнь этого мира. С одной стороны, мы здесь временно, мы здесь странники – у святых отцов очень часто присутствует мысль, что мы на земле пришельцы. Странники – да, но и странствовать можно по-разному. Да, это временно, главное – впереди, но и это временное надо как-то обустроить. Мы должны о нем позаботиться, и не только для себя, но и для других тоже. Кажется, Вл. Соловьев говорил, что задача христиан не в том, «чтобы лежащий во зле мир превратился в Царство Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад».

Правильно понятый эсхатологизм не отменяет ответственности за этот мир, он не отменяет участие в политической деятельности, в обустройстве этой жизни, но мы всегда помним, что главное наше Отечество там, впереди. Да, оно начинается здесь, открывается здесь, здесь мы научаемся в нем жить (получаем какие-то навыки), но все-таки самое главное – там. Мы живем между двумя точками: с одной стороны, оно уже есть, с другой стороны – его еще нет, оно еще будет только...

И вот это время между «уже да» и «еще нет» – оно и называется «последним временем». В Новом Завете часто говорится о «последних временах». Ап. Павел пишет о том, какими злыми, нелюбовными, наглыми, одним словом, неправедными будут люди в последнее время. Сам Господь говорит о последних временах. Но важно понять, что это «последнее время» уже идет. Это не что-то такое, что будет когда-то, в далеком будущем, оно уже идет. Это «последнее время» началось с прихода Иисуса Христа и будет продолжаться до Его второго пришествия. Кто-то может сказать: «Ну, ничего себе, последнее время – две тысячи лет!» 2000 лет – это для истории человечества, для истории Церкви, а для каждого из нас – это только одна наша жизнь, вот эта жизнь, и все. Поэтому каждую минуту этой жизни нужно проживать по-настоящему. Помню, кто-то сказал – ну, так жить невозможно! А отец Александр Мень – он об этом замечательно говорил – ответил, что каждый день надо жить, как последний, потому что «завтра» может и не быть.

Это и есть христианский эсхатологизм – это не проблема смерти, это – проблема жизни. Мы почему-то все время говорим о смерти, как относиться к смерти, как ее воспринимать, что там будет после смерти и т.д. Но если мы живем христианским эсхатологизмом, тогда и смерть не страшна. И многое в этой жизни воспринимается совсем по-другому, не так, как принято в этом мире. Например, болезнь тогда ты уже воспринимаешь, как некий дар Божий, как что-то такое, что помогает тебе преодолеть себя.

А иногда мы ломаем голову: зачем Господь мне эту болезнь послал, что я через нее должен понять? А, может быть, она послана вообще не мне, а кому-то, кто рядом со мной. Может, эта моя болезнь послана моей жене, моим детям, чтобы они пережили болезнь мужа, отца и обрели какой-то опыт. Эсхатологизм и в том, чтобы не смотреть на мир, на все события только изнутри себя самого. Если в центре нашей жизни Бог, а не «Я», то и смотреть на мир мы должны как бы из Бога, но для этого важно понять, что

главное в этом мире – Бог, а не я. И что главная цель – это не моя жизнь, болезнь или смерть, а Царство Божие, вечность... И рядом с вечностью, в свете Царства Небесного все наши проблемы сразу становятся такими маленькими, незначительными. С точки зрения христианского эсхатологизма, необходимо все, что происходит, мерить, поверять вечностью. Конечно, это трудно, это у нас не всегда получается, но нужно контролировать себя, возвращать в нужное измерение. В этом, наверно, и заключается искусство христианской жизни. Духовная жизнь и заключается в том, чтобы все свои действия, поступки, все события поверять вечностью, Царством Божиим.

Н. Б.: А как же Суд?

О. В.: Да, есть еще проблема суда, его никто не отменял. О суде в Евангелии говорится, что он будет, но каким он будет, что это будет за суд, кто нас будет судить, мы не знаем. Говорят «Суд Божий», а откуда известно, что Бог нас будет судить, что Он будет обвинителем? Ведь Святой Дух – Параклет, в переводе означает адвокат, защитник, ходатай. Так если сам Дух Святой будет за нас ходатайствовать, нас защищать, кто нас тогда будет обвинять?! Дьявол в библейской традиции всегда воспринимался как обвинитель, это сегодня мы его воспринимаем как клеветника, лжеца, а в библейской традиции это тот, кто обвиняет. Например, в книге Иова видна его роль обвинителя, того, кто выставляет человека перед Богом в нехорошем виде. Так вот, если дьявол будет нашим обвинителем, Дух Святой будет нашим защитником, а кто будет судьей? Если Бог за нас, то кто против нас? – говорит апостол Павел. Главное, чтобы мы научились понимать это, принимать и не отвергать. Если мы живем Богом, если мы устремляемся к Нему, а не просто хотим Его использовать, то кто нас осудит?

Вообще тема суда очень сложная. Священное Писание не дает нам возможности выстроить схему, как оно все точно будет... Поэтому и здесь необходимо соблюдать осторожность, трезвость суждения.

Н. Б.: В Ветхом Завете Господь говорит нам: «В чем застану, в том и сужу», а Христос говорит: «Я не судить пришел мир, но спасти». Вероятно, будет и то и это?

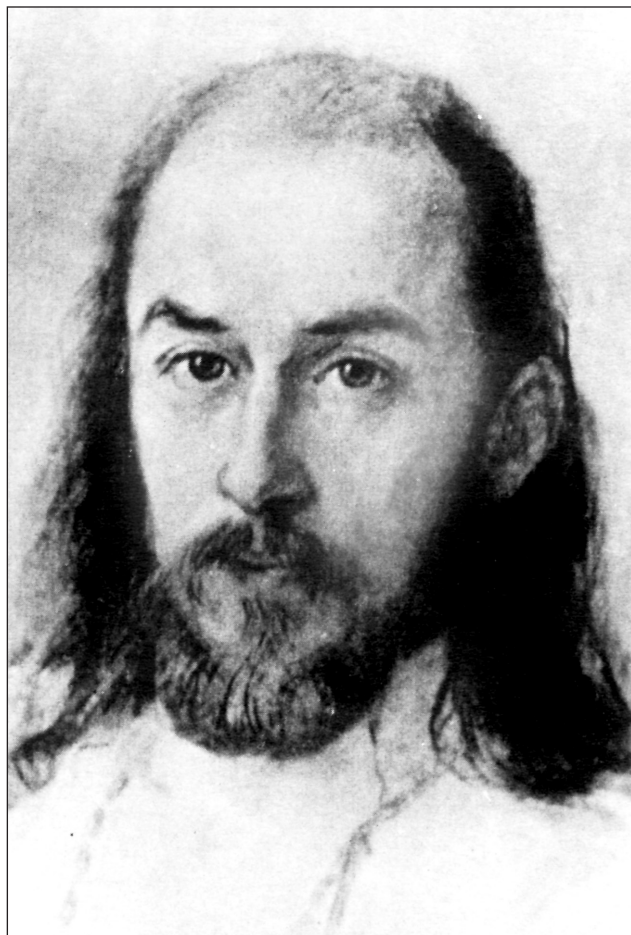
О. В.: Ну, да, и то и это. И очень трудно все это вместе увязать, разложить по полочкам, а нам бы хотелось. А может быть, не надо все это увязывать?..

Прп. Силуан Афонский говорил, что Христос будет приходить в этот мир и распинаться до тех пор, пока на земле есть хоть один грешник. И это тоже христианская эсхатология, это тоже тема суда.

У Григория Нисского есть такая мысль, что все спасутся, точнее, что всем будет дана возможность спастись...

Май-июнь 2007 г.

О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ

Священник Анатолий Жураковский
Портрет в лагере, 1930-е гг.

СЕРГЕЙ КОКУРИН

«БЫТЬ БЛИЖЕ К БОГУ»

К 70-летию со дня мученической кончины
священника Анатолия Жураковского

Сергей Кокурин родился в 1960 году в г. Кинешме Ивановской области (Россия). Журналист (в 1989 г. закончил Киевский государственный университет), в настоящее время – координатор книжных проектов Центра «Нарния» (Москва).

Анатолий Евгеньевич Жураковский – необыкновенно яркая личность даже для столь щедрого на талантливых людей времени, в которое он жил. Глубоко символично, что жизнь его полностью совпала с эпохой, у истоков которой стоят фигуры Владимира Соловьева и Николая Федорова, а в конце – сонм новомучеников. Эту эпоху можно назвать попыткой духовного возрождения России. И сам Анатолий Жураковский – человек поистине ренессансный. Он был философом и поэтом. Биографы подчеркивают его сходство с о. Павлом Флоренским и о. Сергием Булгаковым (философ, богослов, священник). Эти параллели можно без труда продолжить. Как и Клайв Льюис, Анатолий Жураковский был в Первую мировую войну на фронте, куда его призвали со студенческой скамьи. Как и мать Мария (Скобцова), он в голодном и истерзанном гражданской войной Киеве шел в рабочие кварталы и казармы к опустившимся, изверившимся людям, чтобы открыть им свет Христовой любви. Наконец, как отец Александр Мень, он был проповедником среди интеллигенции – самой разрозненной и разделенной группы русского общества.

Эту талантливость, многогранность души Анатолия Жураковского мы, несомненно, почувствуем во всех его трудах – в богословских работах, написанных на фронте в 1916-1917 гг.; и в повести «Иуда», написанной в Краснококшайской ссылке в 1924 г., в

проповедях, в письмах и в стихах разных лет... Всюду мы увидим ясность и глубину мысли, основательность знаний, силу художника и проповедника. И, тем не менее, говоря об Анатолии Жураковском, мы помним и чтим в нем не просто выдающуюся творческую личность, а, прежде всего, пастыря и верного свидетеля Христова. Русская православная церковь за границей прославила его как новомученика. Иконописец изобразил отца Анатолия проповедующим на улицах Вавилона. В этой перспективе его жизненный путь есть, по сути, путь святого. А его смерть – Голгофа.

Начало пути

Анатолий Жураковский родился в Москве 17 марта 1897 года. Его родители, люди интеллигентные, были далеки от Церкви и от веры. Дети (три сына и дочь) воспитывались в атмосфере любви к русской литературе, музыке и театру. Поэтому родители были немало удивлены, узнав однажды, что их второй сын Анатолий тайком от них посещает храм. Внешним толчком к такому повороту послужила болезнь младшего брата Аркадия, у которого врачи обнаружили неизлечимую форму туберкулеза. Страдания мальчика были так велики, что отец по несколько дней не появлялся дома. Анатолий ходил в храм, где часами стоял на коленях, молясь об исцелении брата. Тогда же произошла встреча с человеком, который открыл ему тайну страдания и утешения в Христовой любви. Это был дьякон, имя его осталось неизвестным. Но благодаря ему Анатолий Жураковский навсегда сохранил в своем сердце необычный свет тех дней. В 1935 году он напишет жене – Нине Сергеевне¹ из лагеря в Надвойцах: «Из всех воспоминаний моей богатой жизни самым сладким является детское воспоминание о часах молитвы в храмах». С этого времени все его желания и мысли устремились к одной цели – быть ближе к Богу. «Быть

¹ С Ниной Сергеевной Богоявленской Анатолий Жураковский обвенчался в 1917 г. в Киеве, в церкви Рождества Богородицы.

ближе к Богу – вот задача жизни» – это последние слова Владимира Соловьева. В 1914 году выпускник гимназии Анатолий Жураковский запишет их и добавит: «Ближе к Богу – как радостно, как легко, а вне Его, вдали от Него – тяжесть и боль». Эта мысль в самом раннем детстве уже пронзила его своим светом, всею открывающею радостью. Но и болью. О близких и дорогих ему людях, не понимавших, не видевших, что утешение, исцеление рядом, – в Божьей любви, в отдаче себя этой любви.

Что мог сделать мальчик, гимназист? Он погрузился в думу. Отец так и называл его – «мальчик, думающий думу», находя в религиозности сына одну лишь странность. Позже, в Киеве, куда семья переехала в 1911 году (из опасений за здоровье матери, болевшей туберкулезом), отец решил показать Анатолия психологу – своему сослуживцу В. Зеньковскому. Известный педагог и философ, будущий основатель РСХД, поговорив с гимназистом, обнаружил у него недюжинные способности к науке и предложил свою помощь в занятиях богословием. Василий Васильевич ввел юного Жураковского в Религиозно-философское общество, куда, по тогдашним полицейским правилам, гимназистам вход был запрещен, и познакомил с его руководителями, известными киевскими богословами, профессорами Духовной академии П. Кудрявцевым и В. Экземплярским. Так началась школа, в которой дисциплинировался ум, формировалась, созревала, оттачивалась мысль будущего философа, богослова и священника. В университете Анатолий Жураковский учился одновременно на классическом и философском отделениях историко-филологического факультета. Он полностью отдался любимым занятиям – литературе, истории, философии. Под руководством В. Зеньковского он пишет блестящее исследование «Жозеф де Местр и Константин Леонтьев», за которое получает золотую медаль. Однако занятия пришлось прервать: университет в 1915 г. эвакуировали в Саратов, а студента Жураковского вскоре призвали в армию. Но и на фронте он продолжает напряженно учиться. Здесь, выкраивая часы у ночи, он написал три богословских работы: «К вопросу о вечных

муках», «Литургический канон теперь и прежде», «Тайна любви и таинство брака», опубликованные в 1916–1917 гг. в журнале «Христианская мысль», который выпускал в Киеве профессор Экземплярский. Это было одно из лучших в ту пору христианских изданий в России. Но тогда же на фронте Господь открыл Анатолию Жураковскому призвание к священству. Как-то в бессонную ночь его посетило необычное видение: открытый алтарь, Святая Чаша, пение, невидимые неземные служители и он, приносящий Владыке бескровную жертву. Об этом видении он рассказал только своей будущей жене. Тогда молодой человек был уверен, что не достоин этого призвания. Однако через три года, в августе 1920 г., он ответил на Божий призыв: Да! Во многом это стало возможно благодаря еще одной поистине промыслительной встрече.

Община

В 1917 году, демобилизованный по болезни, Анатолий Жураковский вернулся в Киев, в университет, к лекциям, в круг друзей, авторов «Христианской мысли»... Здесь он и познакомился с бывшим полковым священником, известным миссионером и проповедником, архимандритом Спиридоном (Кисляковым). Значение этой встречи огромно для Анатолия Жураковского. Эта встреча повлияла на всю его дальнейшую судьбу. Отец Спиридон стал не только его наставником и другом, но и побудил его к проповеди на улицах города. По вечерам они отправлялись проповедовать в самые опасные и злачные места Киева, в солдатские казармы, пролетарские кварталы. Среди мест, пользовавшихся особенно дурной славой, была чайная на Галицкой площади (ныне площадь Победы), известная также как «босяцкий магазин», где собиралась отпетая публика. Придя в чайную, монах-миссионер и молодой богослов смело обращались к присутствующим со словом Евангелия, а потом сдвигали столы и служили молебен. Они не услышали в свой адрес ни одного ругательства. Из этих «отбро-

сов общества» отец Спиридон начал создавать «Братство Иисуса сладчайшего».

Анатолий Жураковский, видимо, уже тогда задумал создать общину или, как он сам об этом сказал, «по-новому, по-небывалому устроить не какой-то уголок в жизни, не какое-то «дело», но устроить самую жизнь во всем многообразии ее проявлений» (здесь и далее приводятся цитаты из письма 6.06. 1923). Он хотел создать общину, в которой Христос «не был бы случайным Гостем только, но где Ему принадлежало бы все всегда и безраздельно». «Разрозненные, разделенные, чужие, потерявшие тропинки, ведущие в душу друг друга, ставшие чужими на стогнах мира, мы должны врасти друг в друга. Мы должны стать едино во Христе Иисусе, Господе нашем». И такая община появилась в 1921 году в маленьком храме на тихой Никольско-Ботанической улице, куда примерно через год после рукоположения был назначен настоятелем 24-летний священник Анатолий Жураковский. Первую литургию он служил в пустом храме. Однако очень скоро в церковку потянулся народ со всего Киева. Шли гимназисты, студенты, среди которых узнавали детей киевской профессуры. Шла интеллигенция, среди которой было немало людей равнодушных, изверившихся. Приходили «просто послушать» — и оставались со священником. В одночасье образовалась община, которую Анатолий Жураковский называл «обыденным храмом».

Это сравнение глубоко символично. *Обыденными* в старину называли храмы, построенные в один день, общими усилиями города или нескольких городов. Храмы эти могли исчезнуть, место, где они стояли, забывалось. Но веками хранилась память о необыкновенном порыве, в котором разные люди, объединившись, возводили храм. И это была не архивная, не статистическая память. Неслучайно в конце XIX века именно со строительством «обыденных храмов» связывал духовное возрождение России философ Николай Федоров. Такие «храмы» действительно возникли как провозвестники подлинного возрождения Церкви: община о. Анатолия Жураковского — один из них. Это было чаемое в течение

веков возвращение в церковь «блудного сына», – русской интеллигенции, – которое началось с Петербургских Религиозно-философских собраний в 1901-1903 гг. Этим путем в XX веке прошли о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский, о. Василий Зеньковский, о. Александр Ельчанинов, о. Алексей Глаголев и тысячи других русских «мальчиков», принявших традицию, которая идет от преп. Сергия Радонежского, воцерковляет мир и открыта современному человеку. Анатолий Жураковский также принадлежит к этой плеяде выдающихся священников, проповедников, мыслителей, чьи труды начались возвращение интеллигенции в лоно Церкви. Ему было отпущено мало времени, всего несколько лет между двумя арестами (1923 и 1930 гг.), тем не менее, даже за эту, слишком короткую весну успело прорасти новое поколение людей. Людей, открывших в церкви не стены, не «лепоту», а Святая Святых – Евхаристию, где общая Чаша и общее призвание к Любви, больше которой нет, которая за други своя.

Община Анатолия Жураковского, объединив в себе порыв десятков людей, олицетворяла усилия целых городов. Это был все тот же «обыденный храм», который строили москвичи и вологодцы в XVI и XVII веках. Уже давно не существует церкви возле университета на Никольско-Ботанической, но осталась память о настоятеле и его общине, которая прошла через гонения и репрессии 30-х годов, лагеря, ссылки, войну, повторные сроки 40-х и 50-х и сохранила верность своему братству. Общинники отца Анатолия одними из первых испытали на себе, что Церковь – это они сами, живые ее камни и алтари. «Тайна Церкви, сладчайшая из всех земных тайн, открылась нам в сокровенности сердца, и мы поняли вдруг, что Церковь, Ее дары, Ее любовь не для других, а для НАС, потерявших и заблудившихся» (из письма Анатолия Жураковского 6.6.1923). Уйдя в 30-е годы из храма в «катакомбы», они сами стали храмом. Их объединяло уже не место, пусть и очень любимое, а отношения, взращенные на церковной закваске, во круг Евхаристии. Человеческая привязанность, чувства, братские отношения оказались необыкновенно стойкими и живыми, со-

хранились в течение всей их жизни. Хотя после разгрома «катакомбной» церкви костяк общины был уничтожен, те, кто уцелел, возвращались из тюрем, лагерей и ссылок, из далеких городов и снова тянулись друг к другу. Так, общинники вновь собрались в 1941 г. вокруг духовного сына Анатолия Жураковского, священника Алексея Глаголева², и вместе с ним спасали в годы немецкой оккупации еврейские семьи от Бабьего Яра, а в послевоенные годы отстраивали из руин Покровскую церковь³. Дух братства был неистребим. Некоторые общинники, чтобы заботиться друг о друге жили вместе, по двое или трое. Одна из таких общин, которую отец Алексей Глаголев называл «Христианской республикой», обитала в доме № 34 на Гоголевской улице. Здесь, в квартире академика В. Г. Ортоболовского, до середины 70-х гг. неразлучно жили Ольга Васильевна Михеева, Мария Анатольевна Ортоболовская (вдова академика), Вера Вячеславовна Опацкая, Наталья Михайловна Орлова и Наталья Яковлевна Коробко.

Трудная память

«Нашу любовь мы хотим пронести через горнило испытаний жизни, не в отдалении хотим, а лицом к лицу, хотим, чтобы светом стал каждый миг нашей жизни и молитвой, Богообщением каждая наша встреча друг с другом», – писал Анатолий Жураковский из Краснокошайской ссылки в 1924 г. Он всегда был максималистом во всем, что касалось веры, и, конечно, не мог принять производимой от лица Церкви лжи о лояльности к советской власти. Он не признал Декларацию 1927 года и стал на сторону «непоминаю-

² Протоиерей о. Алексей Глаголев (1901-1972), праведник мира, был сыном известного священника, профессора КДА Александра Глаголева, погибшего в Лукьяновской тюрьме г. Киева в 1937 году.

³ Алексей Глаголев был настоятелем Покровской церкви на Подоле с 1941 по 1960 гг. Храм восстанавливали на средства и силами самой общины. В 1960 году, когда убрали строительные леса, городские власти закрыли храм.

щих», сторонников митрополита Иосифа (Петровых). Последнее место его служения – храм Преображения на Павловской улице в Киеве (снесен в 70-е годы). В День Покрова, 1 октября 1930 года Анатолия Жураковского арестовали и после года следствия приговорили к «высшей мере», которую, однако, заменили десятью годами концлагерей в системе Беломорско-Балтийского канала.

Ему было всего сорок лет, когда в ночь на 3 декабря 1937 года его расстреляли по приговору лагерной «тройки». Несколько лет о его судьбе ничего не было известно. Потом, в 1940 г., жене Нине Сергеевне сообщили, что ее муж «за вновь содеянное преступление осужден на 10 лет строгой изоляции без права переписки». Тот же ответ был получен в 1943 году. А в 1955 из Петрозаводска пришло извещение о том, что «Анатолий Евгеньевич Жураковский умер в больнице Петрозаводской тюрьмы 10 октября 1939 г. от туберкулеза, осложнившегося воспалением легких». В «больничную версию» поверили самые близкие отцу Анатолию люди, в том числе «летописец общины» Ольга Васильевна Михеева, чей очерк вошел в книгу «Священник Анатолий Жураковский. Материалы к житию», изданную в 1984 году ИМКА-Пресс. Лишь в 90-е годы, когда ненадолго были открыты архивы КГБ, открылась и правда о мученической смерти отца Анатолия. Но вместе с правдой о его гибели нам открыта (благодаря сохраненным общинниками письмам, проповедям) и светлая правда. Может быть, лучше всего смысл ее передают вот эти строки из стихотворения 1935 года, написанного отцом Анатолием в лагере в Надвойцах:

Пусть жизнь в оковах. Дух уже расторг
Оковы тьмы. Путь неукрытый к Раю
Открыт. Любовь есть рай. Я знаю.
И в сердце тишина, молитва и восторг.

О священнике Анатолии Жураковском сегодня знают немногие, кроме его биографов, пожалуй, еще небольшой круг киевлян и москвичей. Благо, вышли его произведения («Иуда» и «Литургический канон теперь и прежде»), публикуются в журналах от-

дельные проповеди. Но совершенно очевидно, что личность такого масштаба неудобна для нашей памяти. Как неудобно сидеть очень близко у костра – обжигает. Обращение к опыту общины Анатолия Жураковского – и шире к Церкви мучеников – ставит нас перед необходимостью говорить о современном церковном и общинном опыте в свете необыкновенной требовательности. Вот что писал Анатолий Жураковский общинникам из Краснококшайской ссылки: «Мы на Востоке еще в процессе созидания, творчества. И мы должны явить миру свой Лик, образ целостного христианства, объемлющего и просветляющего всю полноту жизни, образ Церкви как живого организма любви, связующих в нерасторжимое единство и пасущих, и пасомых, и пастырей, и мирян». В этом свете наше христианство, естественно, обнаруживает свою «легковесность». Но он же дает нам, если не силу горячей веры и чистого мужества, которая была у тех, кто смотрел в лицо смерти и Вечности, то, во всяком случае, хотя бы смелость не принять рутину за норму, а видимость за реальность. Однако преодолеть рутину и видимость нелегко, ибо она гнездится в нашем маленьком и жалком «я», которое, меряя все на свой аршин, стремится саму Церковь и Христа сделать по образу своему. Оно же противится и живой, такой взыскательной, преемственности. Поэтому нам легче записать о. Анатолия Жураковского, о. Спиридона (Кислякова) и других мучеников в святцы, чем серьезно воспринять их правду о нашей Церкви и нашем христианстве, легче написать их иконы, чем вынести свет их лиц.

Память об Анатолии Жураковском для нас трудна не только потому, что он принадлежал к «раскольникам», «непоминающим». Трудность заключается в том, что эта память открывает нам путь к опыту свободных людей в Церкви, тех, кто противопоставил тотальной, в том числе и церковной, несвободе – свободу личностную, свободу большого «Я», которое по образу Божьему, а не человеческому. Этот опыт свидетельствует нам о творческой Церкви, о «Пресветлом Православии» – открытом, деятельном, воцерковляющем мир, выходящем за «церковные ограды». «До тех пор

я не успокоюсь, пока не почувствую, что в сердце каждого из вас рухнули перегородки, отделяющие Церковь и Ее мир от жизни и праздники от будней, служение Богу от обыденного делания... Детская улыбка, и обыденный труд, и светлая юность, и насыщенная жизнью старость, и все должно освятиться и просветлеть от Церкви и Церковью» (из письма 6.6.1923). Находясь в лагере, в Тунгунде он писал жене: «Как хорошо знать, что все Божье, что нет каких-то особых мест или положения для служения Ему, а всякое дело может быть Его делом... Вот эта убогая, каменистая... дорога – Его дорога... Вот этот труд над переброской и выниманием бревен и досок – Его дело, служение Ему и, наконец, этот дощатый барак с койками – может быть Его таинственным и полным благодати и трепещущих ангельских крыльев царством».

Естественно, когда мы открываем иной церковный опыт, мы оказываемся в ситуации выбора. Можем ли мы жить так, словно ничего не изменилось после тоталитаризмов XX века? Достаточно ли только хранить нашу православную идентичность и что, собственно, за «сокровище» мы храним? Наконец, что нам делать со свидетельством мучеников? Останутся ли они для нас только историческим опытом, уделом «церковных писателей»? Все эти вопросы – к нам, так бодро и легко сегодня ступающим по дороге к храму.

АНАТОЛИЙ ЖУРАКОВСКИЙ

К ВОПРОСУ О ВЕЧНЫХ МУКАХ¹

I

Вопрос о вечных муках, несомненно, принадлежит к числу так называемых «проклятых» вопросов, тех вопросов, которые непреклонно стоят перед лицом человеческого сознания во все времена. Но близкий всем векам и всем народам вопрос этот как-то особенно тесно связан с нашим русским религиозным сознанием. Дело в том, что, кажется, в самой глубине русской души заложена тоска о всеобщем счастье, всеобщей гармонии, о спасении всех, даже до единого. И эта напряженная извечная тоска сталкивается с традиционным представлением о вечных муках и отсюда рождается острый конфликт, часто разрушающий стройность мировоззрения. С памятниками такого внутреннего конфликта мы встречаемся и в древнерусской письменности, и в художественной литературе, и у наших философов, и у богословов.

Знаменитые древнерусские «хождения Богородицы по мукам» являются ярким показателем того, что уже в глубокой древности русское религиозное сознание отказывается мириться с традиционным толкованием проблемы вечных мук. Это удивительное произведение открывает нам те своеобразные изгибы, по которым двигалась мысль наших предков в поисках выхода из дилеммы, которую ставит перед лицом ее традиционное богословие: или отказ от Евангелия или признание бесконечного, бессменного наказания. Бессильные разобраться в богословских и философских тонкостях вопроса, наши предки путем удивительного, благоуханного поэтического вымысла достигают того решения, которое мирится с основами их мировоззрения.

¹ Доклад, читанный (с сокращениями) в закрытом собрании Киевского религиозно-философского Общества 17 мая 1916 г. Текст предоставлен М.А. Глаголевой-Пальян, духовной дочерью о. Анатолия Жураковского.

Попытку поэтического разрешения вопроса, аналогичную той, какую являют нам «хождения», встречаем мы и в художественной литературе. Любовь к падшим, к отверженным, к тем, кто хуже всех, является вообще основной чертой русского реализма, именуемого французской критикой «евангельским». Понятно, что для проникнутого этой любовью реализма конечное, беспросветное осуждение падших кажется невозможным. И для самых дурных, погибших найдутся слова любви у Спасителя. Так думает русская художественная литература.

«...Пожалеет нас Тот, Кто всех пожалел и Кто всех и вся понимал, Он Единый, Он и Судия, – говорит пьяный, «погибший» Мармеладов у Достоевского. – ...и всех рассудит и простит, и добрых, и злых, и премудрых, и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, – скажет, – и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите скоромники!» И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: «свиньи вы! Образа звериного и печати его; но приидите и вы!» И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: «Господи, почто их приемлеш?» И скажет: «потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из них сам не считал себя достойным сего»... И прострет к нам руце Свои, и мы припадем... и заплачем... и все пойдем! Тогда все пойдем!.. и все поймут... и Катерина Ивановна... и она поймет!.. Господи, да приидет Царствие Твое!».²

У того же Достоевского Иван Карамазов, отказываясь принять мировую гармонию, построенную на гибели хотя бы единого, в то же время не может вместить мысли об аде. «И какая же гармония, если ад. Я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше!». Но дальше у Ивана является мысль о невозможности прощения. «Не хочу я, – наконец, восклицает он, – чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! А если так, если они не смеют про-

² Ф. М. Достоевский. Собр. соч. изд. А. Т. Достоевской. С. Петербург, 1891 г., т. V, стр. 22.

стить, где же гармония? Есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить?».³

Возникает антиномия: простить нельзя, но, если нет прощения, то нет и гармонии. Но путь к разрешению этой кажущейся антиномии указывает Алеша: «Брат, – говорит он Ивану, – ты сказал сейчас: есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Но Существо это есть, и Оно может все простить, всех, и вся, и за все потому, что Само отдало неповинную кровь Свою за всех и за все. Ты забыл о Нем, на Нем-то и созиждется здание, и это ему воскликнут: «прав Ты, Господи, ибо открылись пути твои!».⁴

Из этих немногих отрывков видно, что в душе Достоевского жила затаенная вера во всеобщее прощение, примирение и спасение.

Ту же веру встречаем мы у русских мыслителей. Много страданий пережили Чаадаев и Гоголь в связи с проблемой вечных мук. Не считая возможным отвергнуть традиционное учение, они не могли вынести его тяжести, примириться с ним до конца дней. Влад. Соловьев во времена юности был склонен к оригенизму.⁵ Позднее он, правда, отзывался отрицательно об Оригене и об его попытке разрешить проблему наказания после смерти, тем не менее он в своей стройной системе мира не дал систематического учения о вечных муках. Нигде он не останавливается подолгу на этом вопросе, и самое это молчание по поводу такого существенного и сложного вопроса христианского учения указывает, что для Соловьева тут было не все ясно и традиционное учение не совсем уживалось с духом его системы. Другой замечательный русский мыслитель, вновь «открытый» Н. Ф. Федоров подходит к проблеме гораздо смелее и оригинальнее. Своеобразное учение о конце мира он кладет во главу угла своей глубокой философии.

³ Ibid. Т. XII, стр. 384.

⁴ Ibid. Т. XII, стр. 385.

⁵ Вл. Соловьев. Стихотворения. Изд. 6-ое С. Соловьева, Москва 1915 г. См. статью С. Соловьева, стр. 55.

Для него все учение Евангелия о геенне есть не более, как угроза. Оно может и исполниться, но может и не осуществиться. Если человечество в целом покается, одумается, забыв вражду, соединится в братской любви по отношению к друг другу и в сыновней по отношению к умершим и возьмется за общее дело, попытку воскресить умерших, то такая попытка не останется тщетной. Ведь Сам Спаситель сказал, что верующие в Него сотворят дела большие, чем Он. Таким большим делом может быть только одно – всеобщее воскрешение. Поэтому оно является не утопией, но предусмотренным Евангелием «проектом», который может быть осуществлен путем не таинственным, не мистическим, но научным, в более глубоком смысле этого слова. Единственным условием осуществления в жизни этого «проекта» является любовное единомыслие всех. В случае же, если разъдаемое враждою человечество не найдет пути к примирению, тогда то же дело воскрешения будет осуществлено внешнею по отношению к человечеству силою – Божеским велением. И тогда это будет уже не воскресение радости, но воскресение гнева, ибо наказаны будут все: грешники – геенскими муками, праведники – созерцанием этих мук.⁶ Такова в общих чертах концепция Федорова. Мы видим, что и она резко расходится с ходячим решением проблемы.

Совершенно независимо от Н. Ф. Федорова к близким по духу мыслям пришла Анна Николаевна Шмидт, эта удивительнейшая представительница русской мистики, сочинения которой только что опубликованы, и, по мнению издателей, представляют «один из наиболее примечательных памятников мистической письменности, по меньшей мере не уступающий произведениям таких корифеев мистики, как Дж. Портедж, Як. Беме, Тереза, канонизированная в католичестве, Сен-Мартен, Сведенборг и т.п.»⁷

⁶ См. «Философию Общего Дела». Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, издан. под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, т. I и II.

⁷ «Из рукописей Анны Николаевны Шмидт», 1916 г., стр. XI.

Вот какие поразительные по силе и глубине строки находим мы в ее дневнике:

«Вас ужасает учение о гибели своей жестокостью? Так исправьте его, сделайте так, чтобы спасались все, если не собственными делами, то по молитвам других, полных заслуг. Чем больше добра сделает Церковь – а вы ее члены, – тем действительнее будет ее молитва за погибающих, и тем более людей она ею выручит. Если все живущие и умершие спасутся, вы думаете, Христос не будет блаженствовать оттого, что по левую сторону от Него не окажется ни души? Вы думаете, что ради исполнения Его пророчества о гибели нужно стесняться в порывах к совершенству? Что нужно сберечь Ему плевелы, чтобы Ему было кого судить? Не первый ли Он будет сиять славой и радоваться, если Его пророчество не исполнится, и честная кровь Его спасет весь мир целиком? Если бы дьявол покаялся и пожалел хоть на миг о любви Бога, – вы думаете, что он не уничтожится мгновенно как дьявол и не воскреснет в своем прежнем виде и не будет принят, как самое любимое, драгоценное для Христа и Церкви, считавшееся погибшим и спасенное? Вы думаете, Христос не расцелует его так, что он скажет: «погоди, я еще слаб, я не выдерживаю таких мук счастья, оно равно по силе моему прежнему аду». И Христос улыбнется и ослабит порыв Своей любви к найденному сыну, любясь им и плача над ним, и ожидая, когда он окрепнет, чтобы познать Его любовь к нему».⁸

В самое последнее время совершенно оригинальное учение о геенне было высказано русским же богословом-философом свящ. Павлом Флоренским в его книге «Столп и Утверждение Истины» (Москва, 1914 г.). Исходя из своеобразного толкования некоторых мест Евангелия и посланий ап. Павла, он находит возможным различать и разделять в человеческой личности внутреннюю сторону – человека как такового (это «сам» человек, он «подлинный», это «образ Божий в человеке»⁹) и периферию личности, которую че-

⁸ Op. cit. стр. 257.

⁹ «Столп и Утверждение Истины», стр. 232.

ловек создает собственной жизнью (это – «дело» человека, «надстройка» над его личностью¹⁰). И вот свящ. Флоренский полагает, что в конце времен произойдет сокровенное от рассудка разделение и рассечение человека. Человек «сам» спасется; «дело» же его, если оно было воздвигнуто не во имя Божие, погибнет и подвергнется геенне. Таким образом наряду с погибелью греха, наряду с вечными муками Флоренский допускает всеобщее спасение.

«...Если поэтому, – пишет он, – ты спросишь меня: «Что же, будут ли вечные муки?», то я скажу: «Да». Но если ты еще спросишь меня: «Будет ли всеобщее восстановление в блаженстве?», то я опять скажу: «Да».¹¹

Не так давно на страницах «Христианской мысли» по вопросу о вечных муках высказался В. И. Экземплярский. Не соглашаясь ни с одной из существующих теорий апокатастасса, он, тем не менее, признает, что «трудно нашему разуму и нашей совести примириться»¹² с традиционным учением о вечных муках и потому рассматривает его как неполное откровение о грядущих судьбах вселенной, которые обнаружатся в совершенстве лишь в конце времен.

Уже эти немногочисленные ссылки доказывают тот факт, что в глубине русского сознания живет невозможность примирения с ходячим учением о вечных муках. Такая невозможность намечается и в литературе, и в древнерусской письменности, и в философии, и в богословии.

И этот факт чрезвычайно знаменателен и приковывает к себе наше внимание. Невольно возникает мысль: если наши правоверные предки не удовлетворялись традиционным учением о вечных муках, если это учение оказывается неприемлемым для самых искренних и глубоких деятелей православия, каковыми несомненно являются Достоевский, Федоров, свящ. Флоренский и Экземплярский, то спрашивается, действительно ли это учение православно

¹⁰ Ibid. стр. 233.

¹¹ Ibid. стр. 225.

¹² «Христианская Мысль», № 3, март. В. И. Экземплярский, «Христианское юродство и христианская сила», стр. 41, 42.

в своей основе, вытекает ли оно из евангельского учения, является ли подлинно церковным и евангельским? Ведь мы знаем, что традиция и официальное богословие нередко выдают за православие то, что по духу своему является полной противоположностью ему. Поэтому невольно хочется с особенным вниманием остановиться на учении Евангелия о вечных муках.

II

Одним из факторов, затрудняющих понимание Евангелия, является то обстоятельство, что с евангельским учением мы знакомимся в раннем детстве, в ту пору, когда мы не можем еще с достаточной сознательностью отнестись к воспринимаемому нами. Вследствие этого многие Евангельские понятия остаются для нас пустыми словами, в другие мы вкладываем совершенно неприсущее им содержание, то содержание, которое вкладывается в них традицией. И мы так свыкаемся с этим традиционным и поверхностным пониманием, что оно окрашивает для нас в свой цвет все Евангелие, и мы никогда не можем подойти к Вечной Книге свободно, без предвзятых мнений, не влагая заранее в ее слова определенного, чуждого ей смысла.

Понятия «вечные муки», «вечная жизнь» несомненно принадлежат к числу таких понятий, которые мы привыкли истолковывать и понимать по традиции. Они нам кажутся поэтому чрезвычайно простыми и ясными, мы никогда не задумываемся над тем, что собственно значат эти, такие знакомые нам, слова: «вечность», «жизнь», «муки»... Между тем, несомненно, нередко ходячие понимания этих слов не соответствуют их действительному значению. Так нередко слово «вечный» считают синонимом к слову «бесконечный», а понятие «вечная жизнь» равнозначим понятию «бессмертие»¹³. Между тем, конечно, это не одно и то же.

¹³ Подобного рода понимание слова «вечный» встречаем мы не только в общежитии, но и в философских работах. Так напр. проф. Гиляров определяет вечность как «продолжительность, конца которой мы не предвидим» (Ист. нов. филос., стр. 92).

Бесконечность предполагает отсутствие границы только с одной стороны. Бесконечность не имеет конца, но может иметь начало. Между тем вечности присуща, если можно так выразиться, двухсторонняя безграничность. Вечное не только бесконечно, но вместе с тем необходимо и безначально в своей сущности. Поэтому вопрос о бессмертии далеко еще не есть вопрос о вечности, т.к. понятие бессмертия уже понятия вечности.

Но этого мало: Понятие вечности не только двумя этими признаками отлично от понятия времени. Если мы раздвинем у времени границы в обе стороны до бесконечности, то, все-таки, вечности не получим. «Бесконечное и безначальное время» не будет вечностью. Понятие вечности по самой своей внутренней структуре отлично от понятия времени, даже противоположно ему. Вечность и время качественно разнородны.

Что такое время? Исчерпывающий анализ этого понятия дает нам одна, недавно вышедшая на русском языке, работа. Вот основные положения учения этой работы о времени. Время, утверждает она, не может быть внесено в систему идеальных объектов, мы не можем его рассматривать, как идеальную связь, как рядопологающую категорию. Всякая идеальная связь обратима, время же «лишь в памяти становится обратимым рядом»¹⁴.

Мы не можем также рассматривать с Кантом время, как необходимую и всеобщую априорную форму нашего сознания, т. к. есть целые сферы мыслимого, которые не имеют этой формы – таково все математическое мышление. «Время не устранимо из мышления только там, где налицо его «материя» – явления».

В силу невозможности мыслить время, как идеальную связь и как априорную форму сознания, мы приходим к утверждению реальности времени. Внутренняя пустота времени не позволяет нам мыслить его, как самостоятельную субстанцию; мы не можем также считать время свойством вещей, «так как время остается одним и тем же, хотя вещи непрерывно изменяются, исчезают и

¹⁴ В. В. Зеньковский «Проблема психической причинности» см. гл. I, § 6, гл. II, §§ 11–13.

вновь появляются». «Но время неотделимо от явлений; «пустое» (по Канту «чистое») время есть абстракция; время, в котором ничего не совершается, немыслимо». «Если время не имеет самостоятельного бытия и не может быть оторвано от вещей и событий, то значит оно представляет форму бытия». «Подвижность времени есть изменчивость самого бытия – и обратно; действительность бытия, его переход от одних форм к другим и есть то, что мы зовем временем». «Действительность времени придает ему творческий характер, связывает его с самым существом действительности».

Говоря словами Бергсона, «если мы проникнем в самую сущность становления, то время представится нам как истинная жизнь вещей, как основная реальность».

Если время есть «переход бытия от одних форм к другим», то оно есть такой процесс, характернейшим свойством которого является именно текучесть, не знающая остановки. Каждый момент этого процесса вступает в жизнь, лишь вытесняя другой, ему предшествующий, сосуществование двух моментов невозможно. «Завтра» не может наступить, пока не ушло «сегодня». Остановка времени обозначала бы остановку всего процесса жизни.

Итак, характернейший признак понятия времени – в последовательности, смене, в которой каждый момент вытесняется другим.

Напротив, сущность понятия «вечности» – в неизменяемости.

Вечность – это такой порядок бытия, который характеризуется сосуществованием всех моментов, вечность составляющих. В вечности каждое «сегодня» есть в то же время и «вчера», и «завтра». В вечности каждый момент вмещает в себя всю полноту предшествующих и последующих моментов, всю совокупность прошлого, настоящего и будущего. Мы видим, следовательно, что так понимаемая вечность есть полная противоположность времени, видим, что так конструированное понятие вечности не может быть определяемо через противоположное ему понятие времени¹⁵.

¹⁵ Так понимает вечность и свящ. Флоренский в своей работе «Столп и Утверждение Истины».

Вечность, понимаемая так, есть единство, заключающее всю полноту прошлого, настоящего и будущего в едином «теперь». «Но, – как говорит Вл. Соловьев, – единство единству рознь. Есть единство отрицательное, отъединенное и бесплодное, ограничивающееся исключением всякой множественности. Оно представляет простое отрицание, логически предполагающее то, что оно отрицает и проявляющее себя, как начало произвольно установленное, числа неопределенного. Ибо ничто не препятствует разуму признать несколько простых и совершенно равных между собою единств и затем умножать их до бесконечности. И если немцы, по праву, зовут такой процесс «дурной бесконечностью» (*die schlechte Unendlichkeit*), то простое единство, представляющее его основание, конечно, может быть обозначено, как дурное единство. Но есть единство истинное, не противоположающее себя множественности, не исключаяющее ее, но, в спокойном обладании присущим ему превосходством, господствующее над своей противоположностью и подчиняющее ее своим законом. Дурное единство есть пустота и небытие, – истинное есть бытие единое, все в себе заключающее. Это положительное и плодотворное единство, возвышаясь над всякой ограниченной и множественной действительностью, непрестанно пребывает тем, что оно есть, и содержит в себе, определяет и обнаруживает живые силы, единообразные причины и многообразные качества всего существующего»¹⁶.

По образцу этих двух единств мы можем мыслить две вечности. Первый вид вечности это – вечность пустоты, небытия. Представляя из себя чистое небытие, чистую пустоту, полное отрицание, такая «дурная» вечность не вмещает в себя тех элементов, смену которых представляет время и потому не подчинена потоку времени. Она неизменна, постоянна по существу, ибо в ней ничему изменяться.

В противоположность этой совершенно пустой вечности мы можем мыслить вечность заполненную. Такая вечность присуща

¹⁶ Вл. Соловьев. «Россия и Вселенская Церковь», стр. 304.

Абсолютному. Вмеща в себя всю полноту бытия, выявляющуюся во времени в различные моменты, таковая вечность неизменна в силу того, что нет ничего находящегося вне ее пределов, способного изменить ее внутреннюю сущность. Внутренняя же сущность ее неизменна в силу того, что она чужда процессу развития, так что все проявляющееся в процессе развития постепенно, по мере того, как один момент заступает место другого, дано в ней зараз. В силу именно этой внутренней неизменности, она не подчинена потоку времени. Такая вечность есть вечность живая, она есть «вечная жизнь».

Такая «благая» или «хорошая» вечность, или «Вечная жизнь» – непрременная принадлежность Абсолютного. Абсолютное непрременно вечно, ибо оно только потому и абсолютно, т.е. свободно от всякого ограничения, что вмещает в себя всю полноту времени в каждом моменте своего существования.

Следовательно Бог, как Абсолютный, необходимо мыслится нами вечным. Его жизнь есть вечная жизнь, т.е. в противоположность жизни мира, характеризующейся сменой, возникающей из неполноты, она есть обладание Абсолютной полнотой и потому неизменна.

Только вечная жизнь, как таковая, может быть названа «жизнью» в точном смысле этого слова. Жизнь во времени, где настоящее есть только граница между прошлым и будущим, не есть, собственно говоря, жизнь. Эта постоянная смена одного момента другим, этот процесс, в котором каждый бесконечно малый миг рождается только затем, чтобы умереть, дать место другому, тоже обреченному на немедленную смерть мигу, с равным основанием может быть назван смертью или умиранием.

В Библии мы встречаемся с мыслью, что жизнь, как таковая, вечна, ибо только вечная жизнь есть жизнь в полном смысле этого слова. И эта вечная жизнь присуща только Богу.

Как отмечает Толстой¹⁷, «в Пятикнижии два раза употреблены слова «жизнь вечная». Один раз во Второзаконии (гл. XXXII,

¹⁷ «В чем моя вера».

39,40) Бог говорит: «поймите, что это Я – Я, что нет Бога, кроме меня, Я живлю, Я умерщвляю, Я бью, Я исцеляю. И от Меня никто не освобождается; Я поднимаю руку до неба и говорю: *Я живу вечно*». В другой раз в книге Бытия III, 22 Бог говорит: «вот человек съел плоды от древа познания добра и зла и стал таким, как мы (одним из нас); как бы он не протянул руки и не взял с дерева жизни и не съел и не стал бы *жить вечно*». Эти два единственные случая употребления слов *жизнь вечная* в Пятикнижии и во всем Ветхом Завете (за исключением одной главы апокрифического Даниила) ясно определяют понятие евреев о жизни вообще и жизни вечной». Жизнь истинная, та жизнь, которая присуща дереву жизни, есть жизнь вечная. Носителем этой вечной жизни является Бог. Он живет вечно – таковы основные положения, вытекающие из цитированных мест.

Считая Бога обладателем жизни вечной, евреи считали Его, на этом основании, единственно живым в потоке мертвенного, вечно умирающего бытия.

То Имя, которым ближе всего обозначалась сущность Божественного бытия, Его отличие от всего прочего и собственная природа, то Имя, которое настолько почиталось древними евреями, что совершенно не произносилось ими, так что в настоящее время утеряно даже истинное его произношение, это Имя – Иегова или Иахве – значит Сущий. Таким образом Вечный Бог есть Сущий, Живой, в этом Его главное отличие от временного, чуждого истинного бытия мира.

Понятия «вечная жизнь», «жить вечно» и «жизнь», «жить» совмещаются в Новом Завете, одно употребляется вместо другого. Приведем несколько примеров.

Ев. Матфей повествует, что к Христу подошел некто и сказал Ему: «Учитель благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь *жизнь вечную*?» Спаситель отвечает ему: «Если хочешь войти в *жизнь*, соблюди заповеди» (Мф 19:16, 17).

В Евангелии от Луки мы читаем о том, как один законник, ищущая Иисуса, обратился к Нему с вопросом: «Учитель, что мне

делать, чтобы наследовать *жизнь вечную*?» Иисус же, указав пути, сказал: «так поступай и будешь *жить*» (Лк 10:25-28).

В Евангелии от Иоанна читаем: «Истинно, истинно говорю вам, слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет *жизнь вечную*; и на суд не приходит, но перешел от смерти в *жизнь*» (Ин 5:24).

И в другом месте: «Исследуйте писания: ибо вы думаете через них иметь *жизнь вечную*; а они свидетельствуют о Мне. Но вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь *жизнь*» (Ин 5:39, 40).

Во всех этих случаях понятия «жизнь» и «жизнь вечная» в Евангелии употребляются, как равнозначущие, заменяющие одно другое.

Такое же употребление этих понятий видим мы и в главе Евангелия от Иоанна и в посланиях этого апостола.

Там же мы встречаем ясные указания, что обладателем и Источником Вечной жизни является Бог. Он есть «Бог живой» (Ин 7:69). Иисус называет Бога-Отца «Живым Отцом» (Ин 7:57). Он «имеет жизнь в Самом Себе» (Ин 7:57), Он и «Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе», почему Иисус и свидетельствует о Себе: «Я есмь жизнь» (Ин 14:6), а апостол Иоанн пишет о Нем: «Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Ин 5:20).

Итак, мы ясно видим, что в Новом Завете ясно признается, что истинная жизнь, жизнь как таковая, жизнь в точном смысле этого слова есть жизнь вечная, и Обладателем этой вечной жизни является Бог.

Но в том же Новом Завете встречаемся мы с утверждением, что «вечная жизнь» открывается и людям, причем открывается она нам не за гробом, в форме личного бессмертия, как принято думать, но ныне в рамках нашего земного бытия. Апостол Иоанн пишет: «Мы знаем, что перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий братьев пребывает в смерти. Всякий ненавидящий брата своего есть человекоубийца, а никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (1 Ин 3:14, 15). Итак, из этих слов ясно следует, что вечная жизнь не есть

жизнь бесконечная, бессмертная, жизнь, протекающая во времени, но освобожденная от пределов, ограничивающих обыкновенную жизнь; жизнь вечная по этой концепции есть особый порядок бытия, пребывающий в нас и внутренне отличный от порядка обыкновенного бытия.

Но, если Вечная жизнь есть порядок бытия противоположный времени, если вечность есть единство, заключающее в каждом своем моменте всю полноту времен, если носителем ее является Абсолютный Бог, то спрашивается, как такое бытие может выявляться во времени, быть доступно людям, существующим в границах временных? Евангелие ясно отвечает нам на этот вопрос. Мы приобщаемся к вечной жизни только приобщаясь к Богу; только через единение с Ним, в Его Сыне. Иисус говорит, что Он пришел именно для дарования истинной жизни, т.е. жизни вечной. «Я пришел, чтобы имели жизнь», – говорит Он. А в первосвященнической молитве Он определяет и самое содержание вечной жизни, как открывается она людям. «Отче! – читаем мы, – пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя: так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную: сия же есть вечная жизнь, да знают Тебя, единого, истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин 17:1-3). Итак, вечная жизнь для людей есть познание Бога; по формуле апостола Иоанна Богослова, употребляемой им в послании, она есть также обладание Богом: «Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в самом себе... Свидетельство же состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную и сия жизнь в Сыне Его. Имеющий сына имеет жизнь, не имеющий Сына Божия не имеет жизни» (1 Ин 4:11,12).

Итак, очевидно, что вечность, как полнота всех времен, заключенная в единстве, пребывает в Боге. Мы же раздробленные во времени можем постигнуть вечность, войти в ее недра, только входя в недра, в лоно носящего ее Бога, познавая Его, имея Его в себе. Так отвечал Иисус, когда Его спрашивали о пути к вечной жизни. Вспомним Его беседу с богатым юношей, остановимся на ней и

попытаемся проанализировать ее, ибо это есть именно беседа о вечной жизни.

«И вот некто, подошед, сказал Ему: Учитель благий, что делать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную». (Мф 19:16). В этом вопросе перед нами все мировоззрение вопрошающего. Он смотрит на вечную жизнь, как на нечто внешнее, что может быть достигнуто рядом соответствующих действий. Как многие иудеи того времени, «некто» полагал, что рядом благих, добрых поступков можно добиться вечной жизни. Благое же юноша считает, по-видимому, за качество, присущее человеческим поступкам. Иисус начинает свой ответ именно с опровержения этого понятия доброго, благого. «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог». Смысл этого ответа таков – ты ищешь благого, доброго и думаешь, что благое, доброе есть нечто, чему можно научиться у людей, ты обращаешься ко Мне, как к учителю. Но, если Я только «Учитель», то я не могу помочь тебе: доброе, благое, которого ты ищешь, в таком случае, также чуждо Мне, как и тебе, оно, это доброе, неотделимо от Добра, оно присуще только Абсолютному, только Богу, только через приобщение к Нему мы можем стать благими. Ибо «никто не благ, как только один Бог». Я могу помочь тебе, дать тебе искомое благо только в том случае, если Я – Бог»¹⁸. «Если же хочешь жить, – говорит дальше Иисус, – соблюди заповеди». Этот ответ о пути к вечной жизни, если бы им прервалась беседа, был бы скорее отказом от ответа. Он, который для многих богословов кажется совершенно удовлетворительно разрешающим вопрос о жизненном пути, показался недостаточным для иудейского богослова. И, очевидно, что им Спаситель не желал, как думают многие, дать исчерпывающие указания относительно жизненного поведения. Ведь если бы это было так, то учение

¹⁸ Возможность именно так понимать это место, рассматривая его не только, как ответ Иисуса на обращение к Нему «Учитель благий», но и на вопрос, что делать мне «благого» доказывается латинским переводом этого места «quid me interrokas de bono?» – что спрашиваешь меня о добром?

Иисуса о путях достижения вечной жизни ничем не отличалось бы от учения древнего закона. Но очевидно это не так. Иисус, по-видимому, давая такой ответ, желал привести вопрошавшего, по выражению Ев. Луки «одного из начальствующих» (Лк 18:18), к открытому исповеданию недостаточности иудейского закона. Эта часть ответа звучит как бы так: «ты спрашиваешь Меня о пути к вечной жизни, но ведь ты – иудей, начальствующий, учитель, и, следовательно, чего же больше? Разве ты не читал закона? Поступай по нему, ведь его, как иудей и учитель, ты, вероятно, считаешь непреходящей истиной?» И только после того, как юноша открыто исповедал, что он ищет чего-то лежащего вне закона, после того, как Иисус довел его до сознания недостаточности иудейской религии для спасения, Он дал ему *Свой* ответ о путях к вечной жизни. «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое, и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мной» (Мф 19:21).

Опять-таки, традиционное толкование этого места, по которому отречение от богатства и следование за Собой Спаситель полагает обязательным не для всех, но для тех, кто ищет особого пути, для особо совершенных в нравственном отношении, т.ч. заповедь об оставлении богатства и следовании за Христом не является безусловной для всех христиан, такое толкование является неудовлетворительным. Оно ставит эти слова Иисуса в непримиримое противоречие с другими, в которых Он прямо объявляет, что отречение от богатства и следование за Ним есть необходимое условие не высшего совершенства, но всякого служения Ему. В Евангелии от Луки мы читаем: «С Ним шло множество народа и Он, обратившись, сказал им: ...всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк 14:25-33). Очевидно, что отречение от *всего*, и, следовательно, от богатства, Христос ставит не как условие достижения высших ступеней морали, желательное лишь для избранных, но как минимальное условие, необходимое для всех, без которого нельзя быть Его учеником. Очевидно и в приведенной беседе слово «совершенный» надо

понимать несколько иначе, чем это принято обыкновенно, в связи с цитированным местом Ев. Луки. «Совершенный» в данном случае значит последователь совершенного учения; христианин есть «совершенный» в том смысле, что он является последователем совершенного учения и идет по путям к совершенству. О таком совершенстве, очевидно, говорил Иисус и богатому юноше и условиями достижения его полагал отречение от всего и следование за Собой. В противоположность традиционному учению, по которому быть благим, обладать благом, это значит делать добрые дела, Христос прямо заявил, что благом обладает только Бог, и поэтому, чтобы достигнуть блага и *вечной жизни*, нужно отречься от всего: думается, что эти слова относились даже и к духовным благам юноши, поскольку они были достигнуты естественным, вне-божественным путем. Отречься от всего, богатеть исключительно «в Бога» (Лк 12:21) и следовать за Богом. Это совершенно новое учение о достижении вечной жизни ужаснуло учеников Иисуса; они, по выражению Ев. Марка, «ужаснулись от слов Его» (Мк 10:24). Очевидно, этот ужас проистекал не столько от слов Иисуса о богатстве, сколько от того, что Он отверг «праведника», не обещал спасение тому, кто соблюдал до конца весь Моисеев закон. Если и такие не спасутся, то, действительно, «кто же может спастись» (Мф 19:25). На это Иисус отвечает: «человекам это невозможно, Богу же все возможно». Спасение, вечная жизнь не лежат в границах человеческих достижений, но в недрах Бога; они доступны Ему и через Него.

Далее Иисус говорит: «всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат, и наследует жизнь вечную». (Мф 19:29). Эти слова, очевидно, нельзя понимать так, как понимал их Толстой, думая, что Христос обещает общую любовь и радушный прием своим последователям, но Христос не обещал своим ученикам земных благ: «в мире будете иметь скорбь» (Ин 16:33); «будете ненавидимы всеми за Имя Мое» (Лк 21:17), говорил Он. Очевидно, в связи с предыдущим эти обетования надо пони-

мать так: отрекаясь от всего и следуя за Богом, входя в Бога, мы делаемся участниками вечной жизни, присущей Богу. Вечная же эта жизнь охватывает в единстве всю полноту бытия. Поэтому, делаясь участниками вечной жизни, мы делаемся обладателями всей полноты существующего. Бог есть Вседержитель, поскольку мы с Ним и в Нем, мы участники Его вседержительства.

Тут мы подходим к новому определению вечной жизни, как *любви*. Всеобщая духовная связность, присущая Божественному бытию – не механическая, не внешняя, но гармоническая, всецело внутренняя; в ней, в этой вечности Божественного бытия все в мире, все в гармонии, посему эта связность, это гармоническое единство Сущего и определяется как *любовь*. И поскольку мы входим в недра вечности, сущее как гармоническое входит в нас, мы обладаем его полнотой, мы пребываем в единстве с ним, в нас пребывает любовь. И обратно, поскольку в нас живет любовь, гармоническое единство сущего, мы живем вечностью, вечной жизнью. То обладание всем, которое обещает Спаситель Своим ученикам, есть обладание любви или вечной жизни. Конечно, такое понимание любви резко расходится с учением о христианской любви, как симпатии и альтруизм.¹⁹

Итак, вот основные мысли, выраженные Спасителем в Его беседе о вечной жизни с иудейским законником.

I) Истинное добро, благо заключено в Боге и в Нем Одном.

II) Поэтому путь христианский, путь спасения, путь вечной жизни есть путь отречения от всего и следования за Богом, стяжание Бога, богатение в Боге.

III) Спасение, вечная жизнь достижимы лишь через Божественную благодать.

IV) Это спасение, или вечная жизнь, сопряжено с обладанием всем сущим.

В этой беседе Спаситель говорит, по Ев. Луки, следующий за Ним наследует вечную жизнь в «веке грядущем» (Лк 18:30). Но

¹⁹ Об этом см. подробнее свящ. Флоренский «Столп и Утверждение Истины». Тихомиров: «Альтруизм и христианская любовь».

сопоставляя это место со множеством других мест Евангелия и посланий, в которых вечная жизнь рисуется, как открывающаяся еще в границах земного бытия, мы не можем на основании этого места отрицать свидетельство всего Нового Завета. Вечная жизнь, единство сущего открывается нам еще здесь на земле. Но т.к. мы ограничены здесь рамками земного существования, то это явление вечной жизни лишь частичное, неполное; полноту же вечной жизни мы обретем лишь выйдя из рамок эмпирического существования «в веке грядущем». Так, очевидно, надо понимать это место в связи со всем Евангельским учением.

Разбираемая беседа Иисуса требовала особенно внимательного отношения к себе в этой работе потому, что здесь Спаситель в нескольких положениях отчетливо рисует как существо вечной жизни, так и пути к ней.

Теперь попробуем подвести итоги сказанному.

Вечность есть не «бесконечное и безначальное время», но совершенно особый порядок бытия, каждый момент которого заключает в себе всю полноту других моментов. Вечность есть единство заполненное, вмещающая в каждом моменте своего существования всю полноту бытия, есть благая или вечная жизнь. Она присуща Богу, человеку же открывается постольку, поскольку он приобщается к Богу в любви, входит в Бога, живет в Боге и Бог в нем.

Но если вечная жизнь, открывающаяся человеку в спасении, есть жизнь Бога, если человек таким образом живет в вечной жизни не своей жизнью, но Божественным бытием, то спрашивается, во что же превращается тогда самая человеческая личность? Не поглощается ли она совершенно Божественным, не уничтожается ли, не «маска» ли она просто, не «persona» ли, как писал Вл. Соловьев?

Не приходим ли мы таким образом к пантеизму и всепоглощающему монизму, уча об единстве человека с Богом, как источнике спасения?

Все, конечно, будет зависеть от того, как мы будем представлять себе это единство.

В самом основании христианства лежит догмат, который уже заранее определяет характер этого единства и спасает нас от опасности всепоглощающего монизма. Это – догмат о Троице. Признавая Бога безусловно Единым, христианство тем не менее учит о различии в Нем трех Ипостасей. Таким образом единство Божие не является всепоглощающим монизмом, оно не уничтожает самостоятельного бытия отдельных Ипостасей, божественной сущности.

По образцу этого единства Ипостасей в Боге должны мы мыслить и единство человеческой личности с Богом.

Это единство не является уничтожением личности, личность не является только оболочкой, «маской» Божественного, как не является такой маской Ипостась. Полное, совершенное единство с Богом и вместе с тем полное обладание своей личностью – вот идеал, который ставит перед человеческим сознанием христианство и осуществлением которого является вечная жизнь. Как это возможно? Как можем мы, будучи едино с Богом, быть в то же время всецело самим собою? Это не понятно для рассудка. Это – таинственно. Но ведь догмат Триединства также непонятен для рассудка и таинственен. А что Божественное Триединство именно есть совершенный идеал единства человеческой личности с Богом (как всякий идеал он никогда вполне недостижим), об этом говорил Спаситель, об осуществлении его молился Он накануне Своей искупительной смерти: «Да будут все едино: *как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино*, да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Ин 17:21-23).

И природа той тайны, которая лежит в основе Божественного Триединства и многоединства человеческих личностей с Богом и в Боге, – одна. Имя ей любовь. Та же любовь, которая есть основа Божественного Единства, она, переливаясь в нашу личность, приобщает нас к Богу и делает единым с Ним. «Любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин 17:26).

Так молился Христос в саду Гефсиманском.

Протоиерей ИГОРЬ ПРЕКУП

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ СТРАХА БОЖИЯ

Игорь Прекуп родился в 1962 в Кишиневе. Закончил Таллиннский художественный институт в 1986 г. по специальности «график-станковист». К вере пришел в 1985 г.; в 1988 г. поступил в Ленинградскую Духовную Семинарию, которую окончил в 1991 г. В 1990 г. рукоположен митрополитом Таллинским и Эстонским Алексием (ныне – Святейший Патриарх Московский и всея Руси) во диакона, в 1992 г. – во священника епископом Таллинским и Эстонским Корнилием. В 2004 г. защитил в Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии дипломную работу на тему «Православный взгляд на преподавание христианской этики в старших классах средних школ. (Опыт составления методологических пособий)». Является руководителем отдела религиозного образования и катехизации Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Преподает религиозоведческие дисциплины в общеобразовательных гимназиях г. Таллинна и в гимназии г. Маарду.

Представитель ЭПЦ МП в Совете Церквей Эстонии, а также на круглом столе по проблеме «Бронзового солдата» при Таллинском городском собрании.

Недавно, находясь в православной лавке, открыл книжку с довольно претенциозным названием «Православная энциклопедия». Поскольку незадолго до этого, листая новый Философский Энциклопедический Словарь, я обнаружил, что смирение – это «высшая форма нравственной гордости», мне было интересно, как это понятие определяется в «Православной энциклопедии». Читаю: «Смирение – страх Божий...» и т.д. Конечно же, смирение и страх Божий – понятия пересекающиеся, но отнюдь не тождественные. Лестница добродетелей *утверждена* на страхе Божиим, но если смирение ее первая ступень, то страх Божий, будучи «началом

премудрости» (Пс 110:10), охватывает всю лестницу, ибо в своем высшем развитии – «сыновнем страхе» – достигает любви, венца добродетелей. Смирение и страх Божий – разные добродетели. (Видимо, имеет смысл подумать над проблемой типологизации добродетелей, чтобы подобной путаницы не возникало.)

Бог – свят. Из переживания святости всемогущего Бога и Его промысляющей любви рождается страх Божий. Очень важно отметить, что страх Божий порождается именно этим благоговейным переживанием, а не одним лишь трепетом перед Его всемогуществом (обращаем внимание на пять греческих слов означающих святость: *ιερος*, *οσιος*, *σεμνος*, *αγνος* и *αγιος*, из которых именно последнее выражает библейское понятие святости¹).

Структурируя понятие страха Божия как «охранительной» добродетели, мы исходим из понятия обожения (как святоотеческого целеполагания) и понятия святости.

«Начало мудрости – страх Господень; разум верный у всех, исполняющих *заповеди Его*» (Пс 110:10), – учит св. царь и пророк Давид. Ему вторит его сын – Премудрый Соломон, повторяющий слова отца (Пр 1:7) и добавляющий: «Страх Господень – источник жизни, удаляющий от сетей смерти» (Пр 14:27).

Вначале необходимо уяснить, что есть страх как таковой. Следует акцентировать именно его естественное происхождение, как свойства инстинкта самосохранения, обращая внимание на мобилизующую функцию (вспомним примеры исключительной силы и ловкости со стороны заурядных людей в минуту опасности).

«**Страх**, 1) в психологии отрицательная эмоция, возникающая в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей жизни организма, личности, защищаемым ею ценностям (идеалам, целям, принципам и т.п.). 2) Одно из основных понятий экзистенциализма. Было введено С. Кьеркегором, различавшим обычный «эмпирический» страх-боязнь (нем. *Furcht*), вызываемый конкретным предметом или обстоятельством, и неопределённый, безот-

¹ См.: Флоренский П., свящ. Понятие Церкви в Священном Писании // Сочинения в 4-х тт. – М.: Мысль, 1994. Т. 1., с. 483 – 487.

чётный страх-тоску (нем. Angst) – метафизический С., неизвестный животным, предметом которого является ничто и который обусловлен тем, что человек конечен и знает об этом. У М. Хайдеггера С. открывает перед «экзистенцией» её последнюю возможность – смерть. У Ж. П. Сартра метафизический, экзистенциальный С. (angoisse) истолковывается как С. перед самим собой, перед своей возможностью и свободой. 3) Ранний психоанализ, также различая рациональный С. перед внешней опасностью и глубинный, иррациональный С., трактовал последний как результат неактуализированных жизненных стремлений, подавления невоплощённых желаний. В современном неофрейдизме С. становится как бы всеобщим иррациональным состоянием, связанным с иррациональным характером современного буржуазного общества, и главным источником невроза»².

Говоря о страхе вообще, надлежит развести психологические понятия страха и тревожности, а затем попытаться определить границы естественного страха, за пределами которых человек уже теряет свое достоинство. Можно в качестве аналогии привести другое чувство, которое так же естественно происходит из инстинкта самосохранения – голод. Привести примеры различного поведения голодных людей и животных, предложить задуматься: почему животное не осуждается, если рвется к пище, игнорируя чьи бы то ни было интересы, если бросается на того, кто подходит близко, когда оно ест и т.д., а человек, расталкивающий очередь и требующий себе пищу скорее и больше других, осуждается (не говоря уже о тех, кто отбирает пищу у других)? Уместен вопрос: если исходить из положения «что естественно, то не безобразно», а здесь налицо руководство естественным инстинктом, чего ж тут предосудительного?

Однако естественно ли? Слепое руководство инстинктом для человека – безобразие (в самом глубоком, библейском смысле этого слова), ибо кроме животного инстинкта для него естественно

² Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, СПб.: Норинт, 2002. С. 1155.

(природно) что-то еще, относящееся к иной, высшей сфере. Более того, это «что-то» и определяет его природу.

Естественные пределы инстинкту определяет совесть. В ее берегах он прекрасен и низмен вне ее. Любое естественное стремление достойно человека до тех пор, пока контролируется совестью – чувством, соотносящим реальное состояние человека с его природной заданностью, с естественным нравственным законом (а в случае верующего христианина, еще и с законом Евангельским).

Итак, страх – реакция на опасность. В сущности – это проявление инстинкта самосохранения; это чувство, присущее всякому живому существу, исполняющее охранительные функции в отношении его жизни. «Отрицательной» эта эмоция названа не потому, что она порочна, а потому, что выражается в отрицании всего, что воспринимается как зло, как угроза жизни в широком понимании: не только жизни в витальном смысле, но и в качественном аспекте – здоровью, материальному благополучию, социальному статусу, возможностям самореализации, самоутверждения, получения удовольствия или иному какому житейскому благу. Поэтому понятие «животный страх», можно трактовать не просто как страх присущий животным или как эмоцию, обнажающую нашу животную сущность, насколько мы подвластны инстинктам, но именно как страх за жизнь во всей ее полноте, во всем ее многообразии («живот» – по-славянски значит «жизнь»). Поскольку страх – составная часть естественного инстинкта, а «что естественно, то не безобразно», постольку эта эмоция не может считаться низкой, порочной, греховной сама по себе. Уродство начинается там, где утрачивается мера, где животный инстинкт подавляет совесть. Сам же по себе страх – необходимое свойство нашей психики, сигнализирующее об опасности и побуждающее принимать адекватные меры. Искажения же естественного – следствие грехопадения.

Страх вложен в нашу природу, как своего рода *эмоциональный акселератор*, мобилизующий все наше естество на борьбу за существование (возможен страх не за себя, а за другого, побуждаю-

щий рисковать и даже жертвовать ради него своей жизнью). В зависимости от личной системы ценностей и конкретной ситуации человек мобилизуется страхом либо на бегство, либо на сопротивление. В любом случае страх играет мобилизующую роль. Случаи, когда страх парализует, следует отнести к патологии – то, что в природе не способствует сохранению индивида или его рода, не может считаться естественным. Поэтому повышенная тревожность, ужас, паника, фобия – противоестественны и относятся к нормальному страху как его *уродливые отражения в кривом зеркале падающего естества*.

Страх всегда продиктован опасностью лишиться чего-то дорогого. По своей природе страх – ограда любви, он рождает ревность стремящуюся удержать предмет любви, побуждает внимательно следить за собой, за всем, чем дорожим. Когда предмет любви высок, тогда и страх и его проявление возвышенны, когда человек обращает свою любовь на низменное, страх и его проявления гадки. Человек страдает от извращенности своих стремлений и неверности предмета любви. Как пишет архиепископ Иоанн (Шаховской): «Главное страдание ушедшего от Бога человека есть самолюбие. Безблагодатное страдание рождается в кругу не-осиянной Богом любви, *пре-любви*.

1) Любовь к неверной и ничтожной славе своей в мире; 2) любовь к неверным и быстро проходящим ценностям, и 3) любовь к телесным наслаждениям и внешнему покою»³.

Христос освобождает от греховного страха, «исцеляя подобное подобным». Вспомним охранительную функцию Закона: «Во всех областях жизни люди были рабами темного страха, пока не был дан им новый страх, – страх святого Закона, и не стал Творец излечивать человечество страхом Своего Закона от всех страхов земли. <...> Освободив страх от его демонического яда, Дух Божий стал укреплять и возвышать этим страхом сердца людей. Люди, привыкшие к страху, как к своей жизни, стали питать-

³ Иоанн (Шаховской), еп. Человек и страх. Опыт пневматологической этики. – Нью-Йорк, 1948. С. 27.

ся новым высшим страхом, и возвращаться к Богу, к смыслу своей жизни, освобождаясь от своих старых страхов. Страх оказался обезвреженным, преображенным, поднятым к небу...

Этот *страх Божий* способен к бесконечному возвышению и утончению, и выходит из сферы всякой боязливости»⁴.

Страх Божий аналогично страху животному есть страх за жизнь, только не за эту временную, а за вечную жизнь во всей ее полноте и многообразии. Полноценность жизни вечной (духовной) в человеке зависит от его причастности Богу. Дух Святой освящает, оживляет нас, воссоединяет с Отцом Небесным – грех оскверняет, разделяет нас с Богом, лишая нас, таким образом, Источника жизни вечной, пресекая в нас ее действие. «Что ужаснее геенны? – восклицает свт. Иоанн Златоуст. – Но нет ничего полезнее страха ее, потому что страх геенны приносит нам венец царствия»⁵.

Этот страх не потому «Божий», что человек боится Бога, как источника опасности, а наоборот, потому, что этот страх – дар Божий, вложенный в душу человека для сохранения его от опасности духовной – от греха: «Имеющий страх Божий имеет сокровище, исполненное благ: страх Божий хранит человека от греха»⁶.

Страх Божий – одновременно и условие, основа очищения души, и плод: тревожа совесть, он побуждает нас удаляться от греха, но лишь тогда *поселяется* в душе, когда она основательно утвердится в борьбе со страстями. «Корень богоугодной жизни – страх Господень, – пишет свт. Феофан Затворник. – Когда придет он, то как творческая сила все в тебе перестроит и воссоздаст в тебе прекрасный порядок – космос духовный. Как стяжать страх Божий? Он в тебе есть, только заглушен: воскреси его. Для это-

⁴ Там же, с. 10 – 11.

⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Собрание поучений. – М.: Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. Т. 1, с. 63.

⁶ Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их / Сост. свт. Игнатий Брянчанинов. – М.: Донской монастырь; Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. С. 347.

го дай голос разуму твоему и открой сердце твое для принятия внушений истины. <...> Пробудишь чувство – придет вместе с тем и страх Божий. Это заря жизни»⁷. «Страх Божий есть начало очищения совести»⁸, – как бы дополняет его прп. Амвросий Оптинский.

Страх Божий располагает человека к внимательной сосредоточенности относительно своего внутреннего мира и жизни вокруг. Поэтому богобоязненный человек отличается *трезвением* – добродетелью, без которой невозможно обрести нравственную устойчивость. Ему так же свойственно *мужество*, преодолевающее страхи мира сего, ибо страх Божий вытесняет их.

Другая добродетель, соединяющая в себе *трезвение* с *мужеством*, которую порождает страх Божий – это *ревность* по Богу, возбуждаемая сознанием высоты замысла Божия о человеке, стыдом за несоответствие этому замыслу и характеризующая энергичным стремлением сделать все, дабы с помощью Божией восстановить в себе Его поруганный образ, тщательно исследуя себя, выискивая и удаляя все противное Богу, а также зорко следя, чтобы не приблизилось к душе, что-либо враждебное.

Духовная ревность побуждает человека пренебрегать временным ради вечного и не бояться скорбей, «ибо, когда сердце возревнует духом, тело не печалится о скорбях, не приходит в боязнь и не сжимается от страха, но ум, как адамант, своею твердостью противостоит во всем искушениям»⁹. Прп. Ефрем Сирин пишет: «Кто боится Господа, тот выше всякого страха, устранил от себя и далеко оставил за собой все ужасы века сего. Далеко он от всякой

⁷ Свт. Феофан Затворник. Краткие мысли на каждый день года по церковному чтению из Слова Божия. – Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1991. С. 40.

⁸ Цит. по: Агапит (Беловидов), архим. Житие преподобного Амвросия старца Оптинского. – Козельск: Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 2001. С. 309.

⁹ Прп. Исаак Сирин. Слово 49 // Прп. Исаак Сирин. Слова подвижнические. – М.: Правило веры, 1998. С. 223.

боязни, и никакой трепет не приблизится к нему, если боится он Бога и соблюдает все заповеди Его»¹⁰.

Немощи наши, на которые мы ссылаемся, оправдывая свои нравственные падения, объясняются именно недостатком страха Божия. «Отчего человек бывает плох? – Оттого, что забывает, что над ним Бог»¹¹, – говорил прп. Амвросий Оптинский. Мы боимся всевозможных лишений, скорбей, болезней, бедности, наконец, самой смерти, но не боимся предстать пред Богом изъязвленными грехами, бедными добродетелями, духовно мертвыми. Мы боимся временных страданий, но не вечных, потому что вечное для нас «не актуально» в силу нашего маловерия. Мы «забываем, что над нами Бог» не в том смысле, что не признаем или не сознаем факта Его бытия, но в том смысле, что прилепляемся временной жизни, ее преходящим ценностям, игнорируя Его промысление о нас и нашу ответственность пред Ним. Наш «религиозный склероз» происходит от пренебрежения своим истинным предназначением: уподобляться Отцу Небесному, по мере сил подражая святым Его. Мы боимся людской молвы, суда человеческого, власти предрассудков и порочных обычаев; из человекоугодия попираем заповеди, лишь бы не прослыть трусами и лишенными чести (за то, что не мстим), лишь бы нас не сочли чужаками (если не поддерживаем коллективного злословия) и пр. – Божия осуждения не боимся. «От того и произошло все зло, что в делах злых мы боимся не Бога, но людей; от того и избегаем мы дел добрых, которые не кажутся такими людям, что взираем не на сущность вещей, но на мнения других»¹², – говорит свт. Иоанн Златоуст.

¹⁰ Св. Ефрем Сирин. О страхе Божиим и о последнем Суде // Св. Ефрем Сирин. Творения. – М.: Отчий дом, 1995. Т. 4, с. 97.

¹¹ Цит. по: Агапит (Беловидов), архим. Житие преподобного Амвросия старца Оптинского. – Козельск: Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 2001. С. 363.

¹² Свт. Иоанн Златоуст. Мы боимся людей более, чем Бога // Свт. Иоанн Златоуст. Собрание поучений. – М.: Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. Т. 2, с. 489.

Страх Божий, согласно святоотеческому учению, отличается по своим стадиям развития: страх *раба, слуги и сына*. Авва Дорофей, ссылаясь на свт. Василия Великого, говорит, что мы можем трояким образом угодить Богу: «или благоугождаем Ему, боясь муки, и тогда (находимся) в состоянии раба; или ища награды, исполняем повеления Божии ради собственной пользы, и посему уподобляемся наемникам; или делаем добро ради самого добра, и (тогда) мы находимся в состоянии сына. Ибо сын, когда приходит в совершенный возраст и в разум, исполняет волю отца своего не потому, что боится быть наказанным, и не для того, чтобы получить от него награду, но собственно потому и хранит к нему особенную любовь и подобающее отцу почтение, что любит его и уверен, что все имение отца принадлежит и ему»¹³. Ту же мысль мы находим и у других Отцов, например у аввы Херемона, рассматривающего степени страха Божия в соответствии с тремя основными христианскими добродетелями – верой, надеждой и любовью: «Три побуждения заставляют людей уклоняться от пороков, т.е. страх будущего мучения в геенне, или боязнь настоящей строгости законов; надежда и желание получить царство небесное; наконец расположение и любовь к самой добродетели» <...> Вера страхом будущего суда и мучений отклоняет нас от скверны пороков; надежда ожиданием небесных воздаяний, отторгая ум наш от настоящего, заставляет презирать все плотские удовольствия; любовь, огнем своим воспламеняя в душе нашей любовь ко Христу и к преспеянию в духовных добродетелях, побуждает с совершенной ненавистью отвращаться всего, что противно им»¹⁴.

¹³ Прп. авва Дорофей. Поучение 4-е. О страхе Божиим // Прп. авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. – Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1991. С. 55. См. также: Свт. Василий Великий. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах // Свт. Василий Великий. Творения. – М.: Паломник, 1993. Ч. 5, с., 77–78.

¹⁴ Прп. авва Херемон. Ответ о том, что тремя способами побеждают пороки // Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 370–371.

Свт. Игнатий Брянчанинов говорил, что «страх очищает человека, предуготовляет для любви: мы бываем рабами для того, чтобы законно соделаться чадами»¹⁵. Страх первой ступени – это *страх раба*, по аналогии с тем, как раб старается выполнять волю господина по страху наказания. Так же и человек находящийся как бы в преддверии духовной жизни: он внутренне осознал реальность бытия Божия, Его всемогущества, всеведения, всеправосудности, для него нет сомнения, что следствием нераскаянной греховной жизни будут вечные муки, а потому он, страшась их, старается удаляться от греха, если же ловит себя на чем-либо противоречащем заповедям, сокрушенно кается в сердце, стремясь как можно скорее исповедоваться, а в будущем остерегается всего, что привело к падению. Он готов любые скорби претерпеть здесь (в т.ч. и муки совести, почему не боится увидеть себя в истинном свете), только бы не оказаться «извергнутым вон во тьму кромешную». Если человек последователен в этом пути, для него настает следующий этап – это путь слуги и, соответственно, другая ступень страха Божия – *страх слуги*.

«...Если кто уклоняется от зла по страху наказания, как раб, боящийся господина, то он постепенно приходит и к тому, чтобы делать благое добровольно, и мало помалу начинает как наемник надеяться некоторого воздаяния за свое благое делание»¹⁶.

Слуга может любить или не любить своего господина, но его отношение к работодателю корыстное в своей основе. Он рассчитывает на вознаграждение, на продвижение по службе, и боится это потерять из-за какой-нибудь оплошности или проступка. Слуга может быть предан господину до самопожертвования, будучи побуж-

¹⁵ Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о страхе Божиим и о любви Божией // Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. – М.: Донской монастырь; Правило веры, 1993. Т. 2, с. 61.

¹⁶ Прп. авва Дорофей. Поучение 4-е. О страхе Божиим // Прп. авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. – Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1991. С. 56–57.

даем благодарностью именно за его заботу и щедрость. Аналогично и в духовной жизни. Взошедший на эту ступень надежды, ожидает вечной радости неизмеримо превышающей все здешние временные скорби, и это помогает ему продвигаться к цели, побуждает бережно относиться к достигнутому, дорожить своей причастностью Божественному и грядущими благами, тщательно оберегая свою душу от всего губительного, греховного.

И страх раба и страх слуги, впрочем, оба являются только вводящими в благочестивую жизнь. Авва Дорофей, описывающий три ступени страха Божия, первые две как бы объединяет в одну стадию, имеющую приготовительное значение, воспитательное, педагогическое. И страх мучений и ожидание благ – это целесообразные аскетические средства, полезные методические приемы «для пробуждения человека от греховного сна и для возбуждения его энергии к христианскому подвижничеству на первых, начальных ступенях христианской жизни»¹⁷. В Библии, и в Ветхом и в Новом Завете, много говорится о страхе Божиим, о его спасительности, поэтому на первый взгляд странно звучат слова св. апостола Иоанна Богослова: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх; потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (1 Ин 4:18). Кажущееся противоречие разрешает авва Дорофей: «Святой (апостол Иоанн – *свщ.* *И. П.*) хочет нам показать этим, что есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный, и что один свойствен, так сказать, начинающим быть благочестивыми, другой же есть (страх) святых совершенных, достигших в меру совершенной любви. Например: кто исполняет волю Божию из любви к Богу, любя Его собственно для того, чтобы благоугодить Ему; сей знает, в чем состоит существенное добро, он познал, что значит: быть с Богом. Сей-то имеет истинную любовь, которую святой называет совершенною. И эта любовь приводит его в совершенный страх, ибо таковой боится Бога и исполняет волю Божию уже не по (страху) наказания,

¹⁷ Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. М.: Православный паломник, 1996. С. 171.

уже не для того, чтобы избежать мучений; но потому, что он, как мы сказали, вкусив самой сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ее. И сей совершенный страх, рождающийся от этой любви, изгоняет первоначальный страх... <...> Тогда достигает он в достоинство сына и любит добро ради самого добра, и боится, потому что любит. Сей-то есть великий и совершенный страх»¹⁸.

Авва Херемон обращает наше внимание, что один только сыновний страх благонадежен: намного выше не хотеть отстать от добра ради любви к самому добру, чем не соглашаться на зло из боязни зла. Если в первом случае добродетель является свободной, то во втором она предстает «как бы принужденною, как бы против воли, насильно исторгнутою страхом наказания или желанием награды»¹⁹. Страх же без любви – неустойчивая опора. Уклоняющийся от обольщающих его пороков по страху, не будет никогда тверд в добродетели, потому что не имеет в себе «непрерывного мира внутренней чистоты»²⁰.

Это очень важное замечание: *авторитарное воспитание не способно сформировать нравственно устойчивую личность*. Пока человек воспитанный в режиме жесткого авторитарного контроля чувствует над собой чью-либо власть (мистическую или социальную), до тех пор он управляем, как только сознание внешнего контроля ослабевает – страсти его одолевают беспрепятственно.

«Педагогическое действие страха, – пишет К. Д. Ушинский, – очень сомнительно: если и можно им пользоваться, то очень осторожно, всегда имея в виду, что смелость есть жизненная энергия души. Библейское же выражение: *«Страх Божий есть начало пре-*

¹⁸ Прп. авва Дорофей. Поучение 4-е. О страхе Божиим // Прп. авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. – Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1991. С. 54–55, 57.

¹⁹ Прп. авва Херемон. О совершенстве // Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 373–374.

²⁰ Там же, с. 374.

мудрости», столь любимое воспитателями и наставниками, охотниками до дешевого средства внушать страх, имеет глубокий смысл, редко понимаемый теми самими, кто часто употребляет это выражение. Они не подумают о том, что здесь не говорится, что всякий страх есть начало премудрости, а только *страх Божий*. <...> Но как жалко злоупотребляют этим глубоким библейским изречением различные любители *задать страху детям!* Они прикрывают им свое неумение сдерживать гнев, неумение, которое должно бы вычеркнуть их из списка воспитателей, и внушает им не страх Божий, а страх учительский, из которого родятся ложь, притворство, хитрость, трусость, рабство, слабость, ничтожество души, а не премудрость»²¹.

Библиография:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд. Московской Патриархии, 1988.
2. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, СПб.: Норинт, 2002.
3. Свт. Василий Великий. Правила пространно изложенные в вопросах и ответах // Творения. Ч. 5. – М.: Паломник, 1993.
4. Прп. авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. – Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1991.
5. Св. Ефрем Сирин. Творения. Т. 4. – М.: Отчий дом, 1995.
6. Свт. Иоанн Златоуст. Собрание поучений. Т. 1. – М.: Изд. отдел Московского Патриархата, 1993.
7. Свт. Иоанн Златоуст. Собрание поучений. Т. 2. – М.: Изд. отдел Московского Патриархата, 1993.

²¹ Ушинский К. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Ушинский К. Собр. соч. Т. 9. – М. – Л., 1950. Т. 2, с. 222–223.

8. Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.

9. Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 2. – М.: Донской монастырь; Правило веры, 1993.

10. Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их / Сост. свт. Игнатий Брянчанинов. – М.: Донской монастырь; Изд. отдел Московского Патриархата, 1993.

11. Прп. Исаак Сирин. Слова подвижнические. – М.: Правило веры, 1998.

12. Свт. Феофан Затворник. Краткие мысли на каждый день года по церковному чтению из Слова Божия. – Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1991.

13. Агапит (Беловидов), архим. Житие преподобного Амвросия старца Оптинского. – Козельск: Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 2001.

14. Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. М.: Православный паломник, 1996.

15. Иоанн (Шаховской), еп. Человек и страх. Опыт пневматологической этики. – Нью-Йорк, 1948.

16. Ушинский К. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 2. // Ушинский К. Собр. соч. Т. 9. – М. – Л., 1950.

17. Флоренский П., свящ. Понятие Церкви в Священном Писании // Сочинения в 4-х тт. Т. 1. – М.: Мысль, 1994.

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

ЖИВЕМ ЛИ МЫ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

11.11.2006. Суббота. Литургия
(2 Кор.5:1-10; Лк.8:16-21)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодняшний Евангельский отрывок, конечно же, заслуживает нашего внимания, но я хочу поговорить сегодня об апостольском зачале (отрывке). То, о чём говорится в Евангельском отрывке, мы читаем несколько раз в год, потому что эти мысли, эти идеи присутствуют и в других Евангелиях. Может, там они высказаны другими словами, но в принципе всё это в Евангелиях повторяется. И об этом мы с вами уже и читали, и говорили, и может быть даже не раз.

А вот отрывок из послания, второго послания апостола Павла к Коринфянам, отрывок, который мы только что читали, очень интересен и очень важен. И очень важен даже в двух планах. С одной стороны, как Откровение о вечности, о воскресении, о жизни будущего века, а с другой стороны, как духовно-нравственный призыв. То есть он имеет и догматическое значение, и духовно-нравственное.

Апостол Павел, обращаясь к Коринфянам, пишет: «мы знаем...». Это очень важный момент – не «мы верим», можно было сказать: «мы надеемся»; нет, «мы знаем». Мы знаем, точно знаем, что когда этот наш дом, вот этот «земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах». При этом он имеет в виду, конечно, с одной стороны, и весь мир, весь материальный мир, но с другой стороны, и, прежде всего, нашу плоть, то есть тело, которое мы с вами носим. Таким образом, апостол хочет сказать, что когда эта земная, материальная хижина разрушится, мы получим

на небесах другую плоть, нерукотворенную, новую, духовную жизнь – вечное жилище от Бога.

Поэтому, живя здесь и сейчас, в этой земной и временной плоти, мы уже воздыхаем, но воздыхаем, желая облечься в эту новую жизнь, не просто совлечь с себя старое, а именно облечься в эту новую плоть, в новое тело, в новую жизнь. Это очень важный момент. Почему? Потому что, когда апостол Павел писал это к Коринфянам, он в какой-то степени, конечно, наставлял их, но он и спорил с греческой философской мыслью, он спорил с Платоном и многими другими философами, которые имели огромное влияние на языческий мир.

Там всегда присутствовала вера в бессмертие души. Плоть считалась темницей человеческой души. Эта жизнь считалась чем-то нечистым, неправильным и, в общем, даже ненужным. И смысл жизни, если вообще можно говорить о смысле чего-то ненужного, самое главное для человека заключалось в том, чтобы как можно скорей разрешиться от этой плоти, совлечь с себя эту плоть, освободить душу из темницы. И последователи многих греческих философов считали, что смысл человеческой жизни в самоубийстве, что идеал человеческой жизни в том, чтобы найти в себе мужество и силы как можно скорей уйти из этой жизни, сбросить с себя эту плоть и освободить душу.

Поэтому апостол Павел пишет, что в отличие от язычников мы желаем не просто совлечься, нет, мы хотим облечься в новую жизнь. Поэтому очень важно, чтобы нам там, в жизни вечной, когда мы совлечем с себя вот эту плоть, эту хижину, чтобы нам там не оказаться нагими. То есть, смысл-то не в том, чтобы просто освободить душу, а смысл в том, во что мы её оденем, вот эту душу, какой она войдёт в Царство Божие.

Это один момент, и очень важный момент. Речь идёт не о бессмертии души, а именно о воскресении мёртвых. Да, новая плоть будет иная, отличная от нынешней. В другом месте Павел пишет: «сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, вос-

стает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное». «Не все мы умрём, – говорит он, – но все изменимся», и вот это очень важный момент. Важно понять, что, когда мы с вами поём в Символе Веры: «чаю воскресения мёртвых и жизни будущего века», мы имеем в виду не просто бессмертие души. Не в этом суть Христианства, суть христианской веры в том, что мы воскреснем, мы воскреснем в плоти. Да, это будет другая плоть, не такая как сейчас, какую мы с вами носим, но всё равно это будет именно воскресение из мёртвых. Именно не бесконечная жизнь каких-то бесплотных духов обитающих неизвестно где, а настоящая полноценная человеческая жизнь в новом преображенном мире.

И это очень важный момент. А второй важный момент заключается в том, что к этой жизни себя нужно приготовить, потому что и в эту новую жизнь можно войти не готовыми, «оказаться там нагими», как говорит апостол Павел, то есть не приспособленными. Поэтому очень важно, очень важно, живём ли мы, умираем ли мы, «водворяясь ли, выходя ли», как говорит Павел, из этой хижины, важно «быть Ему (Богу) угодными». Важно готовить себя к той вечной жизни, потому, что все мы предстанем на суд Божий, и каждому из нас будет дано или воздаться по делам нашим, в зависимости от того доброе или злое мы здесь творили. Так что давайте задумаемся. И я ещё раз подчеркиваю, что этот отрывок интересен вдвойне, интересен и как откровение Божие о воскресении мертвых, и как призыв к серьёзному отношению к этой земной жизни. Потому что нам очень часто кажется, что эта жизнь не важна, а то и просто бессмысленна. Мы порой живем как бы «на черновик», живем с мыслью: а-а... здесь как-нибудь, как-нибудь перебиться в этой жизни, как-нибудь дотянуть до смерти, а потом вечность. Вот там будет парение души, «воздыхания неизреченные», видения, озарения и т.д., а здесь уж как-нибудь. Нет, дорогие мои, вот эта жизнь – именно эта жизнь имеет огромное значение. Очень важно, как мы здесь живём, очень важно, чем

мы здесь живём, к чему мы здесь привязаны, куда направлен вектор нашей жизни, к земле или к небу, к тлению или к вечности? Давайте задумаемся.

Да хранит вас Господь!

РОЖДЕНИЕ В НОВУЮ ЖИЗНЬ

07.04.2007. Великая Суббота

Благовещение Пресвятой Богородицы

Литургия

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Мы с вами стоим перед Гробом Господним. И именно здесь, и именно в эти дни наиболее ясно понимаешь всю парадоксальность Христианства и то, насколько мы далеки от него, насколько мало мы ему соответствуем.

Каждый раз, когда мы стоим у гроба близкого нам человека, провожая его в последний путь на этой земле, мы скорбим, мы думаем об утрате. Стоя же у Гроба этого Человека, мы думаем о том, что мы приобрели, что мы получим. Хотя с точки зрения Христианства, с точки зрения подлинного Христианства, всё должно быть ровно наоборот. Стоя у гроба близкого человека, мы должны были бы думать о том приобретении, о том, что открывается ему, о радости встречи с Господом, которая ему предстоит, о той вечности, которая ему даруется, о том освобождении, которое человек получает. А вот, стоя у этого Гроба, мы должны были бы скорбеть и сокрушаться сердцем, думая о том, какой ценой даровано нам это освобождение, какой ценой получаем мы Вечность и радость веры. Но вот этого как раз и нет в нашей жизни.

Сегодня перед чтением отрывка из Нового Завета мы читали много-много паремий (отрывков) из Ветхого Завета. И вот в некоторых из них звучали удивительные мотивы, мотивы новозаветные, предвещающие то, о чём мы с вами сейчас говорим. И

в последней паремии отроки, которые находятся в огненном котле, которым угрожает смертельная опасность, поют и прославляют Бога.

И именно этого, радости и прославления Бога, в нашей жизни не хватает. Нам очень хочется радоваться, нам очень хочется наслаждаться дарами нашей веры, нам очень хочется принять то, что даруется через Воскресение Христово. Но помнить о том, какой ценой мы искуплены, помнить о том, как мы должны были бы жить дальше, стараться самой жизнью нашей ответить на жертву Христову и прославить Бога, вот этого мы никак не хотим.

В отрывке из послания к Римлянам мы читаем слова апостола Павла, что в таинстве Крещения мы с вами все умерли, мы умерли для прежней жизни, мы умерли для мира сего, мы умерли для греха. Давайте заглянем в себя, вот сейчас перед Гробом Господним. Умерли ли мы вместе со Христом, умерли ли мы для мира сего, умерли ли мы для греха, умерли ли мы для всего земного? Павел говорит, что в таинстве Крещения, в том, что даровано нам во Христе, мы рождаемся в новую жизнь. Он говорит: «Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем».

Вот сейчас у Гроба Господня давайте честно и скажем, живем ли мы для Бога, живём ли мы во Христе Иисусе? И если нет, и если мы не умерли со Христом, если мы не погреблись вместе с Ним и если мы не родились в новую жизнь, то в чём тогда наше Христианство, что мы тогда здесь делаем перед этим Гробом, для чего мы сюда приходим. Давайте в эти Святые дни попытаемся заглянуть в себя, попытаемся быть честными перед Богом и перед самими собой. Что такое наше Христианство, что такое наша вера, что такое наша жизнь во Христе для Бога, где это? И если мы сможем это, если мы действительно сможем заглянуть в себя, если мы сможем пережить весь ужас того, насколько мы не соответствуем Христианству, насколько мы не соответствуем всему тому, что здесь происходит сейчас, если мы сможем этому ужаснуться, если мы сможем искренне сказать: «Господи, прости нас»,

то Пасха, которую мы с вами сегодня будем совершать, будет совсем другой, не такой как десятки тех Пасх, которые были уже в нашей жизни, но которые ничего не изменили. Мы переживём подлинное Воскресение, мы переживём подлинное рождение в новую жизнь. А если это не произойдёт, если и этот Пост, и это предстояние перед Гробом Господним пройдёт как обычно, то и дальше будет всё, как всегда.

Давайте задумаемся об этом. И да хранит вас Господь!

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

ИИСУСОВА МОЛИТВА

Когда осенью 2003 года отец Георгий сказал мне, что его пригласили выступить в одном из университетов США и рассказать об Иисусовой молитве, я попросила у него текст для публикации в «Христианосе». Отец Георгий сказал, что доклад рассчитан на аудиторию, не знакомую или мало знакомую с духовной традицией православия, и что для читателей альманаха по этой причине не подходит. Собирался переделать текст для публикации в «Христианосе», но не успел. Поэтому предлагаем вниманию читателя текст доклада, прочитанного о. Георгием в США.

Н. Большакова

Православие – это не просто система приходов, монастырей, не просто епископы, священники и миряне той или иной, каноничной или не каноничной юрисдикции. Православие – это, прежде всего, духовная традиция, совершенно особая и, если так можно выразиться, раскрывающая особую грань христианства, не замеченную, иногда утраченную католиками и протестантами. Именно поэтому в Англии и во Франции, в США и в других западных странах православие не перестает быть русским, хотя богослужение давно уже совершается не по-славянски, а на французском или английском языках.

Важно понимать, и то, что православие, прежде всего, в России, говорит с нами на очень непростом языке. На Руси оно довольно долго вообще не было артикулировано в вербальной форме. Это был мир икон и безмолвной молитвы. Как говорит Е. Трубецкой, «русские иконописцы с поразительной ясностью и силой воплотили в образах и красках то, что наполняло их душу – видение иной жизненной правды и иного смысла мира. Далее в той же статье «Умозрение в красках» Трубецкой продолжает: «Пытаясь выразить в словах сущность их ответа, я, конечно, сознаю, что никакие

слова не в состоянии передать красоты и мощи этого несравненного языка религиозных символов».

Nec lingua valet dicere, nec littera exprimere («Язык не в силах рассказать, не в силах буква передать», – говорит в гимне *Jesu dulcis memoria* св. Бернард Клервосский (1091 – 1153). Утверждая принцип, согласно которому слова бессильны для передачи того, что составляет саму суть религиозного чувства, Бернард более приближается к христианскому Востоку, нежели выражает принципы религиозности западного христианства, которое уже в его эпоху научилось выражать в слове свои мистические озарения.

В отличие от своих западных собратьев старцы и святые Средневековой Руси передавали свой опыт из поколения в поколение устно и при этом не оставляли никаких книг, как это было принято на Западе. Поэтому у нас нет ни «Подражания Христу» Фомы Кемпийского, ни «Цветочков» святого Франциска, ни своей «Сумы теологии» Фомы Аквинского. Первые же книги по аскетике появились в России только в XVIII и XIX веках. Об аскетическом опыте святых X – XVII веков можно только догадываться по отдельным намекам в их жизнеописаниях. «Устав» преп. Нила Сорского представляет на этом фоне исключение, которое только подтверждает правило.

Разумеется, речь идет только о Руси, но не о греках, у которых «Филокалия» начала складываться с IV – V веков. Христиан Византии и Ближнего Востока это касается только отчасти, поскольку их церковные писатели в большинстве своем были не философами и не богословами (в западном смысле этого слова!), но поэтами. В отличие от наследия Святых Отцов христианского Запада от них остались за исключением гомилетики, главным образом, тексты молитвенного, поэтического и аскетического содержания. Хотя, конечно, из них современный богослов может извлечь богословские положения.

Это поэзия Ефрема Сирина (306 – 373), сохранившаяся как в сирийском оригинале, так и в переводах на греческий, это «Великий покаянный канон» св. Андрея Критского (сконч. 713), состоя-

щий из 250 тропарей (строф) и представляющий собой покаянную песнь грешника и богословский трактат одновременно, это поэтические произведения Иоанна Дамаскина и его современников. При этом необходимо осознать и то, что для православного сознания, главное – это не богословская система, верность которой постулируется тем, что верующий не выдвигает никаких новых богословских утверждений, исповедуя лишь то, что досталось ему от Отцов, но личная молитва. Вот как писал об этом А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа»: «Беседа с Ним возможна только в молитве. Общение с Богом в смысле познания Его возможно только в молитве, только молитвенно можно восходить к Богу и немолящийся не знает Бога». Блестящий стилист, он в этом месте не случайно трижды повторяет слово «только».

Такая молитва, как говорит Бальзак в «Серафите», «связывает душу с Богом, с которым вы соединяетесь, как корни деревьев соединяются с землей». Этот образ блестяще характеризует саму сущность молитвы, как ее понимают мистики и на Западе, и на Востоке. Молитва по мысли архимандрита Софрония (Сахарова) «связывает» человека с Всевышним. Такая молитва перестает быть прошением, основанном на принципе «Бог егда восхощет, изменится естества чин», как говорится в одном из тропарей Покаянного канона, но становится актом погружения в неизмеримые глубины милости Божьей и слияния моей или, шире, нашей воли с Его волею по принципу «да будет воля Твоя».

«Для меня молитва – порыв сердца (*un élan du coeur*), простой взгляд (*un simple regard*), возведенный к Небу, возглас благодарности и любви (*un cri de reconnaissance et d'amour*) как среди испытаний, так и в радости», — писала в своей, затем переведенной на все языки под названием «История одной души», рукописи маленькая Тереза из Лизье. Молитва для Терезы – порыв сердца, взгляд и крик любви, но никак не прошение. И в самом деле, о каких прошениях может идти в молитве речь, если «знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде чем попросите у Него» (Мф 6:8), как говорит сам Иисус в Нагорной проповеди. При этом эти-

мология слова «молитва» (*la priere, preghiera, proseuch* и т.д.) почти во всех языках до предела ясна: молитва – это прошение. Но только не прошение о том, «чтобы дважды два не было четыре», как скептически полагает Тургенев в «Стихотворениях в прозе», а просьба о милости – *Kurie, elehson* великой ектеньи или *Miserere mei Deus* 50-го псалма, то есть «Господи, помилуй» или «Помилуй меня, Боже».

«Восточные обряды, – говорит кардинал Томас Шпидлик в своей книге *La spiritualite de l'Orient chretien*, – изобилуют настойчивыми повторениями слов «Господи, помилуй», прошениями об оставлении грехов. Они совершаются в атмосфере подлинного покаяния. Не будучи при этом в унынии или пессимизме, восточные аскеты проповедуют радостную веру: если единственное зло состоит в грехе, то его всегда можно стереть раскаянием». «Атмосфера подлинного покаяния», по выражению Шпидлика, это, вероятно, и есть та черта, которая более всего отличает православие. Необходимо заметить, что и сегодня зачастую в церковь человека более всего привлекает не богослужение с его величественной красотой, не таинство евхаристии, которое, казалось бы, объединяет человека с Богом в единое целое, но именно исповедь, страстное желание покаяться и просить о помиловании.

В настоящей работе мне бы хотелось сосредоточиться исключительно на молитвенной практике русского православия и поговорить о том, как призыв «Господи, помилуй» звучит не в литургической, но в личной молитве православного человека. Несомненным открытием русского православия является учение о, так называемой, Иисусовой молитве, состоящей всего лишь из нескольких слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного». Греческая «Филокалия» знает эту молитву в форме «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня», русская традиция добавила к местоимению «меня» слово «грешного», усилив покаянное настроение этой молитвы. Все эти слова взяты из нескольких мест Евангелия – из вопля слепого Бар-Тимея (Мк 10:47) и из молитвы мытаря в Евангелии от Луки (18:13). Именно из молитвы мытаря взято слово «грешного».

При этом, как обнаружили старцы, именно эта молитва, такая краткая и, казалось бы, ничего особенного из себя не представляющая, удивительным образом соединяет человека со Христом. Этому посвящена написанная во второй половине XIX века книга «Откровенные рассказы странника духовному отцу своему». Книга эта написана, как следует из ее содержания, простым крестьянином, не священником и не монахом. Однако современный исследователь Илья Семененко-Басин считает, что под маской воображаемого автора скрывается отец Михаил (Козлов), выходец из старообрядческой семьи, соединившийся с православием, но принеший из старообрядчества особую любовь к чтению Писания, которое старообрядцам заменяло литургию.

В первоначальном варианте книга была издана в 1881 году. Затем ее текст видоизменили несколько редакторов, в том числе и знаменитый епископ Феофан Затворник. Сегодня задача издателя заключается в том, чтобы дать в распоряжение читателя «Откровенных рассказов» текст максимально близкий к авторскому, поскольку книга эта, без сомнения, может быть отнесена к числу подлинных жемчужин русской литературы.

«Откровенные рассказы странника» переведены на все европейские языки и произвели огромное впечатление на американского писателя Джерома Д. Сэлинджера, который посвятил им замечательные страницы в двух своих повестях. Сэлинджер говорит, что книга эта предлагает читателю *incredible method of praying* (невероятный способ молитвы) или учит тому *how to pray by this special way* (как молиться этим особым образом). Для человека, принадлежащего к духовной культуре христианского Запада метод, который предлагается странником, действительно, *incredible*, ибо странник рассказывает о том, и именно это с удивительной пронизательностью подчеркивает Сэлинджер, что тому, кто начинает молиться, «даже не надо верить в то, что делаешь... и не надо думать о том, что ты твердишь». «Если ты станешь, — продолжает героиня Сэлинджера, — повторять молитву снова и снова — сначала хотя бы одними губами, — то в конце концов само

собой выходит, что молитва сама начинает действовать». Селинджер не совсем прав, когда он говорит, что молящийся не должен даже вдумываться в то, что он говорит, но в целом правильно излагает ту теорию молитвы, которую предлагает страннику его духовный отец.

Действительно, замечательное наблюдение Селинджера состоит в том, что он замечает, что молитва becomes self-acting, то есть становится самостоятельной, начиная жить в глубинах самого существа молящегося, жить и преображать его личность как бы изнутри. Селинджер, разумеется, не зная русского языка, читал «Странника» в английском переводе. Представляется чрезвычайно важным и то, что говорит Селинджер о слове mercy («помилуй»): «Especially the word «mercy» because it such a really enormous word and can mean so many thihs» (особенно слово «помилуй», потому что оно действительно так огромно и может означать самые разные вещи). И в самом деле, как это подчеркивает кардинал Шпидлик, вопль «Господи, помилуй», играет в восточном христианстве огромную роль и является очень значимым элементом не только богослужения, но и восточно-христианской духовности в целом.

Вот в высшей степени характерный фрагмент из «Откровенного рассказа»: «Молитва все более и более утешала меня, так что иногда сердце мое воскипало от безмерной любви к Иисусу Христу, и от сего сладостного кипения как бы утешительные струи проливались по всем моим суставам. Память об Иисусе Христе так напечатлевалась в уме моем, что, размышляя об евангельских событиях, я как бы их перед глазами видел, умилялся и радостно плакал, иногда в сердце чувствовал радость, что и пересказать сего не умею. Случалось, что иногда суток по трое не входил в селения человеческие и в восторге ощущал, будто один только я на земле, один окаянный грешник пред милостивым и человеколюбивым Богом. Уединение сие утешало меня, и молитвенная сладость при оном бывала гораздо ощутительнее, нежели в многолюдстве». Когда странник говорит о том, что, «размышляя об

евангельских событиях, я как бы их перед глазами видел», это живо напоминает «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы и его метод молитвенного размышления о тайнах жизни Иисуса.

Важно иметь в виду, что и учение о непрестанной молитве в русской духовной практике имеет не только греческие, но и западные корни. Нельзя не вспомнить о книге Лоренцо Скупולי «Combattimento spirituale» или «Духовная брань», написанной умершим в 1610 году итальянским монахом-театинцем и переведенную на греческий в XVIII веке святым Никодимом Агиоритом. В греческом варианте AORATOS POLEMOS довольно точно воспроизводит итальянский оригинал, хотя Никодим переводил эту книгу с латинского перевода. Книга св. Никодима попала в руки русского духовного писателя епископа Феофана (Говорова), которого обычно называют Затворником. Он начал переводить ее с греческого и, когда перевод был почти закончен, узнал, что книга эта западного происхождения. Тогда он стал смелее переделывать греческий текст и выпустил ее в своей редакции. При сравнении итальянского текста с русским видно, что оригинал подвергся редакции, но все же остался узнаваемым. Необходимо отметить, что среди православных читателей «Невидимая брань» стала пользоваться огромной популярностью и превратилась, чуть ли не в настольную книгу. И сейчас, хотя многие знают, что книга эта по происхождению своему католическая, она широко издается и читается.

Сравнение трех вариантов книги (итальянского, греческого и русского) может быть предметом специального исследования. Тем более, что все три автора – фигуры в высшей степени примечательные. Никодим – автор греческой «Филокалии» в ее окончательном варианте, переводчик не только Скупולי, но и «Упражнений» святого Игнатия на греческий, Феофан – автор русской «Филокалии» в пяти томах, переводчик Симеона Нового Богослова и автор огромнейшей переписки на аскетические темы, вышедшей в начале XX века в 7 томах. Он жил в монастыре недалеко от Тамбова в буквальном смысле в качестве затворника, т.е. не

принимая в своей келье никаких посетителей и работал над своими книгами, которые стали классическими и издаются сегодня огромными тиражами.

Проблема состоит в том, что святой Феофан крайне отрицательно относился к психофизическому аспекту Иисусовой молитвы и отрицал какую бы то ни было связь между молитвой и дыханием, молитвой и биением сердца и т.д. Он не придавал никакого значения позе, в которой находится молящийся. В то же время греческие исихасты считали, например, что молиться следует, сидя на низкой скамеечке, и прижимая колени, к груди так, чтобы ощущать биение сердца. Все эти методы, в чем-то роднящие греческий исихазм с индийской йогой и теми способами молитвы, которые практиковал святой Игнатий, рекомендуя «соразмерно дыханию молиться умственно, произнося в это время слова Молитвы Господней или иной молитвы, которую читаешь так чтобы произносить по одному слову между последовательными вдохами и выдохами» свт. Феофан считал нелепыми и презрительно называл «художествами». Поэтому, переводя, аскетические тексты с греческого на русский, он исключал из них все подобного рода советы для молящихся. Можно говорить о том, что русская «Филокалия» не вполне аутентична и сильно отличается от греческой. Работы по сравнению двух текстов еще практически не проводились.

Лоренцо Скупполи говорит о двух видах мысленной молитвы (*orazione mentale*), то есть молчаливой молитвы. Первый ее вид – это *domanda attuale*, которая состоит в том, что слова молитвы произносятся, но мысленно. Второй вид мысленной молитвы (*orazione mentale*) называется у Скупполи *domanda virtuale*. Он состоит в том, что мы *alziamo la mente a Dio* (возносим ум к Богу) *senza dire o ragionare di nulla* (не говоря и не помышляя разумом ни о чем). В сущности это и есть та «умная» молитва, которую практиковали греческие исихасты. Никодим передает здесь текст Скупполи по-гречески довольно точно. Феофан, передавая этот текст, говорит следующее: «Не словом только надо молиться, но и умом, и

не умом только, но и сердцем». Он говорит о том, что существуют три вида молитвы: словесная, мысленная и сердечная. «Полная и настоящая молитва есть, когда, – говорит святой Феофан, – со словом молитвенным и молитвенною мыслью, соединяется и молитвенное чувство».

По этому поводу нужно заметить следующее. Итальянское слово *la mente* как и латинское *mens, mentis* – это не просто «ум», «мысль» или «рассудок», это, скорее, «духовное начало», нечто похожее на «*all my inmost being*» из первого стиха 103-го псалма или выражения «*cordis intima*» («глубины сердца») из латинского гимна «*Jam lucis orto sidere*», который расположен в старом Бревиарии в начале 1-го часа. Поэтому, когда Скуполи употребляет выражение *orazione mentale* или говорит *alziamo la mente a Dio*, он имеет в виду не только «разум», но и то, что русские писатели относят к области сердца – *cordis intima*, как говорится в амбросианском гимне. Что же касается Феофана Затворника, то он сильно упрощает этот текст, сводя умно-сердечную молитву только к области чувства.

С другой стороны, в следующем абзаце Феофан делает чрезвычайно важное замечание. «Бывает, по благодати Божией, и одна сердечная молитва, и это есть духовная молитва, Духом Святым в сердце движимая; молящийся сознает ее, но не творит, а она сама в нем творится». Понятно, что это утверждение основывается на словах святого Павла из Послания к Римлянам (8:26), где говорится: «*we do not know what we ought to pray for, but the Spirit himself intercedes for us with groans that words cannot express*» («ибо о чем нам молиться, как надлежит, мы не знаем, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными»). При этом важно понимать, что учение о «самодвижной» молитве, которая сама «журчит» в сердце наподобие ручейка есть вершина всего учения о практике Иисусовой молитвы.

Здесь уже можно говорить о серьезных расхождениях между Скуполи и восточной традицией молитвы сердца. Скуполи о «самодвижной» молитве ничего не знает. Для него высшая ступень

молитвы сердца (altro genere piu preciso di orazione virtuale) «в простом взгляде сердца на Бога» (semplice sguardo della mente a Dio). Подводя итог духовным исканиям, связанным с практикой Иисусовой молитвы, в России, архимандрит Софроний (Сахаров), афонский монах, поселившийся в Англии и умерший в глубокой старости 10 лет тому назад, выделил пять ступеней Иисусовой молитвы от устной (которая произносится устами) до самодвижной и благодатной, которая «действует как нежное пламя внутри нас». Тут вспоминается *cor ardens* и слова из Евангелия от Луки: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он...».

Возникает существенный вопрос. Когда «Странник», а равно и о. Софроний (Сахаров) говорят о Иисусовой молитве, они подчеркивают ее сладость. У русского крестьянского поэта Ивана Никитина (современника автора «Откровенных рассказов...») есть даже стихотворение, которое так и называется – «Сладость молитвы». Отец Софроний говорит, что самодвижная молитва «действует как вдохновение Свыше, улаждающее сердце». Это напоминает стихи святого Бернарда «*Jesu dulcis memoria dans vera cordis gaudia*». Когда Бернард восклицает *O Jesu mi dulcissime*, он практически дословно повторяет слова греческого гимна, где Иисус так же называется «сладчайшим».

Сладость молитвы – тема не чуждая и Ветхому Завету. Так в 119-м (118-м) псалме (103) говорится *How sweet are your words to my taste, sweeter than honey to my mouth* (Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим). Однако мейнстрим мысли Святых Отцов все же подчеркивает, что в молитве главное – слезы покаяния и ощущение своей греховности, но никак не ощущение сладости. На этом основании ряд современных богословов относят «Откровенные рассказы...» и другие книги о Иисусовой молитве, а равно и творчество архимандрита Софрония к числу «соблазнительных» и вредных для чтения текстов. Не собираясь полемизировать с ними, я хотел бы сказать, что вне зависимости от их богословской оценки, здесь мы имеем дело с одним из наиболее характерных и ярких феноменов русской православной ду-

ховности, который сегодня заслуживает самого пристального изучения.

Иисусовой молитве (кроме уже названных) посвящены следующие книги. Во-первых, это небольшой сборник «Искатель непрестанной молитвы», составленный игуменом Тихоном (Цыпляковским), представляющий собой цитаты из Святых Отцов о молитве, к которым прибавлена глава «Родные нам, наши молитвенники умные, ученики Иисусовы». Здесь собраны краткие апофтегматы российских аскетов, посвященные Иисусовой молитве. В частности здесь цитируется киевский иеросхимонах о. Парфений. О нем говорится, что для него «молитвенная беседа с Богом была предвкушением блаженства небесного». И далее: «Вот, что говорил он о правиле своем келейном: паче меда и сота сия молитва мне приятна – она мне охотна, помогательна, спасительна». Тема сладости молитвы, как видим, присутствует и здесь, хотя не является главной. Среди прочих авторов Тихон цитирует о. Авраамия Некрасова из Арзамаса, которого называет учеником Серафима Саровского. Этот священник утверждает следующее: «Имя Иисуса Христа, как бриллиант, да не угасает никогда в сердце твоём. Бдительное внимание к молитве, как жемчужина, пусть будет единственным украшением души твоей». В этой цитате обращает на себя внимание особое отношение к самому имени Иисуса. Для народного мистика очень важно, что само имя Иисуса – это уже святыня. Оно подобно нерукотворенной иконе, которая всегда находится в сердце молящегося.

Второй сборник составлен игуменом Харитоном. Он называется «Умное делание. О молитве Иисусовой». Этот сборник был издан в 1936 г. т.е. уже после революции в Финляндии, на территории которой находился тогда Валаам – один из самых знаменитых монастырей России. Сборник состоит, главным образом, из текстов Феофана Затворника и епископа Игнатия (Брянчанинова). Книга игумена Харитона в сокращенном варианте была переведена, вернее, пересказана на немецком языке Аллой Селаври и в 1964 г. вышла в свет в Ульме.

Третья книжечка, на которую следует обратить внимание исследователю практики Иисусовой молитвы, была издана в Брюсселе. Она называется «На высотах духа» и представляет собою записки Сергея Большакова о встречах с клириками и мирянами, которые практиковали Иисусову молитву. Эта небольшая книга была издана католическим издательством в Брюсселе «Жизнь с Богом», которое в советские времена публиковала православную литературу для нелегальной переброски в СССР. «На высотах духа» – это книга о внутреннем молчании. Лейтмотив ее выражен в словах о. Тихона, которого Сергей Большаков встретил в Вильмуассоне: «Кто творит молитву Иисусову, у того в душе всегда весна».

В 1907 г. в свет вышла еще одна книга немногим менее знаменитая, чем *Way of pilgrim* («Рассказы странника»). Это «На горах Кавказа» схимонаха Илариона. Речь здесь идет опять-таки об Иисусовой молитве. Автор этой книги был (как и воображаемый автор «Странника») тоже совсем неученым человеком. Он жил высоко в горах Кавказа и оставил после себя целую школу монахов, получивших прозвище «имяславцев», поскольку они славили Имя Божие. Схимонах Иларион в книге «На горах Кавказа» писал так: «В производстве умно-сердечной Иисусовой молитвы, творимой в покаянном настроении души и глубоком сокрушении, действительно, чувством сердца слышится и ощущается, что имя Христово есть Сам Он: Божественный Спаситель наш, Господь Иисус Христос и нет возможности отделить Имя от Лица именуемого. Но оно сливается в тождество, и проницается одно другим, и есть одно».

Иларион утверждает, что Христос пребывает уже в самом Своем Имени, которое таким образом становится не просто святыней как имя Божье – Яхве (на чем построена вся еврейская мистика), но живым присутствием Сына Божьего и в Его Лице самого Бога среди людей. Это учение Илариона и его последователей породило ожесточенные споры как среди духовенства, так и среди философов. Последние (в том числе о. Сергей Булгаков и Алексей

Лосев) встали на сторону Илариона. На эту тему существует огромная литература, о которой говорить надо в специальной лекции. Сегодня мне хотелось бы только обратить внимание на этот памятник духовной литературы и постараться понять своеобразие учения Илариона об Иисусовой молитве.

Иларион говорит о «непрекращаемости внутренней молитвы», которая не оставляет молящегося ни при каких обстоятельствах, и сравнивает молитву с ручьем, который весело течет тихими прозрачными струями. Иларион настаивает на том, что «всякому желающему приводворить молитву Иисусову в своей душе, необходимо читать священное Евангелие как можно чаще и более до тех пор, пока оно не будет всё в памяти». «Евангелие, – говорит Иларион, – служит необходимым средством к стяжанию в сердце сладчайшего Иисуса, в котором вечная жизнь и Царство Небесное». О том, как много дает чтение Евангелия, говорит и «Странник». Я уже говорил, что Михаил (Козлов) был по происхождению старообрядцем. Возможно, именно отсюда его любовь к чтению Евангелия. Это следует подчеркнуть, потому что Феофан Затворник, редактируя *Way of Pilgrim*, в ряде мест убирает указание на то, что автор читает Библию и именно из Библии черпает духовные силы.

Приведу только один пример. Странник говорит: «Все, прочтенное в Филокалии для проверки, старец мне указал по разным местам Библии и сказал: вот смотри, откуда всё сие почерпнуто. – Я с восхищением внимательно слушал». Феофан убирает упоминание о Библии и говорит, что «старец всё прочтенное в Филокалии, растолковал и своим еще словом». Это типичный пример цензуры, которую Феофан Затворник считал антисектантской, потому что в его время начал распространяться русский баптизм, который базировался именно на чтении Библии.

Но вернемся к автору книги «На горах Кавказа». Иларион говорит о том, что опытные молитвенники часто повторяют Иисусову молитву не полностью, но только её первые слова «Господи Иисусе Христе», а некоторые и просто одно имя «Иисусе»: «Если кто, – говорит Иларион, – имя Иисусово водворил в своем сердце, то он

носит в себе самый корень молитвы, самое ее существо». «Нужно, – говорит Иларион, – чтобы ум, держась в словах молитвы, был совершенно голым, чуждым всякого образа и мысли» – это и есть та *domanda virtuale*, которая состоит в том, чтобы молиться *senza dire o ragionare di nulla* (не говоря и не помышляя разумом ни о чем), о чем говорит Лорпенцо Скупполи в «Духовной брани».

Огромное место в книге схимонаха Илариона занимает природа Кавказа. «Вот вышел я в полдень, – говорит он, – на край скалы, где наша обитель, высоко над уровнем речки. Ослепительные лучи Солнца, сливаясь с белизной снега, не дают возможности смотреть на горы. Они обратились как бы в море света, блеска и настерпимого сияния. Зрелище чудное и величественное!.. Если такое поражающее сияние происходит от тварного света, то каков же должен быть Свет несозданный?.. Свет присносущный, первоначальный Свет Божества?..»

Автор – без сомнения, поэт. Его радует солнце, горы, облака и пейзажи, он наблюдает за животными, населяющими эти горы. Он кажется мне чем-то похожим на того мудреца, которого можно увидеть на китайской гравюре. Этот мудрец стоит где-то с краю, а перед ним открывается величественный пейзаж. Находясь «превыше всего дольного», как говорит Иларион, – пустынный созерцает мир, сотворенный Богом, как бы со стороны, словно не принадлежа к нему. Как автор 104-го псалма, который не раз цитирует Иларион.

Современником Илариона был живший на Афоне старец Силуан. Этот совсем простой и не получивший никакого образования монах, выходец из русской деревни, рассказал своим ученикам о том, что такое молитва обо всем мире, о верующих и неверующих, что такое боль за все человечество и, шире, за всю природу и вообще за весь мир в целом. «За людей молиться – кровь проливать», – говорил старец Силуан. С учением старца Силуана связан выход христианской духовности на Руси за пределы церковной ограды – Бог не только в церкви и среди верующих, Он – везде, его благодать почиет на всем, все в нем нуждается, хотя и не всегда

знает об этом. В сущности, старец Силуан предложил новое прочтение Евангелия.

Нельзя обойти молчанием одно из изречений старца Силуана, где он говорит о Святом Духе и его воздействии на человека: «Дух Святой очень похож на мать, на мать милую, родную. Мать любит дитя свое и жалеет его, так и Дух Святой – жалеет нас, прощает, исцеляет и вразумляет, и радуется, а познается Дух Святой во смиренной молитве». Это замечание старца Силуана, неожиданное и даже, быть может, с точки зрения законника, недопустимое, заставляет нас вспомнить о том, что в иврите слово «руах» – дух будет не мужского (как в латыни и в славянском), не среднего (как в греческом), но именно женского рода. Что же касается явления Духа Святого «в виде голубине», о чем говорится в Евангелии, и вообще в христианской традиции, которая невидимое изображает через видимый образ, то это не «голубь» (мужского рода), но именно «голубка» («перистерá» по-гречески и *colomba* на латыни).

Разумеется, будучи простым крестьянином, старец Силуан об этом ничего не знал, и, тем не менее, он всё это чувствовал именно по наитию. Он первый в православной традиции заговорил о том, что природа Бога больше мужского «Я» и включает в себя несомненное женское начало. Понял он и то, как Дух Святой, который ниспосылается на верующих во время епиклезы (см. ниже) словно мать «жалеет, прощает, исцеляет и вразумляет, и радуется» каждого из нас. «Мы живем на земле, и Бога не видим, и видеть не можем. Но если Дух Святой придет в душу, то мы увидим Бога, как увидел Его святой архидиакон Стефан», – говорит старец Силуан в другом месте, вспоминая известный текст из «Деяний апостолов» (6:8-15). «Увидеть Бога можно, но не глазами, а сердцем». Это известное положение многих мистиков как восточных, так и западных старец Силуан не только полностью разделяет, но и постоянно говорит об этом.

Парадоксальность Бога заключается в том, что Он не только всемогущ, но и бесконечно раним. Митрополит Сурожский Анто-

ний (Блум), недавно скончавшийся старейший из архиереев в Русской Православной Церкви, живший в Лондоне и являвшийся прямым продолжателем старца Силуана, говорит в одной из своих книг: «Если вы хотите подружиться с Богом, то поучитесь у лисички (из книги Антуана де Сент-Экзюпери), как подружиться с кем-то, кто очень чуток, очень раним и очень застенчив».

«Откровенные рассказы странника» удивительным образом дают возможность почувствовать, ощутить Бога, пережить в молитве встречу с Ним всем существом и, если пользоваться выражением митрополита Антония, «с Ним подружиться». Именно об этом говорит Алексей Лосев, когда утверждает, только в молитве можно познать Бога. В другом месте, указывая на телесность и, более того, физиологичность религиозности Лосев жестко связывает религию с конкретной личностью конкретного человека, с его, если так можно выразиться, «безусловными рефлексам», иными словами, не с тем, что приобретается в процессе общения с другими людьми под их влиянием, но с тем, что вырастает изнутри каждого из нас.

2003 г.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЕРТВЫЕ

НАТАЛИЯ БОЛЬШАКОВА

СВЯЗЬ МИРОВ

Вместо предисловия

Человек связывает собой два мира – посюсторонний и потусторонний. Жизнь едина, един Бог, «Он – Бог не мертвых, но живых; ибо у Него все живы». (Лк 20:38). В Библии мы читаем и о том, что Господь «пробудит спящих во гробах» (Дан 12:2; Ис 26:19; Еф 5:14). На этом основании у многих сложилось мнение о бессознательном состоянии человеческих душ после смерти – до конца времен. Но тогда контакты с сознанием умерших были бы невозможны. А ведь есть много свидетельств того, что связь между людьми по ту и по эту сторону бытия продолжается и осуществляется.

«Смерть – это не конец, но определенная стадия в человеческой судьбе, – считает митрополит Сурожский Антоний, – и судьба эта не застывает, как камень, в момент смерти.

...Неверно думать, что связь человека с жизнью на земле оканчивается в момент смерти».¹

О том, что в минуту расставания с телом сознание переживает особый подъем и нередко выявляет скрытые возможности духовного видения, свидетельствуют работы многих ученых, исследовавших, что переживают люди с незамутненным, здоровым сознанием в момент смерти. Оказывается, что более характерно для последних минут у большинства людей не состояние страха смерти, а особое возвышенное состояние духа. Некоторые видят образ духовного мира, но чаще всего – умерших родных, которые «пришли за ними». По ощущению умирающих, близкие помогают им перейти грань жизни и смерти.

¹ Антоний, митрополит Сурожский. «Молитва и жизнь». Рига, Балто-Славянское общество, 1992 г. С. 55.

«О состоянии души после смерти. Дух человека скорее и легче отрешается от условий временной жизни, – и в то время, когда у тела длится еще борьба со смертью, – дух уже освобождается, и еще прежде решительной смерти тела – он уже витает, как будто вне тела. Вот чем объясняются нередкие случаи, что в час кончины, еще не совершившейся, человек, или правильнее, дух его в земном образе является в отдалении от тела близким по сердцу людям.

Еще несколько минут, – и человек вступает в вечность... Как вдруг изменяется форма его бытия! Дух его видит самого себя, свое собственное существо; он видит предметы (и самые отдаленные) уже не телесными глазами, а каким-то непонятным нам теперь ощущением. Он говорит слова не членораздельными звуками, а мыслью; не руками осязает предметы, а чувством. Двигается не ногами, а одной силой воли, и то, к чему прежде он мог приближаться с великим трудом, медленно, через большие пространства места и времени, теперь он настигает мгновенно; никакие естественные препятствия его не задерживают. Теперь и прошедшее ему видно, как настоящее, и будущее не так сокрыто, как прежде, и нет уже для него разделения и места, нет ни часов, ни дней, ни годов, нет расстояний, ни малых, ни больших, все сливается в один момент – *вечность*».²

Приведем один документ из архива Института мозга в С.-Петербурге, в котором Б. Н. Шабер сообщает: «В декабре 17-го числа 1918 года в 8 1/2 час. утра я увидел на стене, в которую упирались мои ноги (я лежал на кровати), овальной формы светлое пятно, которое на моих глазах стало расти, превратившись в светлую фигуру девушки. В этом видении я узнал свою лучшую подругу Надежду Аркадьевну Невадовскую, находившуюся в то время в г. Петрограде. Улыбнувшись мне, она произнесла какую-то фразу, из которой я уловил только последнее слово: «...тлена». После этого фигура девушки стала как бы уходить в стену и затем исчезла.

² «Смерти нет». Брюссель, «Жизнь с Богом», 1994 г. С. 49–50.

Точный мой рассказ о происшедшем был в тот же день зафиксирован на бумаге и скреплен подписями шести лиц...

23 декабря 1918 года мною было получено письмо от матери Нади, Евгении Николаевны Невадовской, письмо, в котором она извещала меня о смерти Нади, последовавшей в 8 ч. 25 мин. утра 17 декабря 1918 года. Последние слова покойной были: «Боря, нет праха, нет тлена». Факт получения письма и суть его содержания зафиксированы подписями шести вышеупомянутых лиц». К этому сообщению прилагались документы, подтверждающие сообщение Б. Н. Шабером видения 17-го числа (среди подписавшихся были математик и юрист, подписи были с адресами и печатями), а также документ, подтверждающий получение письма из Петрограда от матери умершей». (См.: Васильев Л. Внушение на расстоянии. М., 1962 г. С. 24).

Но более убедительно о посмертном бытии и о контактах с живущими говорят нам свидетельства о проявлении сознания у людей давно умерших.

Отец Александр Мень пишет, что есть много примеров того, что покойные родители помнят о своих детях. «Я знаю массу случаев, когда умершая мать предостерегала сына или дочь во сне или каким-то иным образом. Есть множество свидетельств о том, что контакт существует. Даже Карл Густав Юнг описывает такие вещи. Он не был христианином; психиатр, философ со своеобразным мировоззрением, он описывает конкретные случаи из своей жизни.

В одной из автобиографических книг Юнг рассказывает, как умер один из его знакомых, и вот он видит во сне, что тот подходит к нему, к его кровати, берет за руку, поднимает, ведет к своему дому, вводит в свой кабинет и показывает книгу. Проснувшись, Юнг решил проверить и отправился к этому своему знакомому. Вдова впустила его в кабинет. Он вошел, приблизился к этой полке, нашел там третью книгу, и она называлась «Память мертвых» или что-то в этом роде, что-то о мертвых. И Юнг понял, что это был сигнал, может быть, неумелый, может быть, даже бессильный, но сигнал того, что «я жив, я есть, вот тебе знак».

Известный английский писатель, Клайв С. Льюис (блестящий писатель! Он умер в 1963 году) во время войны ходил читать лекции, беседовать с людьми онкологического отделения больницы. Там он встретил замечательную женщину, больную раком. Они очень подружились, у них была огромная духовная близость. И в скором времени она стала его женой. Они прожили лет пять вместе. После этого она умерла. И для Льюиса это был невероятный удар – он был человеком уже в возрасте, и ее безумно любил, именно духовно, душевно. В своем дневнике³ он записал страшные слова – такое у него было чудовищное состояние разлуки! И вдруг все это кончилось – она ему явилась. Он не пишет – как, он только говорит, что она дала знак, я здесь, я о тебе помню. И у него это состояние совершенно прошло. Надо сказать, что оно было настолько отчаянным, что действительно только подлинный факт жизни мог повернуть его. А он был человек сдержанный, скептический, не фанатик, не энтузиаст, не фантазер.

Итак, полностью признать мнение, что умершие спят до какого-то финального, эсхатологического момента, мы не имеем права. Во всяком случае, не все. И уж если говорить о святых, то они играют очень важную роль в жизни людей, даже через столетия. Не только память о них – об этом я не стал бы говорить, – а именно их участие».⁴

А вот рассказ архимандрита Софрония (Сахарова): «...У нас уже было так много свидетельств о жизни после гроба. И с Силуаном столько было ярких проявлений того, что он слышит молитвы и видит нас.

...Моя мать умерла во время Второй мировой войны, в сороковых годах. Моя сестра Екатерина умирала в шестидесятых годах от рака. И другая моя сестра, Мария, была в госпитале рядом с нею, когда сама Екатерина была в коматозном состоянии от страшной

³ Речь идет о книге «A grief observed» – «Исследуя скорбь» (Пер. с англ. С. Панич; публ. в наст. выпуске «Христианос-ХVI», с. 110). (Прим. ред.)

⁴ А. Мень. «Тайна жизни и смерти». М., 2003 г. С. 100–103.

боли. И вдруг Екатерина подымается от подушки и совсем ясно говорит: «Я сейчас видела маму, и она сказала, что она хочет, чтобы все мы умирали верующими». Екатерина не была церковным человеком. Я не знаю, верила она или не верила, но это – факт: она сказала эти слова. И когда кончила, опустилась снова на подушки и была уже мертвая. Значит, общение с умершими возможно. Оно не просто, не легко, но, конечно, действительно.

И сколько было случаев того, что молитва за умерших меняла их состояние посмертное. Мне пришлось как-то раз совершать панихиду на могиле одной румынской дамы, близкой ко двору короля. Это было в Италии, когда я был в гостях у ее семьи. Мы молились о ней, и она была с нами в молитве. Ее могила была рядом с нами. При молитве присутствовала и миссис N. Позднее уже в Англии к миссис N. пришла некая румынская знакомая и сказала: «Я видела эту даму, за которую вы молились. Она пришла торжествующая, радостная, и совсем все переменялось». И назвала день и час нашей молитвы. Подумайте: умершая женщина смогла сообщить о том своей подруге – в тот же час! Так непостижимо связаны все эти узлы».⁵

* * *

Название этой рубрики – «О чем говорят мертвые» родилось у автора двух рассказов, которые помещены ниже, – монахини Покровского монастыря (Бюси-ан-От, Франция) – матери Силуаны (Гуляевой-Гуревич). Мать Силуана собирает подобные свидетельства и надеется, что со временем наберется книжка таких рассказов о связи двух миров.

Два рассказа монахини Таисии (Карцовой, 1896-1995), также опубликованные в этой рубрике, предоставлены м. Силуаной и входят в подготовленный ею к печати сборник рассказов м. Таи-

⁵ Архимандрит Софроний (Сахаров). Духовные беседы. Т 1. Св.-Иоанно-Предтеченский монастырь, изд-во «Паломникъ». Эссекс-Москва, 2003 г. С. 85–86.

сии «Светлые тени. Правдивые рассказы о прошлом», который должен выйти в свет в 2007 г. Мать Таисия известна многим читателям, – теперь и в России, – своими книгами: «Жития русских святых» и «Русское православное женское монашество XVIII – XX веков», оба эти труда м. Таисия завершила в Покровском монастыре, где и скончалась в 1995 году.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ¹

Я дожила до глубокой старости. И всё чаще и чаще из дали давно прошедших лет всплывает предо мной её незабвенный облик, её тонкое одухотворённое лицо, её ласковая добрая улыбка, её сияющие любовью глаза... Давно это было: я вижу себя в большой комнате²... по углам горят зажжённые свечи... их много... у меня скрещены на груди руки, и Мама поднимает меня к Святой Чаше... Что я причащаюсь Святых Христовых Таин, я понимаю... Как постигло младенческое сердце эту неизреченную Божию тайну? Кто может сказать? Но тихий отрадный мир снизшёл в него, и десятки лет прошли с тех пор, но память его сохранила... И опять вспоминаю... Вечер... я только что прочла наизусть молитвы, которые знаю: «Отче наш», «Богородице Дево», «Ангел Божий» и молитву за всех нас, и сижу на кровати Мама. И она говорит мне: «Ты помолилась, теперь буду молиться я!» И, стоя перед иконами, она ясно, не спеша, повторяет те же молитвы. Я слушаю внимательно... Точно тихий ангел осеняет нас... Незабываемые минуты...

Раз Мама сказала мне: «Я скоро умру!» Её взгляд был глубокий, проникающий в сердце. Я помню его до сих пор, но тогда я только посмотрела на неё с удивлением и не поверила... Я ведь была умная девочка, мне было уже пять лет, и я хорошо знала, что все люди умирают и уходят к Богу. Недавно умер дедушка, и я знала, что он у Бога. Но с Мама этого случиться не могло. Она должна была оставаться с нами навсегда, чтобы я могла сидеть у неё на коленях и целовать её, сколько хочу... Это было моё не-

¹ Рассказы «Посвящается памяти моей матери» и «Опять в Польше» входят в сборник рассказов м. Таисии «Светлые тени. Правдивые рассказы о прошлом», готовящийся к печати.

² Церкви у нас тогда не было. Богослуженье совершалось на частной квартире. (Прим. автора).

отъемлемое право... Тогда она, видя, что я ничего не понимаю, обратилась к моей восьмилетней сестре Лене и стала ей что-то говорить тихим голосом. Лена заплакала, мне стало её жалко, но я так ничего и не поняла...

И вот настал час, когда мы трое пришли к Мама. Был вечер. Она лежала в постели, бледная, как воск. Её сосредоточенный взгляд светился молитвой. Он запечатлелся в моей памяти на всю жизнь, но лишь спустя много лет я поняла его. Она предавала нас, своих детей, в руки Божии, низводила на нас Божие благословенье. Каждого из нас она медленно перекрестила отдельным образом Спасителя. На другой день рано утром она уехала в Варшаву, где ей предстояла операция. За два часа до неё, она написала домой прощальное письмо, в котором всем давала наставленья. Скончалась она в полной памяти 10-го августа 1901 года (ст. ст.) в Варшавской клинике Красного Креста вскоре после операции. Мне старшие рассказывали потом, что в день её кончины, я, сидя за столом, вдруг вскрикнула: «Мама!» и упала в обморок. Но я этого не помню.

Потом приехали отец и тётушки. «А почему все тёти приехали, а Мама не приехала? И почему все в чёрном?» – удивлённо спрашивала я. Но мне никто ничего не отвечал. Все они только меня целовали, а по лицу их текли слёзы. Как странно это было! На другой день пришла ко мне в детскую тётя-крёстная, села в кресло около столика, на котором стояла икона Спасителя, материнское благословенье, и позвала меня. Рядом с нами стояла няня. «Таня, – тихо и грустно сказала тётя, – Мама умерла!» Я ответила вполне убеждённо: «Неправда!» Как я могла этому поверить, ведь в моём младенческом сознании она была бессмертна? Тётя продолжала: «Перекрестись, положи поклон и скажи: «упокой, Господи, душу Мама!» Я всё это послушно исполнила и... побежала играть с братом в солдатики.

Наступило 16-е августа, и все мы поехали в город. Там меня и брата оставили с няней у батюшки отца Леонтия Янковского, духовника и большого друга всей нашей семьи; а все остальные пое-

хали на вокзал встречать тело почившей. Мы были одни с няней и батюшкиной прислугой. И вдруг колокола так странно и необычно зазвонили, что я встревожилась. «Скорей, скорей! – закричала я. – Мама едет!» Няня заплакала. Нас спешно одели и повели в собор. И до сих пор погребальный звон невольно отдаётся в моём сердце зовом: «Мама едет!» В соборе я в первый раз в жизни увидела гроб. Он стоял посередине Церкви, металлический и запаянный, и показался мне серебряным. После отпеванья нас подвели к нему прощаться с матерью: мы положили поклон и приложились ко гробу. Но я так и не осознала, что теперь всё было для меня окончено. Опять зазвонили колокола. Много людей подняли гроб и понесли к выходу. Среди них я увидела моего отца...

Мы ехали в экипаже. По дороге останавливались, слушали литию, шли пешком. Потом опять ехали. Накапывал дождь. Из деревень выходили группы крестьян, примыкали к шествию, и так образовалась огромная толпа. Тут были и евреи, и поляки. Для любвеобильного сердца моей матери не было ни эллина, ни иудея; ему были близки все скорби человеческие; и народ знал это, и каждый шёл к ней со своим горем. Оценил он и горячую любовь её к нашему отцу и к нам, детям. Так прошли мы все 15 вёрст, отделявшие город Сувалки от места, приготовленного для погребения почившей. Последняя остановка была около нашей усадьбы. Опять лития... и нас, двоих маленьких повели домой. А шествие тронулось дальше. Я оглянулась: за гробом впереди всех шла моя сестра: её окружали полукругом взрослые...

Глубоко верующая православная русская женщина, моя мать не могла примириться с отсутствием в нашем иноверном краю православного храма, и приступила к его созданию в ближайшем от нашего имения посаде Рачках. Когда был сделан фундамент, а в нём склеп, она сказала: «Дом для меня уже готов!..»

Шествие подошло к строящемуся храму и остановилось. К нему подошло местное население – русские, поляки, евреи – толпа сгустилась и стала ещё громаднее... Тогда началось необычайное торжество: совершалась закладка: и в склеп, основание храма, стали

опускать гроб с останками самой храмоздательницы. И в то же самое время над строящимся храмом стал медленно и торжественно подниматься Святой Крест... Последняя лития: поминаются вместе имена благоверного Императора Александра III, в память которого создавался храм, и храмоздательницы новопреставленной рабы Божией Софии... Вечная память... пение замерло... и всё было окончено...³

Так пришёл конец моим младенческим годам.

Но с нами, детьми, наша мать была. В моей памяти ясно сохранилось, что, когда мы уже лежали в постели и няней больше с нами не было, мне являлся в дверях детской незабываемый её облик... она улыбалась мне... на душе у меня бывало хорошо, и я лежала, не шевелясь, и смотрела на неё. Это продолжалось недолго, и она делалась невидимой. Раз я сказала об этом няням... обе выслушали меня, молча, но явление её в тот момент прекратилось. Больше я никому об этом не рассказывала... Я теперь думаю, что потусторонняя жизнь ближе младенцам, чем взрослым. А вот что сообщает мне моя сестра из Америки: «ты пишешь, что видела Мама. Конечно, ты видела... в это самое время Мама приходила и ко мне... Я её не видела, но ощущала её приход. Кока (няня) спрашивала меня: «Отчего ты лежишь на краю кровати?» А я отвечала: «Потому что Мама придёт и ляжет возле меня. Ты уходи и не возвращайся, потому что иначе она не придёт!» Я ощущала её приход. Сначала издали, потом всё ближе, и, наконец, она была близ меня. Я ложилась сбоку и что-то ей рассказывала. Кока не то, что не верила, но ей было жутко. Мама являлась нам, но по-разному. Ты видела, а я ощущала. Что она являлась к тебе, подтверждалось приходом ко мне. Значит это не фантазия. Двойное свидетельство...»

Скоро сестра уехала в Петербург к тётушке. Я сразу стала старше. Какая-то резкая черта отделила моё младенчество от всей моей последующей жизни. Мама перестала мне являться. Долго и упорно ждала я возвращения матери, но печальная истина не за-

³ Новые поколения не помнят старину. До нас дошли слухи, что храм, а с ним и могила нашей матери уничтожены. (Прим. автора).

медлила мне открыться: я поняла жуткое слово «навсегда». Мама ушла от меня навсегда, и я больше в этой жизни её не увижу. И я стала тосковать, молча, не по-детски, безотрадно. Раз я лежала на диване с моими тяжёлыми думами, ничего не отвечая на уговоры няни. Вошёл отец. «Что с девочкой?» – спросил он. «Мне скучно без Мама!» – угрюмо отвечала я, не понимая жестокости моих слов. Отец ничего не сказал и вышел. «Нельзя говорить Папа, что тебе скучно без Мама», – испуганно прошептала няня. Но я только хмуро смотрела на неё: Мама ушла, и её больше не будет...

Шли годы... новая жизнь, новые впечатления... книги, уроки, экзамены... я отдалась ей всей душой... и детские годы уходили вдаль, заволакивались дымкой... Но Мама не забывала меня. Это было в 1909 году. Я была тринадцатилетней девочкой, далекой от всего потустороннего. Но вот я увидела её во сне, и она сказала мне: «Я пришла посмотреть, что вы делаете. Слушай внимательно, что я буду тебе говорить. Теперь наступает время, когда всем на земле будет очень трудно. Но ты ничего не бойся, Господь позволил мне это время быть с тобой и охранять тебя. Только почаще ходи в церковь, я там буду с тобой. Знай, что мёртвых нет, и никогда не говори этого слова. Мы все живы, только ваши земные глаза сделаны так, что вы не можете нас видеть; а мы ходим среди вас, видим вас и помогаем вам больше, чем, если бы мы были среди вас на земле. Помни, что особенно сильна связь между матерью и детьми...» Я спросила: «Расскажи, как ты теперь живёшь на небе?» Она улыбнулась и ответила: «Нам запрещено об этом говорить; иначе меня больше к тебе не пустят...» Я очнулась, но слова матери запомнила на всю жизнь. Больше я во сне её ни разу не видела...

Настал страшный 1918 год. Мы с сестрой укрывались у родных в Малороссии. Время было глухое: ни поездов, ни писем, ни денег. И вдруг проходит упорный слух, что на нас хотят напасть грабители. Было тревожно и жутко, и мы не знали, что нам делать. В это время вижу я себя во сне в церкви, и кто-то незримый говорит мне: «Чего ты боишься? Разве ты не помнишь, что твоя мать во

сне обещала охранять тебя?» А на другой день пришли крестьяне, до которых дошли встревожившие нас слухи, успокоили нас и обещали защищать, если будет опасность. Они и некоторые другие стали нашими друзьями и не раз помогали нам в трудных обстоятельствах.

ОПЯТЬ В ПОЛЬШЕ

Когда мы после четырёхлетней войны вернулись на родину в Польшу, то я с удивлением увидела, что моя любимица Стася совершенно не выросла и в одиннадцать лет казалась семилетним ребёнком, только большие её голубые глаза стали глубже и выразительнее. Была она худенькая, бледненькая девочка с белокурыми густыми волосами, заплетёнными в толстую косу. Я посадила её на колени, и её тоненькая ручка обвилась вокруг моей шеи. Она показала мне свои тетради. Стася ходила в школу и была первой ученицей. Очень любознательная, она хотела и выучить русскую азбуку, и понимать механизм часов. Взрослые слегка над ней подшучивали: «Она у нас паненка, – говорили они, – работать не любит, ей бы только книжки читать». Стася смущалась, но было ясно, что это только шутки: слабенькая девочка была неспособна ни к какой работе. Кроме того, ею втайне гордились: она была единственная грамотейка в семье.

Мать Стаси, молодая ещё полька, была моей няней со дня моего рождения, и я была очень к ней привязана. Звали её Викторией, в сокращении Виктой. Кроме Стаси у неё была старшая дочь, тоже Викто, которая звалась в отличие от матери Молодой Виктой, рослая сильная девушка, исполнявшая в семье всю тяжёлую работу; да маленький шестилетний Петрук. С ними жила наша бывшая кухарка старушка Аннушка, крёстная мать и Стаси, и Петрука. Младших детей она любила без ума. Зато саму Викто и старшую её дочь-работницу пилила, не переставая. «Что поделаешь, старушек надо почитать», – говорила моя Викто.

Мы распростились, обещав по возможности посещать друг друга. Стасю мы оставили очень взволнованной, она принялась расспрашивать о нас, и оказалось, что более всего поразило впечатлительную девочку то, что у нас нет матери. Стася никак не могла успокоиться и заявила Викте, что хочет учиться шить, чтобы стать нашей горничной. Потом стала всё глубже задумываться над тем, что мы сироты. «Мама, – говорила она, – а как же будет, если и вы умрёте? Как же я без вас останусь? Нет, пусть уж лучше я раньше вас умру. У вас ведь останется Викта. А теперь всё так дорого, трудно вам иметь двух дочек. Правда, лучше будет, если я умру, мама!» Мысли о смерти всё более и более занимали девочку. У неё была старшая сестра Андюля, девочка редкой красоты, умершая в семилетнем возрасте от туберкулёзного менингита, задолго до рождения Стаси. Её смерть стала любимой темой для разговоров. Стася полюбила слушать о том, как неведомая ей старшая сестра лежала в гробу в подвенечном платье, – так полагалось в Польше в довоенные времена хоронить девушек. Стася была щеголиха, но при их бедности всё щегольство её сводилось к большой аккуратности и опрятности. «Как бы мне хотелось такой нарядной в гробу лежать», – говорила она.

В том же году Стася впервые причащалась. Большинство детей из года в год посещает уроки ксендза, прежде чем он кого-либо допустит к Святому Причащению. Но умная и сообразительная девочка в тот же год постигла всю необходимую для неё премудрость и одна из всего класса к Святому Причащению была допущена. Мало того: ксёндз поручил ей заниматься с другими детьми и подарил ей чётки и «le scapulaire» (ладанку с вшитыми святыми словами для ношения на груди). Деревенские богомолки, посещавшие разные святыни Польши, всегда дарили ей разные картинки духовного содержания и образочки, которые она бережно хранила в своём молитвеннике, и с увлечением нам их показывала. Стася хорошо знала всё, что относится к богослужению. «А как она любит исповедоваться! – рассказывала мне Викта. – Все дети боятся ксендза, а она, как только придёт время исповедоваться, бежит вперёд, и не поймает её!»

У неё был большой голос, чистый и верный. Пасёт, бывало, она гусей: идёт впереди стаи и поёт. А гуси все гуськом за ней. А пора идти домой, встанет да громко запоёт, и все гуси к ней соберутся. И она ведёт их домой – всегда без хворостины – сама идёт впереди стаи и поёт, а гуси за ней гуськом. Все церковные песнопения и гимны, которые пелись в костёле, знала она наизусть и любила их распевать. Взрослые девушки допускали её в свою компанию, когда, например, украшалось цветами придорожное Распятие, или, когда справляли месяц май. Известно, что католики посвящают май Пресвятой Богородице. Кроме торжественных ежедневных богослужений в костёле, где Её статуя украшается цветами, в польских деревнях соблюдается обычай собираться по очереди в каждой хате. В чисто убранной комнате готовится домашний алтарь, на него ставят статую Девы Марии и цветы. Приходят женщины и девушки и поют богородичные гимны. Какая-нибудь грамотейка читает вслух чтение в честь Пресвятой Девы и произносит Ей молитву. В этих собраниях Стася принимала самое горячее участие. Бывало, в тихий майский вечер выйдешь в поле, и издали доносится до тебя пение: это благочестивые женщины где-нибудь справляют Богородичен месяц май.

На масленице Стася безо всякой видимой причины развеселилась и пела более обычного. «Успокойся Стася, не к добру твоё веселье», – говорила ей мать. А после Пасхи бедная девочка была страшно напугана ночью вот при каких обстоятельствах. После войны немецкая оккупация дольше всего продержалась в нашей местности. Неизвестно почему, вздумали они ночью учинить обыск в убогой хате Викты. Ничего, разумеется, не нашли, и найти не могли, а хрупкая нервная девочка перепугалась и долго дрожала, прижавшись всем телом к матери. С этой несчастной ночи всё и началось. Не сразу, а понемногу, стала покидать Стасю её жизнерадостность. Всё безучастнее стала она относиться ко всему окружающему, стала дичиться даже нас. И всё сидела на скамеечке около печи, устремив свои чудные голубые глаза в одну точку. На

уговоры старших она уже не обращала внимания. О наружности своей перестала заботиться.

Летом мы попросили Викту съездить по делу в Вильно. Она, было, согласилась, но скоро пришла смущённая сказать, что ехать не может: её не пускают дети. Когда она им сообщила о своей поездке, Стася разрыдалась: «Мама, вы там умрёте, – говорила она, – я больше вас не увижу. Что со мной будет?» Ей вторил маленький Петрук. Успокоились дети только тогда, когда мать дала им слово, что никуда не поедет. В Вильно поехала я. Викта осталась дома и хорошо сделала.

Когда я вернулась, то узнала, что Стася умирает от «странной болезни». «Что с ней?» «У неё голова болит». Я выяснила, что за время моего отсутствия, Стася всё более и более приходила в оцепенение, у неё появились сильнейшие головные боли, и под конец она была уже не в силах вставать с постели, и оглохла. Тогда она поняла, в чём дело, поняла прежде всех взрослых, и потребовала, чтобы к ней сейчас же позвали ксендза. «Только поскорее, – сказала она, – а то будет поздно». Ксёндз пришёл в тот же день. «Садитесь ко мне поближе, – попросила Стася, – и говорите погромче, а то я больше ничего не слышу». Все вышли из хаты. Стася исповедовалась и причастилась Святых Таин. Ксёндз ушёл. Стася лежала спокойная, сосредоточенная, вся полная сознания важности наступающей для неё минуты. «Стасюлёчка! – сказала со слезами её крёстная. – Как мы тебя нарядим, когда будем в гроб класть?» «Не в этом дело, не об этом надо мне теперь думать», – строго произнесла девочка. «Как же ты оставляешь нас?» – продолжила старушка. «Я буду вас к себе ждать», – ответила Стася.

Следующий день показал, что Стася была права, когда торопилась с напутствием. Она впала в полубессознательное состояние.

Страшная печать смерти легла на её личико. Только когда мать подходила и окликала девочку, бессмысленный стеклянный взгляд её оживал. Мать она узнавала, ко всем же прочим относилась равнодушно. В таком виде я Стасю и застала. Чудные белокурые волосы её сбились в войлок. Вовремя не подумали их остричь,

а теперь уже было невозможно к ним прикоснуться. Я привела доктора. Он долго с состраданием смотрел на умирающего ребёнка. В хате водворилось мёртвое молчанье. Три женщины впились в него отчаянным умоляющим взглядом. Он был последняя их надежда. Доктор тихо вышел, стараясь ни на кого не смотреть. От него я узнала, что у девочки туберкулёзный менингит.

...Стася скончалась в страшных мучительных судорогах. Узнав об этом, я в ту же минуту поспешила к ним. «Так было страшно, что сестра её Викта не в силах была смотреть на свою сестрёнку и убежала; она не могла выдержать этого, уж очень у неё доброе сердце!» – рассказывала мне бедная мать. «А ты?» – невольно и со страхом вырвалось у меня. Она опустила глаза. «Я должна! Я мать...» И от этого краткого покорного ответа заныло от боли мое сердце. Я подошла к телу почившей. Стася лежала со строгим выраженьем исхудавшего личика, одетая в голубое платье, в котором она впервые причащалась. Дешёвые кружевца, заменявшие ей в тот день обязательную вуаль, покрывали её спутанные волосы.

На другой день её хоронили. Когда процессия поравнялась с нашим домом, мы присоединились к ней. Впереди несли большой чёрный крест. За ним девушки в белых платочках несли некрашенный гроб, покрытый живыми цветами. За гробом шли женщины и бежали ребяташки, среди которых был и Петрук. Впереди всех шла с низко опущенной головой моя бедная Викта. Молча и быстро пронесли гроб через всё местечко и внесли в костёл. Когда месса окончилась, ксёндз помянул за упокой Станиславу и, запев «De Profundis», пошёл впереди гроба на кладбище. Когда гроб стали опускать в могилу, громкое пение, редкие удары колокола, отчаянное причитанье Молодой Викты, сестры почившей, – всё слилось в потрясающую симфонию. А бедная мать так и застыла неподвижно на краю могилы, устремив в глубину её острый блестящий взгляд. Яркие пятна выступили на её щеках, и вдруг сухие отрывистые рыданья без слёз вырывались из её груди и смолкли. Всё было кончено. Народ расходился. У нашего дома мы распро-

стились с осиротевшими женщинами. Викта дала мне себя обнять, но её полные безнадёжной покорной скорби глаза, казалось, меня даже и не видели. Дома у себя бедные женщины предались безутешным слезам. Унылые и тягостные потянулись для них дни. И вот однажды пришли ко мне сказать, что Викта желает меня видеть. Я немедленно и спешно пошла к ней. Оказалось, что Стася явилась во сне своей крёстной, строгая и недовольная. «Вы ничего не понимаете, — сказала она ей. — Если бы вы знали, как мне хорошо, вы бы не стали плакать. Перестаньте, вы мне только мешаете!»

Неземной радостью сияли глаза Викты и Аннушки. Стася сама пришла к ним, она их утешила, она их дожидается.

Монахиня СИЛУАНА (ГУЛЯЕВА-ГУРЕВИЧ)

MEMENTO MORI

Моего деда по материнской линии звали Семен Васильевич Перебилло. Он многие годы проживал в Москве и служил в Тимирязевской Академии, но на старости лет переехал к нам в Минск, и мы поселились одной семьей: дедушка, мои родители и я. Он умер в 1969 году, когда ему исполнилось 88 лет. Мне было в то время 15. Приблизительно за год до смерти дедушка сообщил нам, что часто стал видеть какую-то женщину. Причем, видел он её из окна, так что получалось, будто она стоит за окном. Жили мы на шестом этаже большого многоквартирного дома, и, конечно, рассказ деда не вызвал у нас никакого доверия. Но он настаивал и в свою очередь удивлялся, как же так получается, что мы её не видим. «Смотри, смотри, вот она стоит!» – говорил он моей матери. «Папа, там нет никого», – повторяла ему в сотый раз расстроенная мать. Мы обратили внимание на то, что дедушка являвшейся ему женщины боится. Заходя в свою комнату, он сразу же испуганно смотрел в сторону окна, и если видел её, то как-то по особенному ей кланялся. В конце концов, моя мать решила посоветоваться с психиатром. Психиатр объяснил ей, что, скорее всего, у дедушки галлюцинации, и вызваны они нарушениями функций головного мозга, причина которых – его возраст, и добавил, что старика нельзя надолго оставлять одного, так как, испугавшись чего-нибудь, он может, например, выброситься в окно или сделать еще что-нибудь в этом роде. Мать вернулась домой очень огорчённой. Впрочем, скоро дед видеть эту странную женщину перестал, её явления прекратились так же внезапно, как возникли. Мы успокоились и даже забыли обо всём этом. А потом дедушка заболел и умер от рака.

Несколько лет спустя после его смерти моя мать в кругу друзей рассказала удивительную историю. Я присутствовала при этом.

Начала она с того, что недавно ей удалось прочесть в одном польском журнале статью о знаменитых магнатах Тышкевичах. В ней говорилось о том, что вот уже столетия всем членам этого графского рода перед смертью, за год до неё или за несколько месяцев является призрак женщины. Про неё известно, что зовут её Людвигу Тышкевич. В XVII веке она погибла, став жертвой ревности своего мужа. История совершенно в духе Шекспира. Муж подарил Людвиге кольцо. В спальне перед сном она опустила его в ящик столика, стоявшего у кровати. Утром она кольца не обнаружила. Через некоторое время муж обратил внимание на то, что Людвигу подарка не надевает, и спросил её о причине. Смутившись, она призналась, что потеряла его. Тогда он подарил ей другое кольцо. Но и этот дар постигла та же участь. Людвигу вечером положила его в ящик, а утром, как ни искала, найти не могла. В ту эпоху богатые дамы дарили своим возлюбленным перстни, и муж заподозрил Людвигу в измене. Ни слезы, ни клятвы не убеждали его в невинности несчастной жены. Гнев помутил его разум, и он приказал замуровать бедную Людвигу живой в стену замка. К своему ужасу он позднее сам обнаружил оба кольца закатившимися в глубину ящика стола, стоявшего в спальне. Таким образом, Людвигу была оправдана, но с давних пор призрак её является всем Тышкевичам, и тот, кто его видит, знает, что скоро умрет.

Заканчивая свой рассказ, моя мать добавила: «Прежде я ничего об этом не слышала. Но верю, что все это правда, так как мой собственный отец незадолго до смерти видел эту женщину много раз. Она ему являлась, об этом знает вся наша семья. Мы все можем подтвердить это. Вот и дочь моя, которая сейчас здесь находится, свидетельница известных нам событий». Я, очень удивлённая, возразила матери: «То, что дедушка видел призрак, я подтвердить могу, но какое отношение к нему имеет эта загадочная история, которую ты нам рассказала?» «Я никогда не говорила тебе, просто не приходилось к слову, что твой дедушка был по матери Тышкевич. Так что всё это имеет к нему отношение самое прямое. Твою прабабку звали в девичестве Мария Тышкевич, она

была из обедневшей ветви этого рода и вышла замуж за твоего прадеда Василия Перебилло, ставшего потом православным священником. У них было одиннадцать человек детей. Правда, не могу с уверенностью сказать, что отец мой знал семейные предания Тышкевичей, просто мне это неизвестно», – ответила мне мать. «Ах, вот как! Теперь я понимаю, откуда взялась у нас старинная серебряная поварешка с короной и буквой «Т» – витиеватой монограммой», – воскликнула я.

С тех пор много воды утекло. Моя мать уже в могиле; квартира наша в Минске принадлежит совсем не известным мне людям; сама я разменяла шестой десяток, а старинная серебряная поварёшка с графской короной давно куда-то запропастилась, – может быть, кто-то выбросил её как ненужный хлам. Но историю эту я помню, будто она произошла вчера. И в душе моей она пребывает вопросом, беспокоит меня какой-то своей незавершённостью. Ведь в нашей жизни все не случайно, и, если Господь попустил мне пережить, пусть косвенно, таинственную встречу с загробной гостьей, то, значит, я должна что-то понять, сделать какие-то выводы. Кто она, Людвиг Тышкевич? Несчастливая, мятущаяся душа, не имевшая церковного погребения, не обретшая покоя и обречённая скитаться по земле? Проклятие рода? Или наоборот, невинная страстотерпица, за свои страдания получившая от Бога, как милость, возможность предупреждать всех своих потомков о грядущей смерти, чтобы они успели к ней подготовиться?

Она-то к смерти готова не была, смерть настигла её в расцвете сил, как гроза с ясного неба. И какая смерть! Жестокая казнь, ничем незаслуженная от рук человека, которому она подарила свою молодость, красоту и детей... Хотелось бы мне узнать, что об этом думают Тышкевичи? О чем говорят их семейные предания? Ведь я всю эту историю знаю понаслышке. Но вот что я знаю доподлинно: в 1968 году Людвиг Тышкевич моему деду являлась и не один раз. Она являлась ему многократно, настойчиво предупреждая его о скорой кончине. Времена были безбожные, и дед мой, сын священника, сам окончивший когда-то в молодости варшав-

скую духовную семинарию, почти забыл дорогу в храм. Людвиг приходила напомнить ему о смерти.

А еще бы мне хотелось узнать, навещала ли Людвиг кого-нибудь из Тышкевичей после 1968 года? И если да, то когда, как и где?

РАССКАЗ МОНАХИНИ

В 1979 году я покинула Белоруссию и отправилась на Святую Землю. Твёрдого намерения стать монахиней у меня тогда ещё не было, но я уже помышляла об этом и молилась Богу, прося Его указать мне мой путь. Расскажу немного о себе. Родилась я в Москве в семье военного летчика. Моя мать была по профессии певицей, обладала прекрасным лирическим сопрано. Выйдя замуж за моего отца, мать оставила сцену. В 60-х годах мои родители переехали в Минск, и там я училась, сначала в общеобразовательной и музыкальной школах одновременно, потом в музыкальном училище и поступила даже в консерваторию, но не окончила её.

В Израиль я попала благодаря еврейскому происхождению моего отца и прожила там недолго, внутренне находясь, как я уже написала выше, на перепутье. Родители остались в Минске, так как моему отцу было в отъезде за границу отказано. В целом он в течение 16 лет ждал от властей разрешения выехать из Советского Союза, не по своей воле став диссидентом, как в ту эпоху называли людей, находившихся в той или иной мере в противостоянии к советскому режиму. Мне тоже пришлось 8 лет ждать разрешения, после чего меня неожиданно выпустили, что было для того времени нетипично. Но, видно, такова была воля Божия.

Зимой 1982 года у моей матери случился обширный инфаркт, о чём отец известил меня в телеграмме. В той же телеграмме он сообщал, что я имею право навестить мать, как тяжело больную, — есть, будто бы соответствующие международные соглашения на такие случаи, — и предлагал мне немедленно вылететь самолётом

в Белоруссию. Я позвонила ему по телефону, и он подтвердил, что МВД в курсе дел и с моим приездом согласно, а телеграмма, которую он мне выслал, в этом министерстве заверена и является официальным документом, подтверждающим моё право въехать в СССР.

Кто жил в те годы в Советском Союзе и помнит их (а забыть их нельзя), поймёт, насколько невероятной показалась мне такая информация. Но я верила, что Бог творит чудеса и думала, что Он не оставит меня, и я доберусь как-нибудь к больной матери. Дипломатических отношений между Израилем и СССР в то время не было. Посредником между странами выступала Голландия. Мне следовало лететь в Вену и в советском посольстве, находившемся на территории Австрии, что-то выяснять. Денег у меня не было ни гроша.

После разговора с отцом я ещё некоторое время стояла возле телефонной будки и крутила в руках телеграмму. А вокруг меня уже вихрем завертелись события, в которых я принимала участие самое пассивное, потому что всё делалось само по себе буквально по мановению свыше. Только я успела вернуться к себе и сообщить самым близким друзьям о постигшей меня беде, как мне позвонили из Министерства иностранных дел Израиля: «Мы слышали, что у вас несчастье, просим Вас, как можно скорее, приехать к нам: Тель-Авив, адрес такой-то». И я к ним приехала. Принял меня господин по фамилии Кроль, да воздаст ему Господь за его доброту ко мне. «Вы собираетесь лететь в Советский Союз?» – спросил он меня. «Мне туда лететь необходимо, но я скажу вам правду: у меня для этого нет никаких материальных средств», – ответила я. «Постараюсь вам помочь, будьте добры, придите ко мне завтра в это же время». На следующий день он вручил мне авиационный билет на шесть рейсов: из Тель-Авива в Вену с остановкой там на неопределённый срок, затем Вена-Москва, Москва-Минск с возможностью остаться в Минске в течение года, и обратный билет из Минска в Москву, из Москвы в Вену и из Вены в Тель-Авив. Последний билет из Вены в Тель-Авив был действи-

тельным только 45 дней. «Но другого не было», – объяснил мне господин Кроль. Лететь я должна была на следующий день. «Я вам весьма благодарна, но у меня нет никаких средств, и я не знаю, как я смогу быть готова к завтрашнему дню», – сказала я в растерянности, надеясь, что Господь меня услышит. «В этом я не смогу вам помочь, но ведь у вас есть друзья в Израиле, обратитесь к ним».

Как только я вернулась к себе, стали мне звонить друзья и предлагать деньги, небольшие суммы, но в общей сложности набралось 400 долларов. Они тут же все и приехали и деньги привезли. Вдруг прибежали ко мне мои соседи: «Как же ты поедешь в Россию, февраль месяц, а у тебя нет зимнего пальто?» Его, действительно, не было, как хорошо, что мне об этом напомнили. Соседи тут же отвезли меня на какую-то фабрику, о существовании которой лишь вчера узнали. На этой фабрике изготавливались дублёнки, и я купила себе теплую дублёнку, очень приличную за 100 долларов. А шляпа у меня, как ни странно, была. Прекрасная шляпа из настоящей куницы, которую прислали мне когда-то в Минск родственники из Сибири. Что я только ни делала в Израиле, чтобы от неё избавиться, (в жарком климате она мне не была нужна), кому только ни предлагала, – никто не хотел её брать. Так она у меня осталась и вот пригодилась: Господь учёл все мелочи, во всём позаботился обо мне. На следующий день я была в Вене.

В Вене в аэропорту меня встретили служащие израильского посольства, это были муж и жена, очень симпатичная пара. «Нам звонил господин Кроль и сообщил о вашем несчастье, он просил вас встретить и проводить в гостиницу, мы сняли для вас номер на три дня. Мы знаем, что вы материально стеснены, не беспокойтесь, номер будет оплачен». В тот же день я отправилась в посольство СССР.

Тамошние чиновники встретили меня без энтузиазма. Моя идея проехать в Советский Союз по папиной телеграмме им не понравилась. Я пыталась их уверить, что телеграмма заверена МВД (хотя в самой телеграмме ничего кроме текста не значилось, но мне так сказал отец) и что там в курсе моего приезда. «А мы

нет», – отвечали мне, – «поймите, это мы в посольстве должны быть в курсе, а мы никаких распоряжений на ваш счет не получали». Но всё-таки они не выгнали меня сразу, а пообещали разобраться.

Ах, всего не расскажешь! 18 дней я пробыла в Вене, в ожидании визы. А мама всё жила и ждала меня. Я ходила молиться о ней в русскую церковь (бывшую посольскую) Святителя Николая-Чудотворца. И познакомилась там со стариком-регентом, которого звали Климентом. Он был болгарин по происхождению. Как-то он пригласил меня к себе на чай. И подарил мне номер журнала «Вечное», сказав при этом: «Вам, наверное, одиноко по вечерам в гостинице, возьмите, почитайте». О журнале «Вечное» я в ту пору ещё ничего не знала, впервые держала его в руках; обратила внимание, что ответственная за его издание какая-то Елена Слезкина – это имя мне ни о чём не говорило. В гостинице я номер полистала, моё внимание остановилось на статье про обновление иконы Воскресения Христова и двенадцати праздников. Статья была написана по рассказу какой-то монахини Феодосии, эту статью я и прочла. А более ничего из этого журнала не прочла. По сей день.

В советское посольство я звонила постоянно. Но они не сообщали мне ничего утешительного. Про своё положение я поняла следующее: разрешение на въезд мне дала Белоруссия, не согласовав с Москвой; Москва рассердилась: «Какое вы имеете право!..», а Белоруссия обиделась: «Уж и права не имеем...», и теперь они между собой препирались. «Зря вы ждёте», – говорили мне в советском посольстве, но всё-таки не гнали меня. Ожидать всегда тяжело. А здесь ещё и израильское посольство стало от моего присутствия уставать, – сколько можно платить за гостиничный номер! Супружеская пара, которая мной занималась, сочувствовала мне, они даже пригласили меня как-то к себе на ужин, но ведь всему есть предел. Если бы не господин Кроль, который распорядился, чтобы мне помогали, сколько будет необходимо, давно бы меня отправили назад в Израиль.

Как-то я в очередной раз позвонила в советское посольство, и чиновник сказал мне: «Перестаньте звонить нам каждый день, если будет для вас виза, вам из израильского посольства сообщат». Я удивилась, так как знала, что между странами дипломатических контактов нет, а, значит, мне казалось, и между посольствами их не должно быть, но, по-видимому, это было не совсем так. В израильском посольстве мне подтвердили, что они в курсе всего, что происходит.

Ещё тягостней стало для меня ожидание. Шёл уже 16-ый день моего пребывания в Австрии, когда мне позвонили из посольства Израиля и предупредили, что если завтра я визы не получу, то послезавтра должна буду Вену покинуть. Всё следующее утро я просидела у телефона. Никаких известий не было. Во второй половине дня я решила позвонить сама. Но в израильском посольстве никто не снимал трубку. И только вечером мне ответили, что в посольстве никого нет, потому что все служащие отправились за город на пикник.

Утром следующего дня мне позвонили: «Есть вам виза», – сухо сказал мне чиновник, который меня опекал, – «немедленно собирайтесь, мы отвезём вас в аэропорт». По дороге я узнала от него, что с тех пор, как пресеклись дипломатические отношения между странами только одного человека пустили из Израиля в СССР в связи с семейными обстоятельствами. Мой случай второй. Ах, я поняла, о ком он говорил! О Соне Лернер, дочери московского профессора-кибернетика Александра Яковлевича Лернера! Она приезжала в Москву на похороны своей матери Юдифи Абрамовны.

Ясным зимним днём прилетела я в Россию. Она встретила меня тридцатипятиградусным морозом.

* * *

Господь положил мне родиться в Москве декабрьской ночью 1953 года. У моих родителей долго не было детей, и Бог дал им меня, когда моей матери почти исполнилось 38. Произошло это

так. В роддоме, где мне предстояло появиться на свет, никто из медицинского персонала на мою мать не обращал никакого внимания, а она была очень слабой, и роды предстояли трудные. Тогда Бог вложил в сердце одной простой санитарке посочувствовать моей бедной матери. Благодаря её настойчивости врачи, наконец, засуетились, и после больших трудов и скорбей мать разрешилась от бремени. Узнав, что родилась дочь, она спросила санитарку: «Нянечка, как вас зовут?» Та ей ответила: «Татьяна». И тогда моя мать прошептала: «Моя дочь родилась благодаря вам и будет носить ваше имя».

А вообще, если бы не воля Божия, всего этого могло бы и не быть. Потому что в марте 1953 года моя мать чуть не погибла. В Колонном зале Союзов для прощания с народом был установлен гроб с телом умершего Сталина. Огромные, невероятные толпы людей хлынули туда со всех сторон Москвы, милиция не смогла с ними справиться, и началась жуткая давка. Моя мать, которая тоже отправилась последний раз взглянуть на усопшего вождя, находясь в толпе, как вокруг неё хрустят кости задавленных. В какой-то момент она потеряла сознание и очнулась... в кузове грузовика. До конца своих дней она была уверена, что её спас очень высокого роста мужчина, находившийся рядом. Она предполагала, что благодаря своей силе и росту он смог вытащить её из толпы и перебросить в грузовик, стоявший неподалёку. Да возблагодарит его Господь за доброе дело, которое он сделал. Мёртвый Сталин так же, как и живой, сеял смерть вокруг себя, но моей матери в числе его жертв не оказалось.

Москва 50-ых годов была моим уютным детским миром, по улицам которого я ходила, держась за руку матери. И даже теперь, когда, – увы, так редко – я приезжаю в этот дорогой мне город, то возвращаюсь в атмосферу раннего детства, в давно ушедшее время, когда моя мать была молодой, а я маленькой. Детство смотрит на меня архитектурой московских домов и старинными названиями улиц: Большая Ордынка, Маросейка, Соломенная Сторожка. И кажется мне, что и деревья в Москве растут не так, как в других местах, да и птицы иначе совершают свой полёт.

По профессии моя мать была певицей, – я уже писала об этом. Она окончила в Москве Музыкально-Театральное училище имени Глазунова, или, как говорили студенты, – Глазуновку. Мать пела сольные партии в оперетте, выступала в концертах. Она хотела продолжить своё образование, но помешала война. А после войны она вышла замуж за моего отца, военного лётчика и оставила сцену. У мамы был чудесный голос. Уже пожилым человеком она с лёгкостью, без всяких распевок, «с наскоку» брала чистое, звучное, благородное, пленительное «соль» второй октавы. А в молодости диапазон её включал третье «фа».

Бабушка, мать моей матери, тоже была певицей и одно время пела в опере. По словам матери, у бабушки был голос мирового масштаба и вокальная школа – настоящее *bel canto*. Но времена были тяжёлые: революция, гражданская война, голод, разруха. Бабушка с дедушкой воспитывали двоих своих детей и троих сирот. Жили бедно. Как почти все в то время. Было не до карьеры. Но позднее бабушка пела солисткой в хоре Свешникова и всегда, всю жизнь пела в церкви. Её потом и отпевали в этой церкви, а похоронили на Головинском кладбище. Ах, как бы мне хотелось узнать, в какой она пела церкви, и существует ли ещё эта церковь! Но здесь, на земле уже никто мне этого не откроет. Значит, и не надо. Пусть будет так.

Бабушка была человеком глубокой веры. А дедушка от церкви отошёл. Хотя он и был сыном священника. Мать воспитывалась в безбожной атмосфере тридцатых годов, и волна антицерковных настроений её захватила. В раннем детстве она знала, что есть Бог. А потом на сознательном уровне забыла об этом. Её возврат к вере пришёлся на 70-е годы, и тогда она мне рассказывала, сама удивляясь, что большую часть своей жизни, вполне искренно сознавая себя неверующей, она каждый вечер перед сном молилась. Она молилась длинными молитвами, перечисляя имена «за здоровье» и «за упокой». Не помолившись, не могла уснуть. Чтобы утром или днём на вопрос, есть ли Бог, если бы вдруг её спросили об этом, спокойно ответить: «Его нет». Загадочна человеческая душа.

В 70-е годы мать вернулась к вере. Особенно она полюбила Божию Матерь. От Остробрамской Её иконы, той, что в Вильнюсе, в нашей семье было два чуда. Мать как-то задушевно с Богородицей общалась. Её хотелось с Ней поговорить и все-все Ей рассказать. В молитвах мама называла Богородицу «Марией». Просто «Марией». Без титулов: Пресвятая Владычица, Богородица, Всецарица и т. д. Мать звала Богородицу: «Мария!..» И, наверное, это неправильно. Но шло из глубины души. И я завидую маме, потому что я так не умею. Свидетельствую, что Пресвятая Богородица много раз на молитву моей матери отвечала, а, значит, я думаю, Она была не против того, что мать называла Её так по-домашнему.

* * *

В феврале 1982, когда я прилетела из Австрии в Москву, город клубился морозом, от которого я в жаркой стране, где жила последние годы, уже успела поотвыкнуть. Но мне некогда было ему удивляться, и некогда было Москву рассматривать: я торопилась на самолет в Минск.

Ночью, за сутки до моего приезда в минской квартире у отца случилось странное происшествие. Он проснулся от звука дверного звонка, который звонил, не переставая, и увидел занавеси на окне в пламени. Отец вскочил с кровати и стал тушить пожар. Как выяснилось потом, этой ночью каким-то удивительным образом электрическое напряжение в сети было настолько сильное, что сами по себе загорелись провода телевизора и огонь перекинулся на занавески. Благодаря тому, что, также сам по себе, от высокого напряжения зазвонил звонок, отец проснулся, потушил пожар и не погиб. Как так могло произойти, не понятно. Но это было. Когда я приехала в Минск, то нашла всю квартиру родителей в копоти. Я её потом два месяца отмывала.

Мой самолёт прилетел вечером, а на следующий день я пошла в больницу, где в отделении кардиологии лежала моя мать. Ей было лучше.

Ах, всего не расскажешь! Долгих-долгих три месяца я прожила в Минске. И вот один раз, когда я пришла в больницу проведать мать, она открыла мне удивительную тайну. «Я должна рассказать тебе что-то очень важное», – сказала она мне. «То, что тебе разрешили приехать и навестить меня – настоящее чудо. Когда у меня случился инфаркт, я умирала, и меня поместили в реанимацию. Я была без сознания, но молилась Пресвятой Богородице. Я помню, что я молилась. Но я не знала, что я молюсь вслух. Я молилась: «Мария, Мария! Неужели я не увижу Таню!?» А врач-кардиолог, который меня спасал, мою молитву слышал. Но он не понял, что я молюсь, он понял всё по-своему. Он вышел к папе и сказал ему: «Ваша жена очень плоха, её состояние почти безнадежное. Хотя мы и делаем всё необходимое, не исключено, что она доживает свои последние дни. Она всё время зовёт родных: Марию и Татьяну. Сделайте все возможное, чтобы они срочно приехали навестить её. Больной полезны положительные эмоции». Ты представляешь себе положение бедного папы? Он вышел из больницы и побрёл, куда глаза глядят. А на встречу ему Юра Роберман. Папа рассказал ему, что я умираю. А Юра ему говорит: «Лев Петрович, вы имеете полное право вызвать дочь. Есть соответствующие международные законы». Папа ему отвечает: «Ты забыл, в какой стране мы живём. Её ни за что не пустят». А Юра ему: «А вы попробуйте». И, видишь, тебя ко мне пустили. Я знаю точно: это Божья Матерь помогла», – мамины глаза блестели радостью.

Верующему человеку страдать легче, чем неверующему, потому что в страдании он зовет на помощь своего Творца и чувствует Его близость. Он исполняется понимания, что страдание его имеет какой-то глубокий смысл, а, значит, по природе своей позитивно. Неверующий человек смысла в своём страдании не видит, и, кажущаяся ему, бессмысленность происходящего усугубляет скорбь и доводит её до наивысшего напряжения. Верующее сердце моей матери навсегда прониклось благодарностью к Пресвятой Богородице за Её отзывчивость, за то, что в трудные минуты Она была рядом. Да и действительно, если не чудом, то как ещё можно

объяснить тот факт, что в начале 80-х годов, когда из Советского Союза практически никого не выпускали на Запад, меня, израиль-тянку, не только впустили, но и беспрепятственно выпустили. Политическими интересами Белоруссии? А в чём они выражались? Но дело даже не в том, что мне дали разрешение навестить больную мать, – этому ещё можно было бы сочинить какое-то объяснение. Дело в том, что по материнской молитве и я всё время ощущала себя под Святым Покровом общей нашей Заступницы. С самого начала, когда в Израиле меня настигла телеграмма отца, всё моё «австрийское ожидание», все месяцы моей жизни в Минске я не проявляла никакой особенной активности. Всё приходило само в нужный момент, и я чувствовала, что Небо требует от меня только некоторой сообразительности, доверия и послушания. Доказательством этому служило невероятное количество самых разных мелочей. Приведу пример. Как я уже писала, денег у меня было очень мало. В Вене я истратила и въехала в Россию, имея лишь 50 долларов. В аэропорту в Москве эти деньги я поменяла на русские рубли и получила квитанцию, которую сунула в сумку, чтобы о ней забыть. Богатые люди не могут постичь истинность слов Евангелия «Жизнь человека не зависит от величины его имения». Для того чтобы понять эти слова, нужно, хотя бы раз остаться совсем без средств. Богатый человек рассчитывает на свои деньги, но когда мы бедны, нам нечего считать. Верующий человек в трудных обстоятельствах призывает божественную помощь и, действительно, получает её на каждом шагу. Этому есть миллионы примеров. Я прожила в Минске три месяца, дважды мне продлевали визу. Жила я в родительском доме и была не слишком материально стеснена. Но, наконец, настало время уезжать, и я стала задумываться о том, что валютных денег-то у меня совсем нет. Как-то я перебирала вещи в своей сумке и обнаружила забытую квитанцию, полученную когда-то в аэропорту. Прочитала напечатанный на ней текст и к своему удивлению поняла, что эта квитанция даёт мне право получить в советском банке то количество долларов, которое я первоначально поменяла за вычетом

пошлины. Срок её действия был, однако ограничен определённой датой. Ещё повертев квитанцию в руках, я сообразила, что годность её истекает сегодня. До закрытия банка оставалось два часа. Но я успела съездить в банк, поменять советские рубли и получить 17 долларов. (Заранее скажу, что вплоть до моего приезда в монастырь я потратила из них только пять. Я их потратила, когда добиралась из Венского аэропорта в центр Вены. Остальные 12 долго ещё у меня лежали, напоминая мне моё путешествие).

У меня был авиационный билет до Австрии, билет из Вены до Тель-Авива был просрочен. Со всей остротой передо мной стал вопрос, а что мне делать дальше. Я думала про себя, может быть, есть воля Божия, чтобы я стала монахиней? Но полной уверенности у меня в этом не было. Я даже стала помышлять о том, не остаться ли мне в России, чтобы поступить в какой-нибудь монастырь. Я должна объясниться. Последние время своей жизни я жила в атмосфере не очень больших, но постоянных чудес, поэтому все ограничения, которые обычно накладываются на человеческую личность государственными законами или государственным беззаконием, в моём сознании перестали существовать. Для меня важно было только одно, хочет ли Господь, чтобы я осталась в России и поступила в монастырь или не хочет. Потому что если Он этого хочет, то всё устроится.

И Господь всё устроил, но иначе. Во Франции уже несколько лет жила дорогая моя подруга юности, вышедшая замуж за француза. В Минске у неё оставались родители, и в то время, о котором я рассказываю, она приехала их навестить. Мы, конечно, с ней встретились, и я отчасти поделилась с ней своими проблемами. А она неожиданно для меня и, — я уверена, — неожиданно для себя стала усиленно звать меня в Париж. Я ничего ей не ответила: что я могла ей сказать? Но на ус намотала.

Ещё скажу, что за три месяца, которые я провела в Белоруссии, я дважды навестила белорусского митрополита Филарета. И владыка подарил мне маленькую икону Божией Матери-Скоропослушницы. Он ею благословил меня и сказал: «Эта икона совре-

менного письма, но письмо хорошее». О роли владыки Филарета в моей судьбе могу сказать: он добрый гений моей жизни. Может быть, он вообще ко всем людям на свете относится с такой позиции: как помочь тому или другому человеку – не берусь судить. Но меня он воспринимает именно так: раз я появилась на горизонте, значит, нуждаюсь в срочной помощи.

Ах, всего не расскажешь! Я часто думаю теперь, какими прекрасными людьми Господь украсил мой жизненный путь. И я благодарна Ему за их благоуханное присутствие. Что была бы моя жизнь без них? Они наполнили её смыслом и содержанием. И этому нет конца, потому что каждый новый год дарит хотя бы ещё одну сокровенную встречу. Святые отцы недаром говорят: «брат наш – наша жизнь».

Мой минский сюжет сложился, в конце концов, таким образом, что дорога во Францию осветилась зелёным светом, все остальные пути по разным причинам отсекались один за другим. Но всё-таки было много неясного. А время пришло, и я уже улетала на два дня в Москву, чтобы оттуда отправиться в Австрию. Мой отец взял билет на тот же самолёт, которым летела я, чтобы в Москве меня проводить. А мать осталась в больнице, ее состояние здоровья было несколько лучше, но о ней впереди ещё длинный рассказ.

Итак, я снова оказалась в Москве, имея билет на самолёт до Вены и 17 долларов в кармане. Теперь уже не помню, имела ли я право вывезти какое-то количество советских рублей. Наверное, нет. Впрочем, это и не важно. Я решила добраться до Франции, потому что туда меня позвала подруга и потому что в эту страну мне, израильтянке, визы не требовалось. Кроме того, я знала, что владыка Филарет, являясь в то время Экзархом Патриарха московского в Западной Европе, окормлял часть русских приходов Франции, и я надеялась, что с его помощью найду там какой-нибудь православный женский монастырь.

Мне совершенно необходимо было срочно с ним повидаться. И в этот момент он тоже оказался по каким-то делам в Москве,

я позвонила ему, и он меня принял. Моя идея была простой: я лечу самолётом в Австрию, и у меня есть 17 долларов. Этих денег достаточно, чтобы послать телеграмму друзьям и попросить их выслать по телеграфу мне деньги на железнодорожный билет до Парижа. Но в Вене мне необходимо пожить какое-то время, чтобы денег дожждаться. В этом заключалась моя первая просьба о помощи. Я уже была хорошо знакома с русской церковью Святителя Николая-Чудотворца. И они меня видели. Я даже была знакома там со стареньким болгариним, регентом в отставке. Я хотела просить владыку Филарета позвонить по телефону тамошнему архиерею владыке Иринею, рассказать ему о затруднительном положении, в котором я оказалась и попросить, чтобы его церковь оказала мне гостеприимство на несколько дней. А вторая моя просьба к владыке Филарету касалась Франции и заключалась в том, чтобы помочь мне найти православный монастырь.

Обе свои просьбы я от смущения излагала до невероятности путано. Получилось приблизительно так: виза моя закончилась, и мне необходимо завтра лететь сначала в Австрию, а потом во Францию, а денег совсем нет, только 17 долларов – помогите. И всё это в советские времена! Наконец, я сообразила сообщить, что до Вены билет имею. «А, значит, до Вены билет у тебя есть», – вздохнул с облегчением владыка. Он встал и предложил мне выйти в коридор: «Там есть для тебя сюрприз». В коридоре стоял неизвестный мне священник, весьма представительного вида и две дамы. Они беседовали. «Отец Никон, ты разговариваешь с двумя Татьянами, а ведь тебя третья дожидается, зайди-ка ко мне в кабинет», – сказал ему владыка. Так я познакомилась с отцом Никоном, священником храма Трёх Святителей в Париже. Он потом мне во Франции очень помог. Прощаясь, владыка Филарет меня благословил и сказал: «В монашество иди, а о Вене не беспокойся, я позвоню архиепископу».

Не расскажешь всего, не расскажешь. Многие, многие подробности приходится опускать. И так моё повествование затянулось. Из московских впечатлений упомяну лишь самое последнее, ког-

да я стояла в аэропорту перед таможенниками, проверявшими мой багаж. «Иконы везёте?» – спросили меня. Сердце во мне упало. Я так надеялась, что этого вопроса не последует. Что было говорить? «Да», – ответила я. «Покажите». Пришлось достать и показать им иконочку Богородицы-Скоропослушницы, которой благословил меня белорусский митрополит. «Почему не написали в декларации?» «Но это икона не старинная, а современная». «Всё равно провозить не имеете права». И такая тоска на меня навалилась! Я поняла, что заберут у меня мою икону. А они, и правда, её отложили куда-то в сторону и занялись другими моими вещами. Пересмотрев их, говорят: «Можете идти». «А моя икона?» – спросила я, не имея ни малейшей надежды. И тут они так странно себя повели, как в тумане: «Икона? Какая икона? Ах, да, икона! А где икона?» – и смотрят друга на друга, остолбенело, – «А вон она, икона... Забирайте». И отдали мне её. Я так обрадовалась! Взяла её в руки и подумала: «Ничего не боюсь! Не по моей вере, а вопреки моему неверию, Богородица Сама со мной едет!» И замахала рукой отцу, он вдали стоял и с грустью наблюдал за происходящим. Так я покинула Россию.

* * *

Про Вену скажу только, что когда я попала к владыке Иринее и изложила ему свою просьбу, то он ответил мне: «Звонил владыка Филарет, просил вам помочь. Но наше жилищное положение таково, что нам принять вас трудно. И если никаких особенных дел у вас в Вене нет, то я бы предпочёл купить вам билет до Парижа, и езжайте с Богом». Он так и сделал, – а мне только это и нужно было! Кроме того, он мне и денег на дорогу дал, и продуктов купил – целый огромный пакет. Так что я отправилась в Париж с комфортом.

Прибыла я в Париж на какой-то вокзал, вышла из поезда и позвонила по телефону подруге, той, что меня во Францию звала.

– Наташа, – говорю, – я приехала.

Она не сразу поняла, в чём дело, всё меня спрашивала:

– Где ты находишься?

– В Париже.

– Ты в Париже? Как это? А где именно в Париже?

– На вокзале.

– На вокзале? На каком?

– Не знаю.

– Так спроси кого-нибудь.

Это была хорошая идея. Я немного говорила по-английски, вышла из телефонной будки и спросила двух девушек: «Какой это вокзал?» Они удивились, но ответили: «Est».

– Жди меня у информационного бюро, я скоро приеду, – сказала подруга, – Хорошо, что ты позвонила сейчас, через десять минут меня бы уже не было дома. Я должна была уходить.

Пока моя подруга была в пути, я пошла в банк менять немецкие марки, которые мне подарил владыка Ириней, на французские франки. Потому что я человек практичный. Но поскольку ячитаю из рук вон плохо, то я так и не поняла точно, сколько франков стоит немецкая марка. Так что-то приблизительно, мне казалось, я должна получить франков пятьдесят с мелочью. А, может, и нет. Я протянула деньги молодому человеку в окошечке, и он, действительно, отсчитал мне пятьдесят шесть франков тридцать сантимов. Я взяла их и отошла, но молодой служащий мне кричит: «Подождите, мадам!» Я вернулась, а он снова отсчитывает мне пятьдесят шесть франков тридцать сантимов. Я взяла их, подумав, что ошиблась в подсчётах, чему я не удивилась, и во второй раз отхожу от окошка. А он мне кричит: «Подождите, мадам!» И опять даёт мне пятьдесят шесть тридцать. Я взяла эти деньги, отхожу, а он кричит и даже сердится на меня: «Мадам! Стойте же!» И снова пятьдесят шесть тридцать. Вечером я рассказала эту историю подруге и её мужу, потому что всё-таки, думала я, есть в ней что-то удивительное. И спросила их, сколько франков стоит немецкая марка. Они сверились со свежей газетой и ответили: «Ты должна была получить пятьдесят шесть франков тридцать санти-

мов». «Я получила в четыре раза больше, потому что банковский служащий ошибся», – сказала им я. Но они не поверили мне: «Во Франции служащие банков в подсчётах не ошибаются». Позднее, будучи уже в Монастыре, я спросила свою игуменью мать Феодосию, что она думает по этому поводу: вот получила я деньги от архиерея, а они умножились. «Это архиерейская харизма», – ответила мне она.

Я оказалась во Франции в самом конце мая 1982 года. И в летние месяцы много у меня было ещё разных приключений, обо всём не напишешь. А 1-го сентября я впервые приехала в Обитель Святого Покрова Божией Матери в Bussy-en-Othe.

Я вошла в дом Пресвятой Богородицы, надеясь найти в нём душевный покой. А обрела борьбу с собой на многие годы. Но тогда, 1-го сентября 1982 года, я ещё ничего не знала о том, что меня ждёт. Я просто приехала в милую, уютную французскую деревню, открыла калитку и вошла во двор большого дома. Это, оказывается, и был монастырь, а я совсем иначе себе его представляла. На встречу мне спешила старая монахиня совсем маленького роста, она подошла ко мне, крепко меня обняла и сказала: «Дорогая моя! Как я вас ждала!» Монахиню звали мать Феодосия. Та самая, со слов которой был написан рассказ об обновлении иконы Воскресения Христова и двенадцати праздников в журнале «Вечное». С этим рассказом я познакомилась в Вене благодаря регенту Клименту. Но, конечно, в момент первой встречи с матерью Феодосией я так сразу этого не сообразила. Это я потом, через несколько месяцев поняла, что Господь заранее, уже в Австрии меня с ней познакомил. Она и стала моей первой игуменьей и была ею десять лет. А после её смерти игуменьей стала мать Ольга, в миру Елена Ивановна Слёзкина, – ответственная за издание того же журнала «Вечное». И с ней я познакомилась заочно.

В монастырь я приехала осенью. И уже начала привыкать к своему новому положению. А зимой я получила из Белоруссии короткую телеграмму: «Дорогая мама скончалась». В оцепенении я позвонила домой в Минск. Узнала какие-то подробности, потом

пошла в церковь служить панихиду и читать псалтирь. И так закончился день, и наступил вечер. Монастырь погрузился в тишину, а я поднялась к себе, в свою келью. И легла в кровать...

Мама вошла через дверь... Как мне её описать? Я хорошо видела лицо мамы, — она была совсем юная, черноволосая, со стриженными волосами. Мне показалось удивительным, что она выглядела моложе меня. Лицо я воспринимала чётко, а остальную фигуру нет — просто какой-то туман. Но туман этот струился жизнью, как серебристый ручей. И вся она сияла счастьем, вся была озарена изумительным светом, описать который невозможно. Мама была очень весёлой, она сразу же поняла, что я её вижу, и обрадовалась этому. Я читала о явлениях усопших и знаю, что есть случаи, когда покойники приходят и вещают что-нибудь глухими голосами. Может быть, так и бывает, но мне это как-то не понятно. Душа вне тела ничего скрыть не может, ни одной своей мысли — всё передаётся из души в душу непосредственно без слов. Объяснить этого нельзя. Мама приблизилась ко мне, чтобы меня обнять, и тогда из тумана у нее появились руки. Но чем ближе она ко мне подходила, тем хуже я воспринимала ее. Когда она оказалась со мной рядом, я перестала ее видеть совсем, она как будто бы через меня проходила, растворялась во мне. Я только ощущала ее искрящуюся любовь, разлитую повсюду. Вообще в ней не было ничего из того, что мы привыкли связывать со словом смерть — никакого тления. В ней было неизмеримо больше жизни, чем во мне. Это была не просто жизнь, но торжество жизни, а также радость открывшимся новым непомерным возможностям. Даже то, что она сегодня навестила меня, ведь еще вчера такая естественная встреча была нам недоступна. А сегодня она здесь, и мы радуемся друг другу. Ах, как хорошо! Вот, что мама говорила мне; и все открывалось без слов, вернее язык общения был неземным, запредельным и одновременно таким простым, родным и знакомым.

Я смотрела на мать и вдруг в какой-то момент почувствовала физическую усталость, а она сразу это поняла, а я поняла, что она это поняла, и мы с ней простились, тоже ничего не сказав друг

другу. Она отошла к двери и стала почти невидима, но я еще успела узнать, что теперь она собирается обойти весь наш дом и познакомиться со всеми его обитателями, и что это будет для нее удовольствием, от которого она даже ликовала.

Скоро будет 25 лет, как она умерла. А я в глубине души все никак не могу к этому привыкнуть. Мне ее не хватает даже просто практически. Все мне хочется задать ей тот или иной вопрос, и я в который раз ловлю себя на мысли: «Спрошу маму, она должна знать»... И спохватываюсь, потому что спросить нельзя: матери давно нет рядом. Ее приход ко мне тогда, в день ее смерти стал моим утешением на всю последующую жизнь. Ведь я не только верю или надеюсь, — *я знаю*, что *там* ей хорошо, а что может быть важнее и утешительнее этого знания.

Во дни моей молодости, когда мы еще жили в Минске, мать, бывало, купит мне какой-нибудь подарок, например, ко дню рождения. Заранее купит, еще месяц до праздника, а она уже купила. И, конечно, ей страшно хочется его мне показать. И вот она мается: дарить — рано, а не дарить — скучно. На этот случай была у нас с ней такая игра. Мать напускала на себя демонстративно-загадочный вид, по которому я безошибочно догадывалась, в чем дело. И я ей говорила как-нибудь так: «Признавайся во всем. Тебе сразу станет легче». И тогда она начинала хныкать, как ребенок. А я опять что-нибудь такое: «Чистосердечное признание облегчает душу». Ну, и она сдавалась, не выдерживала, приносила свой подарок, и мы вместе с ней хохотали от души. Мама очень любила посмеяться. И любила делать какие-нибудь приятные сюрпризы, была по натуре человеком добрых дел. Ее посмертный приход ко мне так точно ее характеризует, ей свойственно было особенно в трудные минуты доставлять ближним неожиданную радость, вселять в них надежду, — маму и звали Надеждой, — она пришла ко мне, чтобы смягчить горечь утраты.

Через некоторое время я получила из Минска письмо от одного знакомого регента, талантливого церковного композитора Александра Ивановича Загороднева, доброго друга нашей семьи. Он

писал мне: «11 января я ...лег после обеда поспать. Было около 4 часов дня (время маминой кончины: 15 часов 50 минут – *м. С.*). И приснилось мне, что умерла Надежда Семеновна. Я, проснувшись, не предал этому значения. Но, когда вечером, я услышал скорбную весть о её смерти, то мне стало и горько, и страшно... К ночи я был уже рядом с усопшей. С собой я принес три иконы и поставил их в изголовьи: Св. Троицы, Спасителя и Божьей Матери. По пути я достал церковных свечей, которых хватило на всю ночь. Господь дал мне силы! С Его помощью я смог прочесть последование по исходе души от тела и всю Псалтырь (с соответствующими молитвами об усопшей). Утром я был уже в церкви. Отслужили погребение и панихиду. Взял освящённой землицы. Купил просфорочку, крестик и разрешительную молитву. Заказал сорокоуст. Во время погребения на кладбище освятил и запечатал могилочку, а в руки вложил молитву и крест. Хочу добавить, что прошлой осенью Ваша мама сделала пожертвование на ремонт храма, на хор и заказывала благодарственный молебен, а также молилась об усопших родственниках и близких. В нашем храме о ней знали, поэтому с особой теплотой молились о её упокоении... Будем постоянно поминать в молитвах рабу Божию Надежду и верить, и надеяться, что Господь простит ей вся согрешения. Ибо сама кончина её была мирной, непостыдной, христианской... И в гробу она была чистенькой и благоухающей...»

Мой отец написал мне о маминой кончине несколько подробных писем. На сороковой день после её смерти он увидел сон, будто мама, очень весёлая, спускается по винтовой лестнице и, улыбаясь, машет ему рукой. Выглядит она молодой, и волосы у неё не седые, а тёмные. Проснулся отец с чувством глубокого облегчения и весь день находился под впечатлением от этого сна. В письме он спрашивал меня, не хочу ли я получить какие-нибудь мамины вещи на память? А я хотела себе только одну вещь – маленький золотой крестик, про который я знала, что мама получила его от бабушки. И объяснила отцу, где у мамы этот крестик всегда находился. Но он искал его, искал, а найти не мог. Тогда я в молитве попросила

маму помочь ему крест найти. И во время молитвы увидела её вторично. На одно мгновение она появилась передо мной, на одно лишь мгновение – исполненная покоя и мира. Скоро отец позвонил мне и сообщил, что крест найден. В это время в Минске оказалась моя дорогая подруга из Парижа, и мой отец ей передал мамин крестик с просьбой отвезти его мне во Францию. Наташа возвращалась в Париж железной дорогой, и в Бельгии поезд сошёл с рельс. Я думаю, что это дьявол так разозлился на этот поезд за то, что он вёз мне материнское благословение. Но никто не пострадал, только вагоны потом несколько часов поднимали и ставили на рельсы домкратами.

Когда я получила от подруги крест, то решила отслужить панихиду по матери и по бабушке. В это время в нашем монастыре жил румынский священник отец Ромул, будущий митрополит Серафим. Он и служил панихиду. Во время службы я увидела маму в третий раз. Но не одну, а с бабушкой. Они стояли на амвоне и слушали пение. Моя бабушка умерла в 1955 году, мне было 1,5 года. Но я немедленно узнала её. Бабушка показалась мне человеком скорее пожилого возраста, а мама опять молодой и серебристой, как ручей. К концу богослужения обе приблизились к священнику, и мне почудилось, будто они что-то делают рядом с ним. И вдруг у него в руках вспыхнула и загорелась огнём тоненькая книжечка с текстом панихиды. «Я не понимаю, что случилось», – говорил он позднее, – «я ведь держал книгу далеко от свечей». А я ему ответила: «Это вам приветствие от моих покойных родных». Книжечка обгорела по краю, огонь не повредил текста, а затронул только поля – две странички.

Три раза я видела мать после её смерти. Один раз с бабушкой. Но более не видела её никогда, даже во сне, а ведь уже столько лет прошло! Скажу ещё, что отец мой, еврей, очень старался всё сделать, чтобы погребение матери было православное. Через год после её кончины он написал мне, что собирается поставить на могилу памятник с крестом и хотел бы поместить на памятнике под маминым именем какую-нибудь трогательную надпись, но ка-

кую именно – не знает. «Ты решай». Я посоветовалась с матерью Феодосией. А она мне сказала: «Напишите слова из символа веры: Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». У меня даже душа встрепенулась, так я обрадовалась этому совету, – лучше не скажешь! Передала свою просьбу отцу, и ему эта идея тоже очень понравилась. А потом и друзьям. Так они и сделали.

С тех пор на старом минском кладбище надгробный материнский памятник проповедует христианскую веру в бессмертие души, в грядущее воскресение всех «от века усопших», в наше общее чаяние вечной жизни. Поставленный в 1984 году, в застойные брежневские времена, он свидетельствует торжество православия. И, наверное, на всём кладбище а, может быть даже и во всём городе Минске он один такой. Я очень надеюсь, что он простоит долго.

Что мне ещё сказать? Как закончить свой рассказ? Мать при жизни любила повторять: «Господь нас не оставит, и все будет хорошо». Такая нехитрая фраза. Но полная упования. Я знаю, что ей хорошо там, где она пребывает теперь. Но все равно, прошу досточтимого читателя помолиться об упокоении души усопшей рабы Божией Надежды. Ведь молитва всех нас связывает воедино, ей нет преград, потому что, начинаясь во времени, она уходит в вечность, куда все мы стремимся, где нет ни болезней, ни слёз, ни вздыханий, но жизнь бесконечная, где ждёт нас Христос, где Отчий наш дом.

ХРИСТИАНСТВО И ТВОРЧЕСТВО

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ВОСПРИЯТИИ ХУДОЖНИКА И ХРИСТИАНИНА

«Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа Бога твоего, слушал голос Его и прилеплялся к Нему» (Втор 11:19-20).

Что же избирает человек и что он называет жизнью и смертью? Спросим честного свидетеля, сопровождающего нас от рождения до смерти, – искусство.

Вот перед нами икона «Рождество Христово». Если предположить, что на земле вдруг исчезли бы все Евангелия, то по этой иконе их можно было бы воссоздать. В ней есть все: небо и земля, ангелы и простые пастухи, мудрецы с Востока и Космос в виде таинственной звезды, их ведущей, растения и животные и, наконец, Мать, через Которую Бог воплотился и пришел на Землю в виде Младенца, Который лежит в яслях. Но отчего так печальна Мать? Отчего Она лежит, отвернувшись от Своего Чада? Может быть, Она предчувствует, что ждет Его, знает, что Он Ей не принадлежит? Да и пещера больше похожа на склеп, а Сам Младенец кажется умершим, завернутым в саван. Жизнь и смерть встретились в этой иконе, но в иконе всегда торжествует жизнь.

Это особенно хорошо видно в сравнении. Вот, например, египетские посмертные портреты, так называемые «фаюмские», по местности, где были найдены. Эти портреты писались примерно в I–IV веках н.э. Их часто называют «протоиконой». Они писались в одной технике – энкаустики, которая создавала гладкую поверхность, напоминающую иконную. Портреты эти заказывались при жизни, а после смерти заказчика закреплялись на саркофаге, чтобы отлетевшая душа могла впоследствии, вернувшись, найти свое тело. Перед нами череда портретов лиц, еще молодых, явно очень

похожих на оригинал, очень индивидуальных. Объединяет их одно: печаль, даже страх в глазах. Это понятно – они из жизни смотрят в смерть, которая, естественно, пугает их.

Но вот написанная примерно в это же время и в этой же технике икона «Сергий и Вакх». Два лика святых мучеников просто и по-детски бесхитростно смотрят на нас, предстоящих. Здесь нет виртуозной техники и тщательного письма. Поражают глаза. Из них просто изливается радость и сияние – ведь они, в отличие от лиц на фаумских портретах, смотрят из смерти в жизнь! И таково все средневековое искусство, так как оно – Благая Весть о том, что Христос, пойдя на смерть, уничтожил ее владычество.

Искусство последующих эпох постепенно теряет эту радость. Высокое Возрождение, давшее миру величайших гениев есть, по сути дела, трагическое расставание с Тем, Кто эту жизнь нам дал. Если в Средние века об умершем говорили: «Он умер – стал беспечален», то в эпоху Ренессанса о нем скажут: «его настиг злой Рок».

«Пиета» Микеланджело (1548–1555 гг.) изображает только скорбь юной Матери, держащей на коленях безнадежно мертвое тело Сына. Гробница братьев Медичи (1520–1534 гг.) того же Микеланджело еще глубже погружает зрителя в скорбь без радости. Могучие тела надгробия символизирующие «День и Ночь», «Утро и Вечер», пребывают в мучительном полусне-полуяви. Сам Микеланджело писал в своем сонете:

*«Отрадно спать, отрадней камнем быть,
О, в этот век, унылый и постыдный,
Не знать, не чувствовать – удел завидный,
Прошу, не смей меня будить»...*

Искусство – это зеркало, которое показывает нам, что человечество, как океан, совершает приливы и отливы, то уходя от Источника жизни, то возвращаясь к Нему. Так, написанная в XX веке сестрой Иоанной (Рейтлингер) икона «Не рыдай Мене, Мати» (сло-

ва из песнопений Страстной седмицы), эта, своего рода, Пиета, вся пронизана светом. Его вспышки пульсируют на прекрасном теле и лице Иисуса Христа. Они же, как искры, вспыхивают на лице Матери. Кажется, что Их тела – одно целое, что Они Оба полны жизни, что у Них одно кровообращение. Он произносит эти слова, а Она напряженно и с надеждой вслушивается и всматривается в Него.

В семнадцатом веке европейское искусство далеко ушло от радости Присутствия. Но в «Распятии» Эль Греко (ок. 1600 г.) явно пульсирует Божественная энергия. Темные блики пронизывают изображение, свет исходит как бы ниоткуда, все плывет и парит в тесном и, одновременно, беспредельном пространстве. Перед зрителем разворачивается трагическая и величаяя мистерия. А в «Распятии» Дионисия из Павло-Обнорского монастыря (конец XV в.) торжествует радость. В иконе нет ни тени скорби или страдания. Христос похож на прекрасную птицу, готовую вот-вот взлететь. Его тело изогнуто, как «натянутая тетива тугого лука» (Б. Пастернак).

Но после семнадцатого века радости о спасении все меньше и меньше. Человечество в целом уходит от Бога все дальше. Шпенглер в «Закате Европы» пишет, что люди разлюбили жизнь, отвернулись от нее, обратились лицом к смерти. В современном искусстве царят ирония, сарказм, описания всевозможных уродств, снятие всех табу, боязнь пафосности и т.д.

Пикассо, гений XX века, посвятил свое творчество разрушению канонической красоты, иллюзорности, которой, как он считал, посвящено искусство прошлого. Кажется, что он просто одержим ненавистью к этой красоте, создавая свои парафразы к картинам Эдуарда Мане, Веласкеса, Делакруа и других. С другой стороны, деформация эта оправдана. Разве можно языком иллюзорной живописи выразить трагизм и безумие гибнущей в одночасье Герники, весь хаос уходящего в небытие мира.

«Черный квадрат» К. Малевича идет еще дальше. Он обозначил не только пропасть между старым и новым искусством, но раз-

делил саму жизнь и смерть, утверждая, что за смертью нет ничего. «Черный квадрат» – это, по сути дела, надгробный памятник всей человеческой культуре прошлого, а его же «Красный квадрат» смотрится как дорожный знак, запрещающий движение дальше. «Черный квадрат» – это зияющая черная дыра, поглощающая весь цветовой спектр, ничего не излучая. Это страшная формула небытия. На выставке футуристов в 1915 году, где Малевич представил эту картину, она была выставлена в углу под потолком. Там находится у христиан так называемый «красный угол» и обычно висят иконы. Он и сам назвал ее «иконой нашего времени». Александр Бенуа, не только замечательный художник, но и тонкий и проницательный ценитель искусства, так писал о картине: «Черный квадрат в белом окладе... Это один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем мерзость запустения и которое кичится тем, что оно через гордыню, через заносчивость, через попрание всего любовного и нежного приведет всех к гибели».

Но тьме всегда противостоит свет, воспеванию смерти – гимн жизни. В витебском еврейском местечке рождается пророк XX века. Марк Шагал населил землю и небо летающими музыкантами, прекрасными невестами, осликами и коровками, которые счастливо, грустно и безмятежно парят над миром. Он воплотил в своих картинах веру хасидов в то, что Бог открывает Свои тайны лишь ликующим и любящим. Он оживил для зрителя веру в древних пророков и их пророчества, причем поселил их не на Синае и не в Иерусалиме, но в тех же витебских местечках, на улице одного из которых спит праотец Иаков, и ангелы сходят и восходят прямо на крыши еврейских домишек. Он и сам выступает как пророк, мудрый, непреклонный, немного косноязычный.

В отличие от Пикассо, предсказавшего Освенцим, Хиросиму и гибель уютного мира, Шагал вернул нас к Богу, к жизни: его пророки взывают к нам, показывая, как прекрасен этот мир, напоминая, что мы призваны беречь и любить его. Все его творчество являет собой любовь, и это особенно ценно в наше время взаим-

ного отчуждения. Все многоцветие Божьего мира изливается на нас с холстов Марка Шагала.

Но искусство XX века прошло горнило так называемого «тоталитаризма». Оно почти одинаково в своих проявлениях в СССР и 3-м Рейхе. Уже в самом этом термине содержится приговор. Действительно, разве может жизнь духа быть закована в кандалы идеологии? Конечно, нет. И перед нами проходит галерея холстов, наполненных пустотой и выпренной патетикой, натушной болтовней ни о чем, скучной дидактикой. Поразительно, что вся коммунистическая идеология была полна разговорами о светлом будущем, а создала, по сути дела, «культуру» смерти, смерти без воскресения. Неслучайна любовь этой эпохи ко всякого рода мемориалам, к лозунгам типа «никто не забыт, ничто не забыто», к возжиганию в центре города «Вечного огня», что для всех христиан всегда было символом ада.

Современное искусство напоминает бегуна, стремившегося к какой-то высокой цели, но натолкнувшегося на незримую преграду, обретшего пустоту вместо высоты. Все стили смешались в некую неоднородную массу, все превратилось в коллаж из цитат. Теперь искусство кружится на одном месте, пытаясь сочетать несочитаемое в водовороте абсурда и самоиронии, за которыми прячется растерянность и страх, так как разорвана связь с Тем, Кто дает и жизнь, и свет, и смысл всему. Таков постмодернизм, конечно, в самых общих чертах.

Статью эту начинает описание иконы «Рождества Христова», в которой одновременно явлена и Его смерть. А теперь хочется обратиться к иконе «Успение» Божией Матери. В этой иконе, напротив, смерть есть, одновременно, рождение. Богородица лежит на одре, окруженная плачущими апостолами, а над Ее ложем возвышается Предвечный Сын, держа в руках Ее душу, как родившегося в новую, вечную жизнь запеленатого младенца. Смерти нет, говорит икона, смерть – это рождение в жизнь вечную... Над головой распростер крылья пылающий огненный серафим, а вокруг – темно-синяя мандорла – ослепляющее сияние Славы. Вер-

тикаль, образуемую фигурой Иисуса Христа, продолжает горящая свеча на полу у ложа Марии. Пересечение этой вертикали с горизонтально распростертым телом создает крест, тот животворящий Крест Господень, на который Он взошел, чтобы умереть и дать нам жизнь вечную. И если в иконе «Рождества» радость о рождении Младенца сопровождается скорбью о Его смерти, то здесь скорбь о смерти Девы Марии переходит в радость о Ее рождении в жизнь вечную.

Есть еще одна икона, чрезвычайно важная для христиан, – «Воскресение Христово» или «Сошествие во ад». Это икона, собственно, изображает страстную субботу, когда Христос, умерев на кресте, сошел во ад, чтобы вывести из него томящихся там праведников. На ней изображен Иисус, попирающий ногами сломанные ворота ада и буквально вырывающий из черного жерла ада Адама и Еву. Так, между Его смертью и Его воскресением происходит этот акт величайшей любви. И становится понятным, что «пространство» между нашим рождением в земную жизнь и рождением в жизнь вечную, – тем, что мы называем смертью, заполнено Его любовью к нам, ради чего Он и пошел на крестную смерть.

Его подвиг повторяют святые, жизнь которых не полна без их смерти. Как правило, святой не умирает в своей постели. Так было в древности, так случается и теперь. Жизни отца Шарля де Фуко, отца Александра Меня, брата Роже трагически оборвались именно так. Об отце Александре Мене известно, что он знал о готовящемся покушении и не сделал попытки избежать его. Он не избрал смерти, но согласился на нее, так как «если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно» (Ин 12:24), и посеянное им при жизни растет. Свидетельство этому – множество обращений по его книгам. С неба он ведет нас. Может быть, какая-то бесплодная часть Церкви должна засохнуть, как смоковница, чтобы впоследствии дать плод в виде Закхея, способный осознать, Кто перед ним и возблагодарить. Что же касается искусства, то поэзия говорит так:

*«И чем зеркальней отражает
Кристалл искусства лик земной,
Тем явственней нас поражает
В нем жизнь иная, мир иной».*

(И. Анненский)

Или написанные в 1937 году в Воронеже строки Мандельштама:

*«И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище
Раздвижной и пожизненный дом».*

Апостол Павел писал в письме к Тимофею: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовит-ся мне венец правды...» (2 Тим 4:7-8). Отец Александр Мень ска- зал: «Она (жизнь вечная – Л. Р.) как звезда, как неугасимый огонь, уйдет с нами по ту сторону жизни. Загоревшись в темноте нашего земного пути, она будет с нами на бесконечных просторах мира Божия, когда будет разорвана оболочка праха, и мы уйдем в бес- конечность. Жизнь вечная – это жизнь в Боге, с Богом, в Его люб- ви, Его тайне» (Слово перед исповедью).

Еще одна тема в русском искусстве, о которой хотелось бы по- говорить, – смерть без воскресения. Об этом картина Н. Н. Ге «Со- весть. Иуда». Лучшего и более точного изображения такого, каза- лось бы, неизобразимого понятия, как *совесть*, в искусстве, по- жалуй, нет. Формат картины горизонтален. От ее левого нижнего угла начинается каменистая дорога, залитая ядовито-зеленым лун- ным светом. Дорога поднимается вверх к правому верхнему углу. В самом начале дороги, слева, – фигура, завернутая в плащ, как в саван. Это Иуда, уже получивший свои тридцать сребренников. Он тоже весь залит этим ядовитым лунным светом и медленно и мучительно движется по дороге. Там, в ее видимом конце, – кос- тер, люди, тепло. Но ему туда не дойти. Он беспредельно одинок,

это, поистине, состояние богооставленности, пейзаж после атомной катастрофы, хотя видимых разрушений нет. Они – внутри. Нет и катарсиса покаяния. Есть обличение совестью без веры в прощение, а следовательно, в воскресение.

Еще один аспект этой темы, бесконечно важный, может быть, важнейший для нас, смертных, – это смерть и воскресение *в этой* жизни. Конечно же, речь идет о воскрешении Лазаря. Это одно из самых загадочных мест в Евангелии. Иоанн описывает это событие очень подробно (Ин 11:1-45). Сестры Лазаря Мария и Марфа послали сказать о его болезни Иисусу: **«Господи! Вот, кого Ты любишь, болен. Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий»**. Он не поспешил в Вифанию, чтобы исцелить больного. Он пробыл на месте, где находился, еще два дня. И только тогда сказал ученикам, что Лазарь уснул, и что Он хочет пойти разбудить его. Он прибавил еще, разъясняя им, что **«Лазарь умер, и радуясь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали...»**.

Придя в Вифанию и найдя Лазаря, уже четыре дня как умершего, увидев плачущих сестер его Марию и Марфу, а также их друзей, Иисус **«восскорбел духом и возмущился»**. Идя ко гробу, Он прослезился. Иисус идет воскрешать Лазаря, но идет **«скорбя внутренне»**. При этом Он говорит Марфе: **«...воскреснет брат твой... Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек»**. И Он выполнил обещанное. Лазарь вышел из гроба по молитве Иисуса: **«Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня»**.

«Я и знал»... Но почему же скорбел, почему прослезился? Быть может, потому, что видя плачущих людей «стал сейчас, как смертные, как мы», как сказал Борис Пастернак? Или потому, что смерть, эта страшнейшая из всех разлук, не была создана Богом, но пришла в мир и, как Дамоклов меч, висит над каждым? Да, мы верим,

как и Марфа, «**в воскресение, в последний день**». Но эта вера только немного смягчает страшное горе разлуки, не утешая полностью. Значит ли это, что наша вера слаба, если временное расставание для нас так мучительно, что не исцеляет от боли даже уверенность в будущей встрече и вечной жизни? Есть ли ответ на эти вопросы? Наверное, ответ в Его *подлинных* предсмертных муках на кресте и Его *подлинной* смерти. И еще ответ можно найти в святости, и тогда становится понятно величие подвига отца Александра Меня, *знавшего* и, тем не менее, сказавшего Богу: «Да будет воля Твоя».

ДЖОВАННИ ГУАЙТА

**РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА
У СВЯЩЕННИКА-ИНТЕЛЛЕКТУАЛА
В АТЕИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ПРИМЕРЫ
ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО И АЛЕКСАНДРА МЕНЯ.¹**

Джованни Гуайта – итальянский писатель, историк и богослов, учился в Женеве, Флоренции, Москве и Санкт-Петербурге. Более 20 лет изучает Православие, а также историю и культуру России и Армении. Преподает в Московском Государственном Университете.

Ему принадлежат различные работы по русской духовности и переводы русской духовной литературы (среди которых – произведения А. Меня, П. Флоренского, С. Булгакова, «Откровенные рассказы странника», литургические тексты). Он составитель обширного Словаря по православной агиологии и хрестоматии по мариологии (почитанию Богородицы в русской духовности). На тему армянской истории, культуры и духовности им написаны четыре книги: «Жизнь человека: встреча неба и земли» (предисловие С. С. Аверинцева), «1700 лет верности» (предисловие К. Н. Бакиш), «Крик с Арабата. Армин Вегнер и геноцид армян» и «Шейх Файез эль-Гусейн о геноциде армян: «ислам непричастен к их деяниям!»

Репрессии, преследования, нарушения прав человека в отношении верующих всех конфессий, приверженцев самых различных Церквей стали неотъемлемой частью советской истории, которая началась на следующий день после революции и продолжалась до конца 80-х годов. Тем не менее эта постоянная величина не была

¹ Международный конгресс «Исторический опыт советского коммунистического тоталитаризма: Праведники против Гулага». Милан, 9–11 декабря 2003 г.;

16-я Международная конференция памяти прот. А. Меня «Религия и культура». Москва, 22–23 января 2007 г.

одинаковой по степени интенсивности и по своим проявлениям в разные периоды советской власти.

В первые двадцать лет после революции (во время военного коммунизма, НЭПа, полного захвата власти Сталиным после смерти Ленина, в период коллективизации и раскулачивания и, наконец, в годы террора и великих «сталинских чисток») предпринимались попытки полного физического уничтожения Церкви: учинялись расстрелы и депортация иерархии, конфискация церковного имущества и разрушение церквей, принудительная экспатриация верующей интеллигенции. Позднее, с начала войны до смерти Сталина (в 1953 году), русской Церкви и другим Церквам, существовавшим в СССР, с трудом, но всё же удавалось найти *modus vivendi* способ существования, который позволял им выжить – в условиях строгих ограничений, безмолвно и осмотрительно – в рамках атеистического государства. Затем последовало ещё одно крайне трудное для верующих десятилетие: во время хрущёвской *оттепели* коммунистическая партия вела упорную идеологическую борьбу против религиозной веры. Дальше, в течение почти двадцати лет «застоя», когда у власти стоял Брежнев, Церкви чинились всяческие препоны бюрократического характера, и государственная репрессивная машина использовала для её подавления не только тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря, но также психиатрические клиники. Затем при Андропове положение верующих, как и многих инакомыслящих, ещё более ухудшилось и осталось в сущности неизменным во время короткого правления Черненко и в первые годы власти Горбачёва. Ощутимое изменение политической стратегии государства в отношении религии произошло лишь в 1988 году, в преддверии празднования тысячелетия крещения Руси. Но инерция системы идеологического контроля и нестабильность «перестройки» приводили к новым ущемлениям прав верующих практически вплоть до распада СССР.

Если формы преследования менялись с течением времени, то разной была и реакция на него самих верующих, позиция, которую они занимали по отношению к советской власти. Она коле-

балась от тотального противостояния режиму, от непреклонного разоблачения всех противоправных действий и героического самопожертвования до пособничества властям и полного компромисса. Находясь между этими двумя крайностями, многие христиане пытались сосуществовать с коммунистическими властями: одни содействовали строительству советского общества и при этом недвусмысленно исповедовали свою веру; другие не противостояли власти, но и не заключали с ней союза, живя как бы во внутренней ссылке, замкнувшись в ограниченной одним лишь культом вере; третьи, сводя к минимуму возможность встречи и столкновения с представителями власти, противостояли государственному атеизму, отдавая все силы ответственному и творческому свидетельству веры.

Я не собираюсь сейчас рисовать хронологическую картину преследований за веру в СССР. В этом докладе я представлю лишь два конкретных примера жертв антирелигиозной ненависти. Речь идёт о Павле Флоренском и Александре Мене. Жившие один в начале, а другой в конце советской эпохи, эти две фигуры, эти два священника-интеллектуала как бы охватывают весь период гонений за веру, и в их судьбах прослеживаются удивительные аналогии. Павел Флоренский и Александр Мень заплатили кровью за свою верность Христу и за свою гениальность. Люди науки и Церкви, оба они склонялись к синтетическому видению мира, в котором наука и вера, культура и религия не только встречаются и гармонично взаимодействуют между собой, но и составляют единое целое. Они подтвердили практикой жизни и собственным мировоззрением отмеченное Флоренским однокоренное происхождение слов *культура* и *культ*.

Александр Мень и Павел Флоренский каждый по-своему работали систему понимания действительности, основанную на единстве. Оба достигли необычайной гармонии теоретической мысли и конкретной жизни. Имея возможность эмигрировать, оба осознанно предпочли остаться в России и разделить участь своего народа.

И, наконец – это самый интересный аспект, – и один, и другой не пассивно терпели преследования, но были, несмотря на них (и, несомненно, именно в ответ на них), чрезвычайно активны: в крайне трудных условиях они сумели создать труды, имеющие огромное значение для современников и для последующих поколений. Именно такая «положительная реакция» на давление властей стала, на мой взгляд, той отличительной особенностью, которая главным образом позволяет дать личности как Флоренского, так и Меня не только определение *свидетель* – так переводится с греческого языка христианское слово *martyros* (мученик), – но и *праведник*. Действительно, они решительно стояли на стороне преследуемых, они сохраняли собственное интеллектуальное достоинство, не утратив способности мыслить независимо, вопреки навязываемой идеологии и оставались до конца верными своим принципам. Более того, они продолжали верить в то, что можно в любых условиях трудиться на благо мира и активно действовать, отдавая все свои силы и способности на служение человечеству.

Павла Флоренского часто называют «русским Леонардо». Поистине его гениальность и многогранность феноменальны: он был биологом, физиком, математиком, инженером и одновременно философом, богословом, филологом, специалистом в области эстетики, литературы, музыки, живописи и так далее.

Флоренский родился в Азербайджане, в городке Евлахе, 9 января 1882 года. Его мать была армянкой, отец русским. Блестяще закончив 2-ю классическую гимназию в Тифлисе, он в 1900 году поступил на Физико-математический факультет Московского Университета. По окончании учебы (1904), отказавшись от работы на математическом отделении факультета, он поступил в Московскую Духовную Академию. В 1910 году Флоренский женился и в следующем году был рукоположен во священники. Всю свою жизнь Флоренский продолжал научные изыскания и параллельно писал богословские и философские труды. В период, предшествовавший революции, он был близок к кругам символистов, к литературному и культурному авангарду Москвы.

После революции он принял решение не эмигрировать: такой выбор отличал его от большей части верующей интеллигенции и его друзей, которые или сами покинули страну, или были изгнаны из нее государственными властями. Флоренский уговаривал многих «не оставлять корабля» и однажды ответил группе учеников, которые настойчиво спрашивали его, допустимо ли при определённых обстоятельствах эмигрировать: «Те из вас, кто чувствует себя достаточно сильными, чтобы сопротивляться, должны остаться, а те, кто боится и не ощущает в себе твёрдости и уверенности, могут уехать». Что же до него самого, он предпочёл не просто остаться, но продолжать научные исследования и активнее участвовать в общественной и культурной жизни страны, не скрывая при этом ни своей веры, ни своего священнического сана.

Так священник Флоренский был одновременно профессором во ВХУТЕМАСе (Государственной Высшей художественно-технической мастерской), где преподавал «Анализ пространственности в художественных произведениях», ученым секретарем в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, членом «Главэлектро» (Центрального управления электрификации России) и «Гозлро» (Государственного Электротехнического института), автором большого числа статей много томной Технической Энциклопедии, выпущенной в 1927-33 годах, и редактором нескольких её томов.

Флоренский принимал участие в различных совещаниях, проводимых руководством этих организаций, и во всякого рода научных симпозиумах, при этом регулярно приходил на эти собрания в подряснике.

Для того, чтобы должным образом оценить смелость его поведения, нужно помнить, что в 20-е годы партия взяла под контроль всю культурную жизнь страны и производила «чистки» среди интеллигенции, устраняя из неё все неудобные элементы. Таким образом к концу 20-х годов из России исчезло большинство наиболее антиконформистски настроенных и активных деятелей

культуры: одних изгнали, депортировали, расстреляли, другие уехали из страны сами, были и такие, которые лишили себя жизни или были убиты под видом самоубийства. В их числе оказались богословы Булгаков и Бердяев, философы Струве и Лосский, художник Шагал, писатели Гумилёв, Есенин, Иванов, Бальмонт, Бунин, Шмелёв, Ремизов, Набоков, Цветаева, Мережковский, Гиппиус и многие, многие другие. В те годы с Флоренским познакомился Лев Троцкий, который открыто конфликтовал со Сталиным. Удивлённый при виде Флоренского, пришедшего в рясе на научное совещание, он довольно резко спросил его о причине такого на его взгляд неуместного выбора одежды. Флоренский ответил ему: «Я православный священник и не снимал с себя сана, поэтому я не могу иначе». Обезоруживающий ответ завоевал симпатию лидера большевиков, и с тех пор он с большим уважением относился к «попу-учёному». Флоренский был в хороших отношениях и с Бухариным. Но знакомство с высокопоставленными политическими деятелями, противниками Сталина, оказало, безусловно, пагубное влияние на его судьбу.

Именно 1925–33 годы, столь трудные для интеллектуальной элиты России, стали самыми плодотворными в творческой деятельности Флоренского. В это время он преподаёт и пишет статьи для Технической Энциклопедии. Помимо наиболее значительных богословских трудов, к этому периоду относятся исследования по теории искусства и философии речи и различные изобретения в области химии и электротехники. В 1927 году он изобрёл незамерзающее машинное масло (которое называли *деканитом* в честь десятилетия революции). Только с 1927 по 1933 годы он представил около сорока заявок в государственное патентное бюро на изобретения электроматериалов и изоляторов. В частности, он определил состав *карболита*, первой выпущенной в Советском Союзе сверхтвёрдой чёрной пластмассы, из которой с 20-х по 60-е годы делали телефонные аппараты и настольные лампы: этот материал инженеры старшего поколения до сих пор называют «пластмассой Флоренского». За 30 лет до появления транзисторов Флоренский

запатентовал полупроводники, впоследствии сыгравшие очень важную роль в развитии электроники.

По прошествии недолгого времени у слишком дерзкого попа-учёного, который был бельмом на глазу у большевиков, начались неприятности. В 1928 году он впервые был осуждён как реакционер и социально опасный элемент и сослан в Нижний Новгород. Годом ранее Троцкого исключили из партии, и в 1929 году он был вынужден покинуть страну. Но первый приговор, вынесенный Флоренскому, отменили по ходатайству весьма влиятельной персоны: Екатерины Павловны Пешковой, жены Горького.

Однако в феврале 1933 года Флоренского арестовали во второй раз и заключили в камеру на Лубянке. Его приговорили к десяти годам лагерей за принадлежность к несуществующей «Контрреволюционной националистской, фашистской и монархистской организации». На основе секретных документов, которые КГБ передало родственникам Флоренского только в 1991 году, можно утверждать, что в момент ареста в 1933 году Флоренский сознательно пошёл на то, чтобы быть отправленным в лагерь, так как в этом случае несправедливо обвинившие его коллеги могли бы получить свободу. Дело в том, что один из его коллег, профессор права, арестованный пятью годами ранее, поддался настояниям и угрозам ОГПУ и подписал заранее сфабрикованные свидетельские показания, согласно которым несколько ученых, и в том числе Флоренский, были замешаны в вымышленном «деле». Последний, узнав о том, что признание им своей «вины» избавит от ада лагерей человека, донёсшего на него, согласился с ложными обвинениями.

По словам самого Флоренского евангельская готовность «положить душу за друзей своих» является врождённой особенностью, присущей личности *праведника*. Он писал: *«Были праведники, которые с особой остротой ощущали зло и грех, присутствующие повсюду, и в своём сознании не отделяли себя от этой поврежденности мира; с огромной болью они брали на себя ответственность за грех всех людей, как будто это был их личный грех, дви-*

жимые неодолимой силой, заключённой в необычной структуре их личности».

После нескольких месяцев заключения в Москве, в августе 1933 года, началась жизнь Флоренского в исправительных лагерях. В октябре его доставили на Дальний Восток (в посёлок Свободный, затем Сковородино), а ещё почти через год, в сентябре 1934-го, направили в лагерь на Соловецких островах.

В 1937 году, когда отмечалось двадцатилетие революции, Сталин решил покончить с «врагами народа»: за два года было арестовано 7 миллионов человек, которые добавились к пяти миллионам, уже содержащимся в лагерях к январю 1937 года. По причинам, связанным, кроме прочего, с проблемами размещения заключённых, в конце 1937 года многие из них были уничтожены. Среди них оказался и Павел Флоренский: его вместе с пятьюстами товарищами по лагерю перевезли с Соловков в Ленинград, где их, ночью 8 декабря 1937 года, расстреляли в лесу на окраине города.

Флоренский обладал унитарным (и тринитарным) восприятием космоса, жизни и знания: точные науки, философия и эстетика составляли в его мировоззрении единое целое. *«Что я делал всю жизнь? – пишет он в письме сыну, меньше, чем за год до расстрела – Рассматривал мир, как целое, как единую картину и реальность, но в каждый данный момент или, точнее, на каждом этапе своей жизни, под определенным углом зрения. Я просматривал мировые соотношения на разрезе мира по определенному направлению, в определенной плоскости и стараясь понять строение мира по этому, на данном этапе меня занимающему, признаку».*

В эпоху полного уничтожения традиционных духовных и нравственных ценностей, в то время, когда страну терзали мучительные раздоры, он предложил новый синтез христианской веры и мировой культуры, осуществив таким образом то, что намеревался сделать ещё в молодости: постараться *«гармонично соединить всё учение Церкви с философско-научным и художественным видением мира»* (из письма к матери). Отмечая это единство у Флоренского веры и разума, мистики и научной мысли, религии и

культуры, Булгаков говорил: «В нём встретились и соединились культура и Церковь, Афины и Иерусалим».

Но это ещё не всё. Мысль Флоренского всегда отражала его образ жизни и находилась в гармонии с ним: его мыслительная деятельность, в том числе теоретическая абстракция и научный поиск, никогда не была в отрыве от его собственного жизненного опыта. В нём исследователь и священник, учёный и богослов неотделимы друг от друга: этим в частности объясняется посещение им научных конференций в подрабочнике.

Но именно такая религиозность – всеохватывающая, просвещённая, открытая по отношению к светской культуре – была крайне опасна для режима и ненавистна большевистским властям.

На протяжении всей жизни, верный своему двойному призванию священника и учёного, Флоренский никогда не переставал учиться, изобретать, делать научные открытия, творить. Он оставил после себя не только живую память и духовное наследие, но ему принадлежат вполне конкретные изобретения и доведенные до конца исследования. Казалось, внешние обстоятельства не имели никакого влияния на его невероятную способность творить.

После первого ареста в 1928 году Флоренский участвовал в составлении Технической Энциклопедии: многие его статьи служили справочным материалом для тысяч советских граждан (на протяжении многих лет после его смерти), и никто не знал или не помнил о том, что их автор – священник, который был заключён в лагерь и в 1937 году расстрелян. Заключенный в камере на Лубянке, он нашёл в себе силы и спокойствие послать государственным властям *Проект будущей структуры государства* – небольшой политический трактат, написанный философом в ожидании отправки в лагерь.

И, наконец, в течение почти пяти лет пребывания в лагерях Флоренский продолжал творческую работу и получил важные результаты в области науки и техники. И это несмотря на тяжелейшие условия, в которых содержались заключённые, несмотря на голод, холод, унижения, на физическое изнеможение и полной-

шее одиночество (он испытывал не только душевное одиночество из-за отсутствия рядом родных, но также интеллектуальное и духовное, поскольку был лишён какого-либо религиозного утешения).

В посёлке Сковородино на Дальнем Востоке, на станции БАМ-лаг (на Байкало-Амурской магистрали, построенной заключёнными и пересекающей территорию вечной мерзлоты) он устроил себе лабораторию. Здесь он пережил период исключительно плодотворной умственной деятельности, продлившийся год: он продолжил начатое в Москве изучение изоляционных материалов и электротехники, исследовал явление вечной мерзлоты и довёл до конца разработку технологии для постройки зданий в её условиях. Эти разработки до сих пор применяются в инженерном деле (как в промышленном, так и в жилищном строительстве) и известны под его именем. Позднее город Норильск, один из самых северных городов мира, расположенный за полярным кругом, а также современные кварталы промышленных сибирских городов Салехарда и Сургута были построены с применением метода Флоренского.

В то время как Флоренский отбывал заключение в Сковородино, супруга Горького, насколько нам известно, во второй раз просила власти о его освобождении и почти добилась цели. Говорят, что Масарик предлагал советским властям перевести его в Чехословакию. Но случилось непредвиденное. В сентябре 1934 года Флоренского внезапно перевели на Соловки. Древний монастырь, оплот православия, был переустроен в лагерь и из многовекового очага русской духовности превратился в мрачный символ сталинской репрессивной машины, став одним из самых страшных мест деспотизма XX века, где неистовство диктатуры привело к невероятному числу жертв. Здесь было отнято более миллиона человеческих жизней.

Флоренский прибыл на Соловки, после длинного и изнурительного этапа, покрытый синяками и гематомами, с разбитыми очками, в изорванной обуви, с ослабленной памятью. Климатические условия крайнего Севера и лагерный уклад жизни – жёсткость по-

стоянного надзора, полная изоляция от всего мира, строгий контроль над корреспонденцией – оказались несравненно более тяжёлыми, чем в предыдущем лагере. Флоренский переживал этот перевод как самую настоящую душевную драму: он чувствовал себя сосланным в нереальный мир лжи и варварства, в мир, в котором всё казалось ему глубоко чуждым и враждебным: даже архитектура монастыря, суровая северная природа, полярный день и полярная ночь...

И всё же он, подавленный физически и духовно, и здесь принялся за дело. Продолжил изучение вечной мерзлоты, разработку антиобледенителей, строительных технологий. Кроме того, он усовершенствовал методику извлечения йода и агар-агара из водорослей: помимо проведения научных исследований по этой теме, он организовал промышленное производство йода (Йодпром). В последние дни заключения на Соловках Флоренский исследовал благотворное действие йода в профилактике гриппа и лечении дисфункции щитовидной железы. Именно он впервые предположил, что для правильного воздействия йода нужно сочетать его с молекулами молочного белка. На основе этого его последнего открытия разработаны некоторые современные препараты, используемые в лечении нарушений, связанных с недостатком в организме йода (и, следовательно, необходимые для избежания его последствий – сердечных, иммунологических, гинекологических и психических).

Всем этим он занимался с воодушевлением, которое сам вменил себе в обязанность: вынужденный выдерживать напряжённый ритм работы фабрики по производству йода, он писал своим родным, что как учёный не чувствует себя ущемленным, потому что *«процессы в природе можно сравнивать скорее с заводским производством громадных размеров, чем с лабораторным опытом»*. Сама враждебность природы, казалось, даёт ему стимул для работы; и это всего лишь через месяц после столь тяжёлого для него перевода на Соловки: *«Сейчас я занят обдумыванием (в частном порядке, это не относится к моей служебной работе), как*

можно организовать здесь комплексное производство – целый комбинат – добычи брома из морской воды с использованием энергии ветра и приливов в хорошо замкнутом цикле различных процессов и продуктов. (...) Постепенно также продумываю различные варианты добычи йода и других продуктов из морских водорослей. По существу тут, в вопросе о водорослях и бrome, очень много важного интересного, и притом тесно связанного с моими работами по электрическим материалам».

В течение всего времени, проведённого в заключении, Флоренский поддерживал оживлённую переписку с семьёй. Эти письма, особенно после прибытия на Соловки, были его единственной связью с внешним миром.

Он писал по ночам, после изнуряющих рабочих дней на фабрике, за счёт сна. Заключённый мог отправлять ограниченное число писем в месяц (хотя Флоренский, выполняя сверхурочную работу, вместо премии часто добивался разрешения на дополнительные письма); ограничено было и количество страниц. Поэтому в каждом письме он делил место на бумаге между женой, пятерыми детьми и матерью. Он писал каждому согласно его интересам и потребностям. Он был нежным мужем и необычайно внимательным отцом, заботился об образовании детей. В своих письмах он подстёгивал старшего сына Васю, поскольку считал его слишком робким и недостаточно усердным, обсуждал науку со вторым сыном Кириллом, учеником Вернадского, ободрял младшего, Мика, который только начинал учёбу... Дочь Ольгу после его ареста исключили из школы, и у неё начались проблемы с нервами, поэтому отец старался сам дать ей образование – в письмах из лагеря.

В этих письмах, наряду с немногими новостями о его жизни в неволе, рассуждениями о природе, о себе, о его семье и роде, практическими советами близким, Флоренский затрагивал бесчисленное множество тем и давал детям самые настоящие уроки физики, математики, геометрии, инженерного дела, ботаники, минералогии, философии, эстетики, литературы, живописи, музыки, русской и всемирной истории. Он писал о генеалогии, об

этимологии имён и фамилий, а также прислал дочери составленный им самим гербарий с подробнейшими рисунками различных видов водорослей.

Таким образом это оригинальное собрание писем в определённом смысле представляет собой труд, обобщающий энциклопедические знания Флоренского; это последнее, самое трагическое и самое возвышенное его выражение. С кафедры лагеря заключённый в нём русский Леонардо в последний раз переформулировал в письмах своё унитарное видение действительности.

Всё это говорит о том, что Флоренский в условиях преследований не только до конца сохранял в неприкосновенности свою религиозную веру и своё синтетическое видение мира, но и продолжал творить и создавать, несмотря на невыносимо тяжёлые обстоятельства, превратив сам лагерь в свою кафедру.

* * *

В один из самых драматических моментов своей жизни, после трех месяцев заключения в Соловецком лагере, Павел Флоренский пишет жене: *«Верчусь я целый день, с утра до поздней ночи, но не знаю, много ли из этого проку (...) Все какое-то здесь пустое, как будто во сне и даже не вполне уверен, что это действительно есть, а не видится как сновидение. Позавчера мне минуло 54 года. Конечно, этот день не был ничем отмечен, зачем мне отмечать его без вас? Пора подводить итоги жизни. Не знаю, каков будет суд, признает ли он что-нибудь хорошее за мною, но сам скажу, что старался не делать плохого и злого, — и сознательно не делал. Просматривая свое сердце, могу сказать, что никакого нет у меня гнева и злобы».*

Положение заключенного поистине трагично; настолько, что он ошибается в расчете собственного возраста: 22 января 1935 года — дата, которая в григорианском календаре, введенном Лениным в 1918 году, соответствует 9 января по старому, юлианскому календарю — ему в действительности минуло 53 года.

В этот же грустный для соловецкого узника день рождения появился на свет Александр Мень. Он родился в Москве в неверующей еврейской семье. Его мать с ранней молодости тянулась к христианству, и после знакомства с некоторыми членами Православной Катакомбной Церкви у неё установилась с ними глубокая духовная связь. Она приняла крещение вместе с сыном, когда тому было несколько месяцев. Так маленький Алик стал расти в обстановке катакомбной Церкви, которую именно в те годы оросила кровь многих мучеников. Многочисленные нити связывали людей, окружавших его в детстве, с великой духовной традицией Оптинских старцев, со святым Иоанном Кронштадтским и другими русскими святыми. В лоне этой общины – в то время, когда его сверстники штурмовали классику марксизма-ленинизма и «гениальные сочинения товарища Сталина» – юный Александр Мень открывал для себя Священное Писание и труды Отцов Церкви.

Опыт, пережитый в катакомбной Церкви, которая была вынуждена совершать таинство Евхаристии в маленьких группах на частных квартирах и в деревенских избах, оставил глубокий след в душе будущего отца Александра, и не только потому, что этим опытом он вдохновлялся впоследствии, когда кропотливо создавал свою общину: он с самого начала привык видеть Церковь прежде всего как живую общину, а потом уже как место культа.

Александра с детства интересовало священническое служение, но прежде, чем осуществить то, что – как оказалось в дальнейшем – было его призванием, он решил получить высшее биологическое образование. Он считал, что в стране «научного материализма» служитель Бога должен хорошо разбираться в науке и быть открытым для *диалога*. Прежде всего для диалога в самом себе, затем для диалога с культурой, со светской мыслью, с современностью. Но это ещё не всё. Наука и действительность были для него рычагами веры: *«Природа была моим первым учебником богословия»*, – сказал он позднее. Он также говорил: *«Я входил в лес или в палеонтологический музей, как входят в церковь»*. Блестяще сдав все выпускные экзамены, дипломник Мень был исключён из

института незадолго до выдачи дипломов. КГБ сообщил в деканат, что этот будущий биолог посещает церковь и оказывает ей помощь, что он поддерживает связь с епископом... В СССР человек, у которого всё ещё оставались религиозные предрассудки, не мог рассчитывать на то, чтобы стать учёным.

В 1958 году Александр Мень был рукоположен в дьяконы в Москве и 1 сентября 1960 года стал священником. Это было время десталинизации. Но если новая линия партии, поощряемая ее генеральным секретарем, для многих представителей интеллигенции означало надежду на долгожданную идеологическую свободу, то в отношении религии дело обстояло совсем иначе. Никита Хрущев, постановивший за двадцать лет построить в Советском Союзе коммунизм, в 1958 году начинает агрессивную антирелигиозную кампанию: закрываются половина церквей, большая часть семинарий и почти все монастыри. В государственной печати почти ежедневно появляются нападки на Церковь и веру. Назначается год, когда последний поп будет помещен в музей, а в 1961 году Юрий Гагарин, вернувшись из космоса, рассказывает о том, что не нашел там следов Бога...

В те годы все Церкви в СССР становятся объектом новой волны преследований и ограничений; на этот раз, однако, борьба с религией принимает иные формы и ведется совершенно другими методами. Во время войны были ликвидированы различные ассоциации по пропаганде атеизма. Так, в 1947 году был закрыт *Союз Воинствующих Безбожников*, а популярный журнал *Безбожник* не выходил с лета 1941 года. Конечно, на заре 60-х годов, когда на повестке дня партии стояла «оттепель» и терпимость к инакомыслию, уже нельзя было возобновить расстрелы и депортацию; невозможно было и вернуться к старым методам борьбы, например, печатать карикатуры образца 20-х годов, на которых высмеивались толстые попы. Нужно было придумать что-то новое. Так, кампания против религиозных предрассудков приобретает отныне научную окраску: плановое государственное издательское дело будет уделять много места публикациям, посвященным атеизму,

в сентябре 1959 года основывается журнал *Наука и религия*; в борьбе с религией участвуют и другие многотиражные издания, такие, как *Знание – сила*, *Наука и жизнь*. В различных высших учебных заведениях наряду с кафедрами марксизма-ленинизма и диалектического материализма открываются кафедры научного атеизма.

К этому власти добавляют законы, ограничивающие деятельность Церкви, а всемогущие государственные чиновники прибегают к самым немыслимым бюрократическим придиркам. Например, священник может служить только в одном приходе, многие культовые сооружения запрещается использовать по назначению по «причинам» санитарного характера, из соображений безопасности или в целях «сохранения художественного наследия» (после чего им спокойно дают превратиться в развалины); закрываются церкви, находящиеся вблизи школ, поскольку они посягают на атеистическое воспитание молодежи, закрываются храмы, которое посещает большое количество верующих, потому что они «создают помехи уличному движению», и так далее. Некоторых священников арестовывают как тунеядцев, паразитов на теле общества. Через средства массовой информации партия широко пропагандирует случаи вероотступничества.

В таком контексте и начал своё служение молодой отец Александр, и с самого начала чётко проявилась его необычайная одарённость: он одновременно был прекрасным *пастырем* и глубоким *ученым-интеллектуалом*. В разных деревенских приходах Московской области, в которых ему приходилось служить, он основывал группы по изучению Священного Писания, приобщения к христианской жизни, добровольной службы помощи больным и пожилым людям; он устраивал встречи семей и молодёжи, организовывал детские праздники. Этот энергичный, открытый и образованный священник, который мог одинаково компетентно беседовать как о богословии, так и о литературе или кино, привлёк к себе интерес многих представителей московской интеллигенции. Каждое воскресное утро всё большее число москвичей садилось в

электропоезд и отбывало по направлению к деревенскому храму, где служил отец Александр. Он невольно стал духовным ориентиром для интеллигенции или по словам литературоведа Сергея Аверинцева, «миссионером для племени интеллигентов». Александр Мень общался с Солженицыным, когда тот открывал для себя христианство, он крестил поэта Александра Галича, в числе его постоянных прихожан была Надежда Мандельштам, вдова выдающегося поэта, павшего жертвой сталинских репрессий: перед ее смертью он совершил над ней таинство соборования. Он состоял в дружеских отношениях со знаменитой пианисткой Марией Юдиной (которая в прошлом поддерживала тесные контакты с Флоренским) и со многими деятелями искусства, литераторами, актёрами и режиссёрами.

В маленькой церкви в *Новой Деревне*, где отец Александр служил в течение двадцати лет, столичные интеллектуалы бок о бок с местными «бабушками» образовали необычную и живую христианскую общину, которая в гуще атеистического, агрессивно антирелигиозного общества на примере самой своей жизни показывала, что такое Церковь. Каждый прихожанин был членом одной из малых групп, собиравшихся раз в неделю, чтобы читать Священное Писание, молиться, делиться духовным опытом, материальными благами и талантами. При помощи такой организации прихода Александру Мень удалось в разгар коммунизма воспитать целое поколение православных мирян. В лоне его общины родились произведения искусства религиозного содержания: литературные, поэтические и музыкальные, в том числе джазовые, а также спектакли. Вначале они ставились на сцене, читались и исполнялись втайне, на квартирах и дачах, а позднее, с наступлением «перестройки», стали известны широкой публике.

Отец Александр был неутомимым пастырем, не жалевшим ни сил, ни времени на заботу о своей общине. Он был постоянно, с самого рассвета, занят делами прихода: отпевание усопшего в Новой Деревне, тайное крещение в московской квартире, встреча группы, беседа с человеком, оказавшимся в затруднительном по-

ложении... И при этом он находил возможность заниматься научной деятельностью и литературным творчеством. Начиная с 60-х годов, он написал удивительно большое количество произведений, как популярных, так и научных: от многочисленных толкований Священного Писания и книг о Церкви и православном богослужении до руководства по изучению Ветхого Завета, предназначенного для богословских академий, от монументального *Библиологического Словаря* (изданного в Москве совсем недавно, через много лет после смерти автора, в трёх больших томах) до диафильма для детей, от жизнеописания Христа, которое пользовалось необычайным успехом, до книг о великих религиях. Ни одна книга Александра Меня не была издана в России при его жизни. Многие его труды сначала тайно передавались из рук в руки, переписанными от руки или отпечатанными на машинке, затем они были опубликованы на русском языке в Брюсселе, под разными псевдонимами, и проникали в Советский Союз по случайным каналам, провозились на дне чемоданов иностранцами, которые хотели помочь верующим в СССР. Некоторые сочинения отца Александра изданы посмертно, многое ещё находится на стадии публикации; отдельные книги переведены на различные языки.

В течение нескольких лет отец Александр создавал труд в шести томах, в котором прослеживается духовный путь человечества. Начинается это повествование с общих вопросов о науке и вере (I том, *Истоки религии*) и с того, как зародилось религиозное чувство в эпоху первобытной цивилизации (II том, *Магизм и единобожие*), продолжается рассказом о духовности Китая и Индии (III том, *У врат молчания*), даёт представление о греческой философии, мифологии и трагедии (IV том, *Дионис, Логос, Судьба*), подходит к золотому периоду ветхозаветной религии и ее великих пророков (V том, *Вестники Царства Божия*), и, наконец, даёт обобщение духовного состояния древнего мира в период, предшествующий проповеди Иоанна Крестителя (VI том, *На пороге Нового Завета*).

Духовный путь человечества, очерченный в этой работе, как бы находит затем своё продолжение в евангельской истории, рассказанной в новой книге – жизнеописании Христа (*Сын Человеческий*), составленном на основе исторических источников, данных библейской археологии, экзегетики и герменевтики, но написанном в жанре романа. Это, безусловно, шедевр отца Александра, идеальное завершение и венец всего его творчества. Эта биография Иисуса сопровождала Александра Меня всю его жизнь: от первых задумок в возрасте четырнадцати лет, когда он набросал в тетрадке схему будущего произведения и сделал первые иллюстрации к нему, до издания и нескольких переизданий книги, до последних поправок, внесённых им в текст уже в год своей гибели. Эта книга помогла обрести веру тысячам советских людей. Её общий тираж на русском языке составляет уже более четырёх миллионов, и она постоянно переиздаётся. Опубликованная в 1996 году в Италии, она была затем напечатана на десяти других языках, и в настоящее время готовятся её переводы ещё почти на десять языков.

Шеститомник Александра Меня, имеющий общий подзаголовок: *«В поисках пути истины и жизни»*, говорит о том, что он воспринимает христианство не только как завершение Ветхого Завета и кульминацию иудаизма: в его понимании это цель всякого духовного устремления человека. Вся мыслительная деятельность, научные изыскания, жажда истины и красоты приводят человека к личности Иисуса Христа. Если, с одной стороны, такая концепция христианства делает Александра Меня духовным преемником Соловьёва, Флоренского и Булгакова, то с другой стороны – роднит его с западными мыслителями, такими как Тейяр де Шарден. Христос – конечная точка эволюции, ее «омега», но в то же время Он начало нового времени, «альфа» Жизни. *«Христианство только начинается»*, – повторял Александр Мень. А в эпитафии биографии Христа он пишет: *«Столетия, минувшие с пасхального утра в Иудее, не более чем пролог к богочеловеческой полноте Церкви, начало того, что было обещано ей Иисусом. Но-*

вая жизнь дала только первые, подчас еще слабые ростки. Религия Благой Вести есть религия будущего».

Такое динамическое восприятие христианства означает, что христианин, хотя он и спроецирован в будущее, призван действовать *hic et nunc, здесь и теперь*, отдавать все силы построению Царства Божия. Этот труд – содействие творению Божию и, следовательно, это творчество, реализация собственных творческих способностей. Вот почему отца Александра Меня всегда окружали люди творческие. Для него Церковь, которая никоим образом не являет собой оплот обскурантизма, была идеальной средой, где таланты человека раскрываются и приносят плоды, где он полностью осуществляется как личность. Отсюда также положительный взгляд Меня на культуру и искусство, его нежелание слишком строго разделять «священное» и «мирское», его вера в Церковь, которой не нужна крепостная стена, отгораживающая её от мира.

Что касается дела его жизни, то, конечно же, Александр Мень – и как пастырь, и как мыслитель – считал, что оно состоит в провозглашении Евангелия всем людям. Исследователь по натуре, широко одарённый и энциклопедически эрудированный, он всегда старался не быть жертвой синдрома интеллектуала, замкнувшегося в своих познаниях, как в башне из слоновой кости. *«Мой нынешний долг – замешивать чёрный хлеб на каждый день; а когда все будут сыты, вы приготовите пирожные»*, – говорил он своим ученикам. И если он не разработал свои исследования так, как хотел бы и мог, если не довёл до конца начатые научные работы, то только потому, что в условиях советского общества, в котором жил, он осознавал более неотложную необходимость универсального благовестия, обращённого ко всем и всем понятного.

Это осознание безотлагательности христианского свидетельства ещё больше обострилось в последние годы его жизни. Долгий период брежневского застоя завершился; несмотря на неопределённость и многие противоречия, положение верующих в СССР стало меняться к лучшему: эти изменения начались в 1988 году, накануне тысячелетия крещения Руси. И Александр Мень, едва

увидев проблеск свободы, вышел на солнечный свет. Он стал первым православным священником, который переступил порог государственной школы, чтобы провести там беседы о религии, он первым организовал постоянную добровольную службу помощи и духовной поддержки при детской больнице, первым основал народный православный университет, открытый для всех...

С утверждением «перестройки», в последние два года его жизни, отец Александр всё чаще участвовал в открытых дебатах и конференциях. Месяцы, предшествовавшие его смерти, стали ярким заключительным фейерверком блистательных выступлений:

Александра Меня по несколько раз в неделю приглашали в кинотеатры, школы, университеты, на государственное радио и телевидение. И на самой вершине этого апофеоза, 9 сентября 1990 года, в воскресенье, в пять часов утра, когда отец Александр отправился в церковь служить литургию, на его голову обрушился топор неизвестного убийцы.

После тринадцати лет расследований, несмотря на заинтересованность этим делом тогдашнего президента СССР Горбачёва и председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина, несмотря на широкий общественный резонанс, который получило это убийство, и на давление со стороны интеллигенции, печати и различных международных авторитетных лиц, оно по сей день остаётся нераскрытым. Едва ли убийца Александра Меня будет когда-либо найден. Из всех выдвинутых версий наименее убедительная (но наиболее активно разрабатываемая различными следователями, сменявшими один другого) – та, согласно которой это убийство было случайностью, делом рук неуравновешенного человека. На самом деле отец Александр стал слишком неудобным и в те годы, когда заговорили о *гласности*, не оставалось уже другого средства, кроме топора, чтобы заставить замолчать его голос.

Кто вложил топор в руку профессионального убийцы, чем он руководствовался, простым политическим расчётом, направленным на дестабилизацию ситуации, или желанием свести старые счёты, или антисемитизмом, или своего рода православным фун-

даментализмом или, что вероятнее всего, совокупностью всех этих факторов?

В действительности эти вопросы бесполезны, ибо подлинная причина гибели Александра Меня, также как и Павла Флоренского, и многочисленных других мучеников XX века – это извечная ненависть мира к праведнику. «Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам... Тяжело нам и смотреть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь других» (Прем 2:12-15), говорят между собой нечестивые в книге Премудрости Соломона. В письме от 1937 года из лагеря на Соловках Павел Флоренский дает свое объяснение этого явления – стремления учинить чудовищную расправу над праведником и гением. Жалуясь на тот факт, что советская критика возносит изысканную хвалу Пушкину, он утверждает, что *«на Пушкине проявляется лишь мировой закон о побивании камнями пророков и постройке им гробниц, когда пророки уже побиты. Пушкин не первый и не последний: удел величия – страдание, – страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет (...) Ясно, свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем безкорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома её (...) За свой же дар величию приходится расплачиваться своей кровью. Общество же проявляет все старания, чтобы эти дары не были принесены»*.

В случаях с Павлом Флоренским и Александром Менем, я полагаю, можно с уверенностью сказать, что – хотя советская репрессивная система и сделала всё возможное с целью помешать им принести в дар свою гениальность, вплоть до того, что отняла у них саму жизнь, – им всё равно удалось передать этот дар, оставив тем самым неизгладимый след в истории духовности и культуры XX века. Наше сегодняшнее собрание доказывает правильность слов Священного Писания: «В вечной памяти будет праведник» (Пс 111:6).

ВЕРА И ЖИЗНЬ

Архимандрит Павел (Груздев)
(1910-1996)

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)

РОДНИК ЛЮБВИ

Воспоминания об архимандрите Павле (Груздеве)

10 августа 1989 года я с моими друзьями приехал к отцу Павлу Груздеву в село Верхне-Никульское Ярославской области.

Свернули не на ту дорогу и поэтому к храму шли через лесок, канаву с мостиком, через дворы.

Храм виден издалека. Еще совсем рано. Солнце поднимается, согревая утреннюю прохладу. Сердце радуется беспредельной дали, полям, лугам, вот этой проселочной дороге, которая вверх и вниз ведет к храму. Как свободно и легко дышать.

Рядом с большим белокаменным храмом Святой Троицы церковный домик, тоже белокаменный. Одинокaй каменщик занят своим делом. Глухой, не слышит, что спрашиваем.

Подходим к домику. Стучу и говорю: «Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас».

Через некоторое время шум за дверью, слышен мужской голос:

– Кто там?

Повторяю молитву.

– А! Сразу видно монах.

Дверь открывается. Вижу приветливое доброе лицо старца. Он невысокого роста, обут в валенки. На нем брюки, коротенькая мантия, скуфья. В очках. Чем-то похож на отца Иоанна Крестьянкина. Второй отец Иоанн.

Сразу же приглашает в келью.

– Заходи, заходи. Вот посмотри, как живу.

Вхожу в полумрак кельи. Батюшка сам белоснежный, весь светится. Вспоминаю притчу о блудном сыне. Вот так отец встречает сына, и в радости великой все сокровище отдает. Батюшка заводит в отгороженный уголок. Здесь он отдыхает, молится.

Отводит занавеску, за ней икона «Взыскание погибших». Она чудотворная.

– Ее еще не время открывать, – говорит батюшка и опускает занавеску.

Без моих вопросов он сам начинает о себе рассказывать.

– Одиннадцать лет был в ссылке. Видишь, от этого потерял зрение. И очки с толстыми линзами не помогают. Несколько операций сделано, но уже не исправить.

Видно у него от этого большая печаль.

Рассматриваю келью, фотографии на стене. Много знакомых лиц: Иоанн Кронштадтский, патриарх Тихон, ленинградский митрополит Никодим, а вот саровская юродивая Паша.

Батюшка показывает на фотографию другой юродивой – Моя Енька с куклами. Годов шесть как умерла. А жила вот здесь.

Он ведет меня в маленькую комнатку. В углу кровати и сейчас сидят две куклы. – Это Евгении куклы. Теперь здесь спит Манька, моя помощница.

– Это святой человек был, – добавляет отец Павел. – Ее Паша Саровская куклой благословила.

Спрашиваю: – А в чем заключалось ее юродство? – Евгения с куклами разговаривала как с людьми. Мы с ней по всем монастырям ездили. Были в Почаеве.

Идем в сторожку, где выпекают просфоры. Отец Павел месит тесто, ставит печати быстрым и ловким движением рук. Дело подходит к концу.

Он вынимает из печки большой чугунный котел с печеными овощами.

– Какое я тебе сейчас кушанье приготовлю, – говорит батюшка, – Шаквоен называется, ты такого никогда не ел.

Он ловкими быстрыми движениями прикручивает мясорубку к столу и начинает перекладывать содержимое чугушка. Пока готовится чудное кушанье, крутится мясорубка, батюшка поет:

*На речке Обноре в прекрасной долине
Святая обитель смиренно стоит.*

*Она вспоминает минувшее время,
Она вспоминает прожитую даль.*

Потом он поет «О дивный остров Валаам», перемешивая овощи в миске.

– Я пятьдесят лет священник, а монашествовую всю жизнь, – прерывает пение рассказом о себе отец Павел. – В детстве пришел я к своим теткам в монастырь, они все три были монахини. Евстолия – коровница, Ольга – иконописка, Елена – просфорница. Отцовы сестры.

В Афанасьевском Мологском женском монастыре жил с трех лет. Он стал для Павла вторым домом.

В 1918 году туда приехал патриарх Тихон. Его тепло приняли. Игуменья предложила гостю помыться в бане, туда пригласили и восьмилетнего, как его называли, Павёлку.

Отец Павел вспоминал, как они друг другу терли спину.

Патриарх благословил послушника Павёлку носить подрясник, своими руками надел на него ремень и скуфейку, тем самым как бы дав ему свое святительское благословение на монашество.

Но монашеский постриг отец Павел принял только в 1962 году. Однако всю жизнь считал себя монахом. Своим ангелом он называл преподобного Павла Обнорского. Когда принял постриг, ангелом его стал святитель Павел, патриарх Константинопольский.

Много лет отец Павел провел в заключении, пострадал за веру.

Были пытки, побои, голод и холод, издевательство урок. Урки его не любили за то, что работал хорошо. Один из них как-то нарисовал его портрет на стене как попа и написал: «Груздев – поп».

Отец Павел не стал стирать, хотя хотелось. Подписал внизу: «Умный пишет на бумаге, а дурак на стенках»

В 1947 году он вышел из зоны, пробыв в ней 11 лет. Вернулся домой, на мологскую землю, устроился рабочим в «Заготсен-пункт». Отец Павел всегда говорил, что тюрьма научила его жить, развила в нем простые человеческие качества. «Спасибо тюрьме!», – говорил он.

Архимандрит Павел (Груздев) у иконы
Божией Матери «Достойно есть»

Потом начал служить в сельской глубинке в селе Верхнее-Никульское. Прихожане сразу полюбили отца Павла за его любовь к людям, милосердие. В воскресные дни и в будни было многолюдное паломничество. К нему шли за утешением и благословением монахи и миряне, за советом как к великому старцу.

И днем, и ночью служил он требы, никому не отказывал. Когда ночью будили его, вставал и шел в храм. Был щедр, всем помогал, даже птицам. По два ведра картошки варил для голодных грачей.

Когда причащал детей, всегда из алтаря выносил им яблоки, конфеты, печенье.

Идет по улице, ребяташек подзадоривает: «Ну-ка, наперегонки! Раз, два и бегом до храма!» Дети бегут с батюшкой, только пятки сверкают.

Стоит в храме на амвоне, говорит проповедь. Голос сердечный, проникает до глубины души. И все чувствуют, что это отец, который их любит. Любовь его изливалась необыкновенная, каждый ощущал на себе его внимание.

От него всегда едешь, говорили люди, как на крыльях. Твой внутренний мир совершенно изменился – праздник в душе, хочется жить.

Рядом с ним как в космосе, вспоминал один священник.

Однажды к батюшке приехал военный с мыслями о самоубийстве, так ему было тяжело. А батюшка видит, что человеку плохо, но ни о чем не расспрашивает, поит чаем, что-то расскажет, пошутит, по плечу похлопает. И вот этот человек посидел с батюшкой и среди шуток, каких-то рассказов, баек, получил от батюшки ответы на все жизненные вопросы, с какими он к нему приехал. И обратно возвращался совсем другой человек – все понятно, как жить и блеск в глазах и прилив мира душевного.

Батюшка молился всей душой. Его молитва была из самого сердца.

Я помню, как в алтаре стоял с ним у престола. После освящения Святых даров отец Павел, получив записку помолиться о здравии, поклонился и, смотря на Святые дары, просил по-простому,

как своего отца: «Господи, помоги Сережке, у него что-то с семьей... И этому помоги, и этому. Господи! Молитвами праведников помилуй грешников». Обращаясь к Господу, он говорил с ним так, как будто перед ним стоял человек.

Когда его спрашивали люди, как надо молиться, он говорил им: «Как умеешь, так и молись».

Отец Павел был очень жизнерадостный, несмотря на то, что время было трудное. Он сохранил ту радость, которую может дать только вера в Бога. Вера дала ему силы преодолеть и гонения, и лишения, и болезни, которые его посещали.

В течение всей жизни он бережно собирал духовную поэзию, сказания и предания, пословицы, поговорки, загадки, прибаутки – собирал по крупицам народную мудрость, которую и положил в основание своей веры. «Где родился, там и пригодился, а умру, от вас не уйду». «День трудись, а ночь молись».

Художественная одаренность чувствовалась в каждом слове батюшки – он был художником в душе. С виду простая речь, но каждое слово – образ, да не в бровь, а в глаз. «Не ищи красоты, а ищи доброты».

В старости, когда стал немного полнеть, шутил: «Был я конек, а теперь горбунок».

У отца Павла была тяга к поэзии. Он писал стихи для детей, короткие и длинные.

Прокричал быку цыпленок:
–Ты не бойся, я не трону,
я дружить с тобой хочу,
Кукарекать научу.

Вместе с владыкой Никодимом (Ротовым), когда тот был ярославским архиереем, сочинил «Акафист самовару».

Радуйся, самоварче-варче,
Монашеский угодниче!

Радуйся, крепким чаем,
В тебе вскипяченным,
монашеские сердца увеселяющий!

Батюшка прикидывался «стариком-дураком». Возьмет и пропоеет «хулиганскую» частушку во время чинной застольной беседы. Бывало, тут и архиереи, и священники сидят, а он такое выдаст.

Особенность подвижничества отца Павла в том, что он юродствовал.

Юродство было его глубокой оппозицией по отношению к действующей власти и одновременно его защита. «Если я юродствовать не буду, меня опять посадят». Об это юродство Христа ради разбивались и доносы, и наветы, и проверки властей, и даже указы архиереев.

Как-то ярославский владыка, наслышанный об отце Павле, решил перевести его из отдаленного сельского района к себе поближе – в Федоровский кафедральный собор. Расчет был материальный. К батюшке приезжало много народа, он был поистине старец всея Руси. Но отца Павла не перехитришь.

К приезду архиерея в Верхнее-Никульское старец облачился в такую рвань, что смотреть стыдно, и пошел чистить отхожее место.

Приезжает владыка. А от отца Павла запах – не фимиама, и вид соответственный.

– Да зачем мне эта деревенщина!- решил архиерей. И уехал во свояси.

А батюшка говорит: – Сиди, лягушка, в луже – не было бы хуже!

– Подальше от царей – голова целей! И добавлял шутливо: – Поближе к кухне, где сытней.

Сама Эпоха располагала к иносказательной речи. Когда нельзя говорить правду, приходится говорить притчами.

Юродствуя, он прикрывал свою святость. Он порою выражался грубовато, но чувствовал и верил нежно и возвышенно.

Возвышенное состояние его души очень ощущалось и передавалось людям даже тогда, когда батюшка не утешал, а наоборот, обличал и бранил. Отругает тебя последними словами и в то же время возвысит. – Не знаем, как это у него получалось, – говорили люди. – И не обидно, и на душе светло.

Он в любом человеке ценил прежде всего доброе сердце, а в женщине – особенно.

Батюшка мечтал в Верхнее-Никульском «монастырек» создать, как в Мологе – женский.

– Наберем девок-дурочек человек двадцать, – говорил он

– Батюшка, а почему дурочек?

– Да умные все разбегутся!

Отец Павел имел дар прозорливости, т. е. он умел слышать, что ему скажет Господь.

Молодой человек собирался в армию. Однажды придя в сельскую баню отец Павел увидел его. Узнав, что он не крещен, батюшка решает крестить его здесь, не откладывая на завтра. А на другой день этот парень внезапно умирает.

Постепенно отец Павел начал угасать физически. Свою кончину предсказал.

Отказали почки. Лежал в реанимационном отделении. Настоятель собора со вторым священником его причастили. Успокоился. Позже пособоровали.

Второй раз причастили в час ночи 13 января 1996 года. Он был без сознания, но принял все. В палате было благоухание.

А в 10 часов 10 минут батюшка умер. Его отпевали 38 священников и 7 диаконов во главе с владыкой Михаилом.

Лежал в простом свежеструганном гробу. От гроба такая свежесть исходила как в сосновом лесу.

Похороны были в день празднования преподобного Серафима Саровского, которого он очень почитал, – 15 января 1996 года.

Похоронили отца Павла на Леонтьевском кладбище. Лег в тесной оградке рядом с отцом и матерью.

13 января 2005 года, спустя 9 лет со дня кончины, после вечерни прихожане Леонтьевского храма в Тутаеве пошли вместе со священником на могилку отца Павла. Идут на кладбище – тьма, а у бабушки – светлым-светло.

А черный мраморный крест на могиле благоухал. Это благоухание отличалось от запаха ладана при каждении на литии.

Все присутствующие ощутили необычность происходящего.

Отец Павел имел божественный дар веры и любви. Это была светящаяся в движениях, взгляде, тихом слове, делах – любовь.

Он был родником любви, который никогда не иссякнет, к которому шли и будут всегда идти все, кто был с ним.

– Умру, а от вас не уйду. Никогда. – Так сказал он всем людям.

ВЛАДИМИР ЛАДИК

ХЛЕБНЫЕ КРОШКИ¹

(Афоризмы и изречения)

Автор книги – Ладик Владимир Кузьмич – родился 6 апреля 1947 года. Художник, поэт, религиозный мыслитель, христианский аскет – подвижник, скиталец лесов и полей, ныне совершающий свое служение на древней Полоцкой земле.

В глазах современного общества его мирозерцание и образ жизни настолько необычны, что многими рассматриваются как юродство во Христе.

Я назвал бы жизнь свою несчастьем, если бы в ней не было счастливой встречи с Богом.

Не стремись познать Бога разумом. Бог есть любовь. А любовь познается сердцем.

Рождение свыше начинается с момента осознания своей виновности пред Богом, пред людьми и самой жизнью.

Человек всегда чей-то раб. И только став рабом Божиим, он во истину свободен.

Если жаждешь быть прощенным и оправданным Богом на Небе, беспощадно суди себя на земле.

Мы слишком часто говорим Богу: «Поддай!», но почти никогда не говорим: «Возьми!»

¹ Фрагменты из книги: Владимир Ладик. «Хлебные крошки». Избранные духовные записи 1993–2005 гг. Смоленск, 2006 г.

Старость должна более чем молодость облачаться в одежды покаяния и смирения, потому что она есть завершение земного пути. Кающемуся и смиренному гораздо меньше угрожает старческое слабоумие, часто вырастающее на почве капризного самолюбия.

Для Бога нет ни православного, ни католика, ни протестанта: для Бога есть только праведник и беззаконник.

К сердцу человека Господь может прийти только по слезам покаяния, как по утренней росе.

Вся история человечества есть отчаянная попытка стать умнее Бога и хитрее дьявола.

Дух лукавый очень хитро и легко уклоняет нас на поиски чужих грехов: «Ты их ищи, ищи, чтобы некогда было замечать свои. Чем больше видишь чужие, тем меньше свои кажутся!»

Жизнь есть страдание. И научиться жить – это значит научиться сострадать.

Господь вне времени. Он ни в прошлом, Он ни в будущем, Он всегда в настоящем.

В абсолютном смирении перед Богом и заключается великое мужество.

Настоящая живая вера рождает стремление к подвигу.

Самый громкий голос во Вселенной – это голос кающегося сердца.

О, если бы мы знали силу молитвы и ее необходимость, то молились бы не так и не столько.

Только тот, вступил в Завет с Господом, кто на великую жертву Христа ответил своим личным самопожертвованием.

Совесьть – это живая нить, связывающая человека с Богом. Нет совести – нет и человека.

Верная дорога на земле лишь та, которая ведет к Небу.

Собственный внутренний мирок и «царство Божие внутри нас» – это понятия противоположные. В своем внутреннем миреке властвует «мое я», то есть мои личные желания, а «царство Божие внутри нас» есть отстранение «моего я» и утверждение над собою власти Бога посредством абсолютного соблюдения Его заповедей.

Всякий человек на земле грешник, но не всякий – подлец.

Желание человека господствовать над другими людьми и живыми существами есть свидетельство его больного духа.

Если бы люди в точности исполняли то, что написано в Евангелии, то они знали бы, как относиться и ко всякой живой твари.

Тот, кто научился в своих несчастьях видеть наставление свыше, воистину блаженный.

Открыть глаза на самого себя страшнее, чем заглянуть в жерло проснувшегося вулкана.

Совесьть – влаголюбивое божественное растение. Для его жизни и цветения не жалей покаянных слез. Увядшая совесьть – это духовная смерть.

Грех – это стена, отделяющая человека от Бога. Сокруши ее – и уже ничто не будет разделять тебя с Создателем.

Даже в бесплодной и страшной пустыне падшего мира можно прорасти райским цветком, если солнцем всей твоей жизни будет Господь.

Счастье – в покое и умении довольствоваться малым.

Истинное христианство не от мира сего и потому всегда этим миром гонимо. Отсутствие гонений не является заслугой демократических институтов власти, но служит ярким свидетельством вырождения истинного христианства.

Даже малый грех может представлять для души немалую опасность, так как влечет за собою больший грех.

Умирая, не цепляйся за уходящую жизнь, но приготовься к новой.

Смирение есть умение приводить свою душу в состояние покоя вопреки всем ударам судьбы.

Самая древняя и самая массовая религия этого мира – религия власти и богатства.

Образ Церкви – истинной Христовой Невесты – нам дан в Евангельских заповедях блаженства. Она нищая, плачущая, кроткая, алчущая, и жаждущая правды, милостивая, чистая сердцем, миротворческая и гонимая за правду.

Только такая Церковь, которая не от мира сего, как и ее Небесный Жених, может быть солью земли и светом миру.

А что не так, то от лукавого!

Чем более человек свят, тем большего грешника он в себе видит.

У построившего храм Божий внутри себя весь мир становится храмом.

Разум, совесть и воля даны человеку для того, чтобы он работал над собой.

Нет спасительных религий, спасительная есть только любовь.

Лучше не спорь, ибо в споре очень редко рождается истина. Но зато как часто гнев и обида омрачают душу.

Рожденный свыше – это человек, создавший храм Духа Святого внутри себя.

Евангелие говорит нам, что весь мир лежит во зле. Это суровое утверждение абсолютно справедливо.

И одно из самых ужасных проявлений мирового зла заключается в том, что сильный пожирает слабого.

Учение, не освобождающее человека от этого зоологического состояния, не является божественным.

Только тому открывается Бог, кому жизнь без Бога не нужна.

В Бога верят многие, боятся – некоторые, но как мало любящих Его.

Стремящийся обрести власть над людьми всегда теряет власть над самим собой.

Образ истинного христианина не должен быть подвластен времени и месту, так как имеет своей целью отразить в себе образ Иисуса Христа, который вчера, сегодня и вовеки тот же.

Не печалься, когда померкли земные дороги. Подними свой взор, и ты увидишь, как просветлело небо.

Сколько несчастий в этом мире от того, что очень мало людей, любящих жизнь, и так много любителей пожить!

Нас, родителей, глубоко огорчает непослушание детей, но разве мы сами послушны Отцу нашему Небесному?

Дальше всех от истины тот, кто утверждает, что ею обладает.

Совершая земной путь, держись за бедный хитон нищего Христа, тогда после смерти будешь держаться за Его блистающие ризы.

Стань частью всего живого и не созерцай окружающее с высоты царственной гордыни своей. Вместе с деревом устремляйся к небу в ясный солнечный день и в грозную бурю вместе с цветком клонись к земле. И пусть боль и страдание всего сущего найдут пристанище в твоём сердце.

Живая молитва – это крылья души, возносящие ее в Царство Божие.

Боже милосердный! Как прекрасно о Тебе рассказывают цветы и мудро вещают звезды. Но сколько глупостей о Тебе наговорили люди и, что еще хуже, – написали столько книг!

Освободи свою душу от всего земного, и она наполнится небесным. Удали из души свое «я» – и она станет обителью Бога.

Голгофа Христа – это величайший памятник Божией любви и страшный символ человеческой бесчеловечности.

На оклеветавшего тебя или обокравшего не гневайся, ибо с ним случилась беда гораздо большая, чем с тобой. Помолись о нем.

Когда ведешь тяжелую духовную брань, не давай укорениться в своем сознании мысли, что страдаешь за правду. Считай, что терпишь за грехи свои.

Сила и красота веры прежде всего в жажде правды Божьей и уже потом в личном спасении.

Если сердце твое сжала боль за все живущее под солнцем, прославь Бога. Это Он посетил тебя.

Камнем преткновения к личному покаянию лежит порочная привычка падшего человека делать виновным в своих грехах кого-то.

Глубину веры человека можно измерить его отношением к смерти.

Только осознав в полноте всю трагедию бытия этого мира, всей душою возжаждешь величайшую необходимость пришествия Христа на Землю для избавления страждущих от бесчисленных страданий.

В наше время христианство превращают в религию любви к самому себе.

Бог вознес человека над всем творением Своим не для того, чтобы человек сам, начав безмерно превозноситься над всем твореньем Божьим, дошел до превозношения над самим Творцом.

Чтобы возрастать в духе и истине – сердцем и умом поселись в Евангелии: будь там, живи там и ходи вослед за Христом, внимая Ему.

Ум без совести – самая опасная форма безумия.

Делай добро всем, и даже неблагодарным. Делай это Христа ради и никогда не жди благодарности ни от кого. Пусть это добро будет твоей благодарностью Христу, перед которым мы все в вечном долгу. Делай так, и доброта твоя не оскудеет от разочарования.

Ты спрашиваешь, кто твой ближний? Если поблизости видишь нуждающегося в помощи, знай, что он и есть сейчас твой ближний. Помоги ему, чем можешь.

Рожденного ползать не пытайся научить летать. Рано или поздно будешь им ужален.

Чем более удобно мы устраиваемся в обывательском ложе, тем более непробудным сном засыпает наш разум и совесть и все очевиднее разрастается в мутной душе ненасытная похоть сытой жизни.

Когда человек очень жаден, об этом знают все окружающие, кроме его самого.

Не теряй присутствия духа при своем пустом кошельке и для просящего подаяние нищего найди доброе слово. А если изречь совершенно нечего, не поскупись на сочувствующую улыбку. Но если и ее не можешь изобразить должным образом, перестань кривить рот и признай, что на большее пока еще не способен.

Настоящий учитель и сам всю жизнь учится. Переставший учиться не должен учить других.

Быть светом миру – значит пребывать в любви. Быть солью земли – значит жить по совести.

Путь к духовному обогащению лежит через добровольное материальное обнищание. Это и есть обретение святой Евангельской бедности. Святой, потому что земное приносится в жертву небесному. Это одна из величайших жертв, совершаемая глубоко верующим. Она необходима для освобождения и усиления его духа, восходящего к Богу.

Все средства и пути аскетизма оправданы только тогда, когда делаются во имя достижения любви.

Деньги порождают самую опасную и коварную иллюзию свободы, за которой лежит реальная бездна нравственного падения и самого губительного духовного рабства.

Безразличный к Богу находится в худшем положении, чем отрицающий Его.

Если бы кто-то видел даже все царства мира, видевший Царство Божье – видел больше.

Истинно богат тот, у которого нечего взять и с которого нечего снять, кроме украшающих его добродетелей.

Находящийся под благодатью не будет веселить сердце вином, ибо в Господе радость его.

Христос своей жизнью и смертью указал нам путь победы над этим миром, победив его Сам. Иди этим путем след в след за Христом, исполняя буквально Его учение, и мир тебя не одолеет.

Непослушание Богу в конечном итоге есть богоборчество.

Живущий во Христе уже на земле небожитель.

Что может дать падший мир жаждущей душе праведника? В лучшем случае губку с уксусом, подобную той, которую приложил к окровавленным устам жаждущего и страждущего на Голгофе Христа.

Бог не обещает избавить нас от скорбей земной жизни, но Он дает силы уповающим на Него претерпеть их до конца.

Сотворение Адама – это сотворение самим Богом первого храма на земле.

Никто не может стать настоящим учителем, не будучи до этого примерным учеником.

Величие любви Божьей познаю всем сердцем своим, видя, каких грешников она собою покрывает. И каждый раз, согрешая сам пред Богом, вновь и вновь восклицаю: «Что бы делал я со своей бесконечной порочностью без Твоей бесконечной любви, Боже?!»

В цепях материального рабства гибнет человеческий разум.

Достоин уважения тот, кто, осознав себя неправым, готов в любом возрасте начать жить сначала.

Только разумная аскеза дает плоды духовного роста, чрезмерная – оглушает.

Венцом праведника на небесах будет увенчан тот, кто на земле за правду Божью не страшился склонить свое чело под терновый венец страданий.

Основная причина дурного характера – в непомерном самолюбии. Чем меньше его, тем лучше и добрее человек.

Быт пожирает все! В его чреве погибают все вероисповедания и все идеи.

Первое покаяние – это весеннее пробуждение души человеческой, а ее слезы – капель оттаявшего сердца.

Дряхлеет наш мир: разбухает и разлагается изнутри современная цивилизация. Некоторые в тревоге ожидают конца света. Но это напрасно. Конца света никогда не будет, а вот конец тьмы уже близок.

Главное различие между живой верой и мертвой религией в том, что вера есть жизнь по духу, религия – жизнь по букве. Вера – это когда милость превозносится над судом, а религия – это суд без милости.

Те, кто пытаются согреть деньгами душу, не замечают, как сжигают свою совесть.

Во все дни жизни твоей и на всяком месте води себя, как в храме, потому что храм Божий, как и Бог, не имеет границ.

Постоянное покаяние есть основа христианской веры. Оно всему начало и конец. На покаянии, как на камне незыблемом, создаем в себе храм Божий. С покаяния начинаем Новую жизнь во Христе и им заканчиваем свой земной путь. Без покаяния тщетны молитвы наши, как и мертва сама жизнь, какой бы духовной она ни казалась.

Утраченный рай – это утраченное единство с Богом.

Всякие попытки обрести рай без Бога всегда ошибочны и трагичны. Яркий пример тому – история строительства атеистического коммунизма.

Отвергнувший спасительную роль Христовой Церкви подобен человеку, рискнувшему покинуть корабль в открытом море.

Путь к достижению совершенной любви труден и может быть сравним с добровольным мученичеством. Ведь любить – значит жертвовать.

Среди многих скорбей жизни человек несправедливый тешит себя мыслью, что страдает за правду. А праведный всегда думает, что страдает за неправду свою.

Падших ангелов называют бесами, но почему падших людей продолжают называть людьми?

Христа убили религиозные фанатики. Приди Он вновь – и все опять повторится сначала, потому что религиозный фанатизм видел и всегда будет видеть в Христе своего смертельного врага.

Бог всегда с тем, кто хочет умалиться, а диавол с тем, кто ищет возвышения.

Три несчастья подстерегают человека: власть, богатство и слава. Каждое из них поработачивает и удаляет от Бога.

Уйти с этой земли к Богу можно только дорогой любви.

Христианин в своем духовном развитии не может стоять на месте. В работе над собой он должен идти от победы к победе. В противном случае он будет катиться от поражения к поражению.

Что мешает человеку возлюбить Бога всем сердцем своим, всей душою и всем разумением своим? Прежде всего, любовь к самому себе.

Глубокая живая вера есть подготовка к жизни после смерти, а поверхностная религиозность всего лишь инструмент приспособления к этой земной жизни.

Конечный результат разумной аскезы – есть растворение в Боге, то есть растворение в любви.

Многие верующие пытаются вести борьбу со своей гордыней, но в итоге теряют свое человеческое достоинство, а в гордыне еще более возрастают. Причина в неумении различать эти два противоположные понятия.

Не стремись постичь Бога всем разумом, а стремись полюбить Его всем сердцем.

Зло творит человеческая немощь. И только святость обретает силу с ним бороться.

Иуда Искарот, предавший Иисуса Христа, во всем христианском мире является олицетворением самого гнусного предательства. Но что интересно, Иуд вокруг нас немало и сейчас, но встречался ли вам хоть один, который подобно Иуде Искароту, терзаемый совестью, удавился?

Храни свой дух от телевидения, ибо оно существует для того, чтобы ты обо многом узнавал, но потерял возможность во всем этом разбираться.

Будь смиренномудрым и не теряй своего человеческого достоинства: потеряв свое, перестанешь ценить достоинства других.

Кто по-настоящему ждал пришествия Иисуса Христа, тот дождался. Ибо каждый истинный христианин, соблюдающий во всей полноте Евангельское учение, пережил лично пришествие и воцарение Иисуса Христа в своем сердце.

Как бы тяжела ни была жизнь, не хули ее. Она есть великая школа познания добра и зла, из которой каждый выносит свое, создавая на нем потустороннее бытие.

Чтобы правильно относиться к жизни, нужно часто думать о смерти.

Воцарившийся в сердце Христос есть воцарившееся в сердце Его Слово.

Чем большие мы потребители, тем большее зло причиняем окружающему миру. Суть аскезы в том, чтобы, довольствуясь самым малым, уменьшить причиняемое зло.

К познанию Бога иди дорогой самопознания. Глубокое познание самого себя приведет тебя к искреннему покаянию и плачу о самом себе. Только таким тебя услышит Бог и начнет открывать Себя.

Умей различать проповедников. Иные из них под прикрытием неба хорошо устроились на земле.

Современная цивилизация пытается бороться с загрязнением окружающей среды, продолжая при этом все более активно загрязнять человеческие души. Желание жить по-свински в экологически чистом мире – замечательный знак нашего времени.

Осталось уже совсем немного – и права человека превратят общество в нечеловеческое.

Горе от ума – удел редких личностей. Но зато горе от глупости – явление всенародное и по праву уже давно может считаться не только нашим национальным достоянием.

Не каждый страдалец – святой, но каждый святой – страдалец.

Проповедовать Христа нужно всей своей жизнью, а без нее все слова только пустословие.

Аскеза – есть всегда добровольная нищета. Человек, ставший на такой путь, отвергает этот мир, но и сам отвергается миром, ибо мир наживы презирует нищету.

С понятиями «я» и «мое» борись, как с самым лютым своим врагом.

Где границы Божьей любви? Его солнце светит всем живущим, Его любовь питает всю Вселенную. Таковой должна быть и любовь Божьего человека.

Не исполняя воли Господа, как смеешь просить Его о чем-либо?

Человек настолько тщеславен, что, даже называя себя грешником, непременно добавляет – «великим».

Евангельская святость и богатство несовместимы. Святой, отдавая себя Богу, обретает свободу от власти всего земного. А богатый не может совершить такого, потому что не принадлежит самому себе, а является сторожем богатства, во власти которого находится.

Чем более преуспеваешь в достижении любви, тем ближе ты к истине, ибо любовью все познается и все измеряется.

Велика дерзость наша, когда, поступая по своей воле, говорим: «На все воля Божья».

Вера в свою исключительность — это полет гордой мечты, всегда прерывающийся унижительным падением как человека, так и народа.

Христианству гораздо меньше удалось преобразить человечество, чем человечеству удалось исказить христианство.

Конечный и высший результат веры достигается тогда, когда Бог и Царство Небесное становятся единственной подлинной реальностью нашего бытия, в свете которых материальный мир тает подобно призраку.

Приходящего не во имя свое, а во имя Божие ждет в этом мире бесчестие, скорби и даже мученичество. Поэтому голос его — это всегда глас вопиющего в пустыне.

Парадокс так называемого научно-технического прогресса в том, что человек, попав в плен своих изобретений, продолжает и дальше создавать все более умные машины, становясь при этом сам глупее и глупее.

Земная гнусность, прикрываемая небесным покрывалом — это и есть лжехристианство, результатом многовековой деятельности которого явится воцарение антихриста.

Господь Иисус Христос страдал и умер на кресте из-за наших грехов, и поэтому каждый возрожденный христианин должен ощущать всем сердцем, что он повинен в Его Голгофских страданиях.

Церковь есть Невеста Христова, но если она вступает в тесный союз с государством, то рискует отдавать Божие кесарю, таким образом предавая Христа и становясь блудницею.

Растраченная юность и безбожная старость – вот она, дорога из ниоткуда в никуда.

Существует только один путь примирения различных христианских Церквей – это отказ от своей исключительности и глубокое осознание общности вины перед Богом, человечеством и природой.

Церковь только в том случае является божественным организмом, а не человеческой организацией, если она на земле не только не принимает участия в мировом зле, но всеми силами противостоит ему.

О человек! В душе твоей ангел с бесом борется. И кому из них победить – решать тебе.

Верит в Бога тот, кто в Нем видит Отца. А для кого Он – все-ленский разум, тот философствует.

Нет истинного покаяния без осознания вины перед всей тварью Божией.

Делающий тебе зло себе делает зло большее. Помни об этом – и не будешь питать ненависти к врагу.

Любовь и Мудрость – сестры и идут рука об руку, рядом. Мудрость без Любви – не мудрость, и Любовь без Мудрости – не любовь.

Христос есть Слово Бога Живого, которому нужно верить и Его исполнять. Исполнение Слова делает человека новой тварью.

Душа искренне служащего Богу не погибнет ни при каких обстоятельствах, но будет спасена, подобно Ною от потопа, Лоту из Содомы и Павлу от фарисея Савла.

Велика спасительная жертва Христа, но без строгого соблюдения спасительного закона Его учения не надейся достичь Царства Божия.

Жизнь земная без веры в жизнь вечную теряет смысл. Представьте себе короткий зимний день, уходящий в бесконечную ночь, за которой никогда не наступит утро. Как странно, что многих это вполне устраивает.

Бог есть любовь. И каждый человек, живущий по закону любви, знает Христа. Если не по имени, то по Духу.

Пророк и пустынный Иоанн Креститель, живя на земле, был образом покаяния и ожидания Мессии. Наполни и ты свою жизнь покаянием и ожиданием Христа – и преходящий земной мир для тебя станет пустыней.

Строго соблюдающий пост – это человек, стоящий на посту у врат своей души.

Христианину не следует в этом мире, довольствуясь самым малым, бояться быть бедным и униженным, дабы князь мира сего – сатана – не сказал: «Если ты служишь Христу, то зачем берешь мое, ибо богатство, славу и власть даю я, а если живешь всем моим, то зачем называешь себя христианином?»

Многовековая хроническая болезнь нашей церковной жизни в том, что виноват всегда не пьяный поп, а тот, кто сказал, что поп пьян.

Живущий любовью к Богу всегда подвижник. Ведь настоящая любовь жертвенна, а жертвенность – это подвиг.

Спасаящийся во Христе! Подойди к зеркалу и внимательно разгляди самого опасного врага своего спасения.

Ты просишь у Бога мудрости. Но разве тебе не указана дорога к ней? Разве Тот, Кто сама Мудрость, не призывает тебя следовать за Ним? Так чего же ты просишь?

Иди за Христом, соблюдая все, что заповедано Им.

В этом и есть мудрость.

Семя веры, попавшее в благодатную душу, должно возрасти в ней древом верности.

Пристанище бесам – душа себялюбивая и надменная, а в душе кающейся и сокрушенной им невыносимо. Они ее немедленно покидают, освобождая место для благодати Божией.

Люди, ищущие Бога, пытаются Его рассмотреть в Его служителях. Ведь именно они должны отражать в себе Бога, которому служат. А те, в ком этого нет, становятся соблазном на пути ищущих. Особенно большим камнем преткновения являются нерадивые священники.

Правдой владеет тот, кто по правде живет.

Быть ревностным православным, практикующим католиком или активным протестантом – еще не значит быть истинным христианином.

Настоящий патриот тот, кто зовет свой народ к покаянию.

По-евангельски, родиться свыше – значит пробудить в себе природу Христа и начать по-сыновьи служить Богу Отцу.

Иисус Христос взял крест самоотречения и самопожертвования, и если ты не поступаешь подобным образом, как дерзаешь называть себя христианином?

Все по-настоящему великое рождается через страдание.

Отвести свой взор от Христа – значит уклониться от Евангелия. И уклониться от Евангелия – значит отвести свой взор от Христа.

Для христианина мерою всех ценностей должны являться Евангелие и образы евангельских святых – непревзойденными идеалами святости.

Не гордись, если соблюдая четвертую библейскую заповедь, седьмой день недели отдаешь Господу, потому что если только седьмой день, то кому остальные шесть?

В любом человеке всегда присутствует религиозное чувство. Пусть не у каждого в сердце Бог, но зато у каждого свой божок.

Боящемуся Бога в этом мире более бояться некого и нечего. Пусть страшится всего и всех тот, кто Бога не боится.

Наступило время, когда не отступление от Бога, но подвиг во имя Его становится соблазном для многих.

В нашей жизни самое великое и трудное – среди множества богов, созданных человечеством, найти единого истинного Бога, который некогда сотворил человека.

Не навлекай на себя искусственного гонения за веру. Они непременно наступят, как только по-настоящему станешь исполнять заповеданное Христом.

Наша трагедия в том, что большинство людей, спешащих в храмы, движимы не любовью к небесному, а страхом за земное.

Почему Христос не оставил свое учение в письменном виде?

Потому что Он Сам есть воплощенное Слово Бога Отца и напечатлевает Себя как Слово не на каменных скрижалях, не на бумаге, а на сердце человека, становясь неподвластным времени.

Евангелие – это вечная книга для всех времен и народов: и ее герои всегда среди нас. Когда Господь вступает в Иерусалим нашего сердца, мы радостно кричим Ему «Осанна!», но очень скоро каждому из нас приходится делать свой выбор между Христом и Ваввой.

Человек настолько знает Евангелие, насколько по нему живет.

Никакими аргументами не докажешь человеку отсутствие Бога, если Он человеку нужен. А кому не нужен, ничем не докажешь Его присутствие.

К стыду нашему, люд церковный ведет себя благоговейно зачастую только в храме, а вне стен его порою безобразно, как будто больше нигде Господь не пребывает и все живые существа не Божие творение.

Человеческие страсти есть неутолимая жажда реализации своих желаний. Пагубность страстей состоит в том, что они поглощают духовные силы человека, становясь целью его жизни.

Человечество погубит не дефицит кислорода, воды или энергоносителей, а дефицит совести.

Учение Христа в своей чистоте не может стать государственной идеологией, потому что оно не от мира сего, и всякие попытки приспособить учение к миру и ко времени влекут за собою его искажение, способное из христианства превратить его в антихристианство, что и произойдет ко времени антихриста.

Научно-технический прогресс – это дерзкий вызов Богу и природе. Это стихия уже никем и ничем не управляемая и все более охватывающая все сферы общественной жизни и превращающая человечество в рабов, увлекаемых навстречу духовной и физической гибели.

Бог нас учит познанию добра и зла, правды и лжи. А дьявол увлекает туда, где грани этих понятий стираются, – и наступает духовная слепота.

Умаляйся! Если хочешь, чтобы в тебе возрастал Бог.

Как много нужно сделать человеку, чтобы, наконец, понять, как мало ему надо.

В работе над собой человек обязан сделать все, что в его силах, тогда в будущем он обретет силу сделать и то, что сверх его сил.

Пусть желание быть с Богом останется твоим единственным желанием. И тогда ты уже здесь, на земле, станешь блаженным небожителем.

Когда бываешь в местах, обезображенных нашим бескультурьем, не спеши их покинуть, движимый болью и возмущением. Но попроси у Бога и природы прощение за наш род людской, так надругавшийся над творением Божиим.

Творческая натура при незрелости ума и духа ищет у мира сего признания и славы. Но умудренная жизнью душа, познавшая истинную цену этому миру, не ищет у него ничего.

Бог есть невидимая, но вечная реальность Вселенной, а все видимые творения Его – приходящие и уходящие вестники этой реальности.

Глубокое сострадание ко всем живым существам есть ключ к осознанию трагедии жизни. Не каждому дано здесь увидеть Царство Божие, но ад не сокрыт ни от кого.

Мы, люди, самим Христом призваны стать мудрыми, как змеи, и простыми, как голуби. И через это исцелиться от своего лукавства, которое путаем с мудростью, и избавиться от своей глупости, которую считаем простотой.

Пустой колос стоит прямо и гордо под небом, а полный смиренно склоняется к земле. И у них, как у людей.

Свое «я» можно уничтожить только путем исполнения наибольшей заповеди. Возлюби Господа Бога всем сердцем своим, всей душою своею, всем разумением своим – и тогда «я» расплавится в этой любви.

Падшее человечество стало горем Земли, ее раковой опухолью. Будущее подтвердит это окончательно.

Ушедший двадцатый атомный век захламил планету. Наступивший новый информационный век – призван захламить души людей.

Вино коварно, и горе тому, кто ищет в нем утешение. Оно освобождает от ума и совести и погружает в рабство алкогольного безумия, являющегося самой отвратительной формой самоубийства. Когда гибнет в душе сокровенное и прекрасное, а разрастается мерзкое и позорное, отравляющее жизнь всему окружающему.

Да, в каждом человеке есть искра Божья, но она только лишь искра среди бушующего пламени дьявольских страстей.

Духовно возрастать – значит расширять свое сознание, то есть все более пробуждать в себе голос живой совести.

Покаяние – это единственный путь, по которому всякий может совершить свой исход из мира, лежащего во зле, в Царство Божие.

Все виды творчества в своей сущности являются самовыражением, в котором утверждается собственное «я».

И только сотворение самого себя для Бога, то есть возвращение к первоначальному человеческому образу, является величайшим творчеством, где свое личное «я» растворяется в Боге.

Чем можно назвать совершаемое церковниками освящение военного оружия, если само изобретение его является преступлением перед Богом, человечеством и самой жизнью?

Нашедшему Христа более не нужно искать Правду, ибо он ее нашел. Теперь остается самое главное и самое трудное – эту Правду исполнить.

В христианском мире по-разному рассматривается вопрос о наличии и силе церковных таинств. Но ведь все в нас, людях. Благословение перед Богом любое служение в Церкви превращает в таинство. А наше нерадение – любое таинство превращает в ничто.

Каждый мыслящий при любой власти – инакомыслящий.

На земле свободного общества нет. Существуют лишь разные виды рабства.

Истинные христиане, то есть последователи Христа, всегда были и есть едины. Делятся и противостоят друг другу православные, католики и протестанты. Для того, чтобы им объединиться, нужно стать христианами.

Бог наделил человека свободой, и даже дьявол не в силах это нарушить. Из любой сокровищницы каждый человек выносит свое: добрый – доброе, а злой – злое. Даже из Библии ветхий человек берет ветхое, а новый берет новое.

Радуйтесь и благодарите Бога! Справедливость Его не обойдет никого. Смерть есть врата в Царство справедливости для всех. И рай, и ад будут по нашим заслугам.

Высокомудрствуя, иные убеждены, что для глубокого познания Божественной истины одного Евангелия недостаточно.

Рассуждающие так не ведают, что Евангелие, данное человечеству, есть ключ к великому знанию, тайны которого открываются по мере того, как мы, доверившись Евангелию, начнем исполнять все, заповеданное Христом.

Вроде веруем и думаем, что Бога любим, но боимся смерти так, как будто нас на том свете одни черти ждут. Лечимся и пьем пилюли усерднее, чем молимся, лишь бы только продлить годы земного существования, предпочитая неправду мира сего вечной правде мира иного.

Вот она и вера наша! Меньше горчичного зерна.

У каждого из нас на земле только два пути: или своими беззакониями распинать Христа, или в своей любви сораспяться с Ним.

Божий дар жизни мы, люди, своим грехопадением превратили в трагедию жизни и ввергли в эту трагедию не только самих себя, но и все живое на земле.

Истинное христианство есть образ жизни, в котором все силы сердца, души и разума направлены на стяжание любви к Богу и Его творению.

Люди пребывают в рабских узах своих страстей и оттого так несчастны, а ведь счастье – это свобода от самого себя.

От бедствующей ныне природы нас ждут неисчислимые бедствия, ибо вся история наша заключается в том, чтобы плевать в колодезь, из которого пьем.

Богачи нуждаются в особом сочувствии как самые малоимущие. Ведь им всегда мало.

Когда я был большим и совсем глупым, то молил Бога о каждой травинке. А теперь, поумнев и став совсем маленьким, прошу каждую травинку молиться обо мне.

Познание самого себя приносит плоды покаяния. В этом и есть начало истинного, а значит, спасительного знания. Не вкусив мучительной горечи плодов покаяния, не мечтай о сладости откровений Божиих.

Настоящий учитель не тот, кто учит других, а тот, кто живет для других.

Бог сотворил человека для счастья и указал к нему путь. Но человек сказал: «Нет, я лучше знаю, как быть счастливым!» – и пошел своей дорогой. Куда?

Глупый бежит за счастьем, пытаясь его поймать, а мудрый спокойно созидает его внутри себя.

Если мы, люди, додумались, что на земле «на все воля Божья», то, следуя логике нашего мышления, на грядущем Страшном суде главным обвиняемым во всех преступлениях должен быть сам Бог.

Разрушающий свой дух разрушает все вокруг.

Живущие по своей воле более всего любят говорить, что «на все воля Божья». Таким образом, пытаясь уйти от ответственности за свои поступки, они сваливают их на волю Всевышнего.

Покори самого себя, и тогда у тебя исчезнет желание покорять народы, космические пространства, горные вершины. Обретенная гармония твоей души вольется в гармонию Вселенной.

Отрекаясь от Бога, отрекаешься от человека в самом себе. Ибо если нет Бога, нет и человека, а есть лишь высокоорганизованное животное, непонятно для чего появившееся на Земле и обреченное на бессмысленное и недолгое существование.

СОДЕРЖАНИЕ

Вера перед лицом смерти.....	5
-------------------------------------	----------

ПАМЯТИ СВЯЩЕННИКА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА

НАТАЛИЯ БОЛЬШАКОВА

«Отдать себя до конца»

<i>Призвание Георгия Чистякова</i>	<i>9</i>
--	----------

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

«Он пошел за Христом до конца».

(Проповедь 23.06.2007)	18
------------------------------	----

«Преложившийся в жизнь вечную».

(Проповедь 24.06.2007)	19
------------------------------	----

Протоиерей АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

Слово на панихиде по кончине отца Георгия (25.06.2007)	22
--	----

Протоиерей ФЕОДОР РОЖИК

Слово на погребальной литургии (26.06.2007)	24
---	----

Протоиерей АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

Слово на погребальной литургии (26.06.2007)	27
---	----

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

Слово прощания у стен храма свв. бессребреников

Космы и Дамиана (26.06.2007)	30
------------------------------------	----

Протоиерей АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

Слово на погребении отца Георгия на

Пятницком кладбище (Москва) (26.06.2007)	31
--	----

Архиепископ ТАДЕУШ КОНДРУСЕВИЧ

Слово на погребении отца Георгия (26.06.2007).....	33
--	----

ТАЙНА ЖИЗНИ И СМЕРТИ

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ

«Священное Писание о смерти»37

ВЛАДИМИР ФРЕНКЕЛЬ

«Порог и воскресение».....48

ВЛАДИМИР СОРОКИН

«Библейское отношение к смерти»59

АНТУАН ШАТЛАР

«Смерть, которую ждут» (пер. с франц.)78

О СМЕРТИ И СТРАДАНИИ

Святитель ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

«Письма»101

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)

«Смерти нет»105

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ

«Из письма к о. Всеволоду Рожко»108

КЛАЙВ С. ЛЬЮИС

«Исследуя скорбь» (пер. с англ.)110

ЖИЗНЬ БУДУЩЕГО ВЕКА

Протоиерей СЕРГИЙ БУЛГАКОВ

«Жизнь за гробом».....137

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ

«Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века»153

Беседа со священником ВЛАДИМИРОМ ЛАПШИНЫМ	
«О христианском эсхатологизме»	156

О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ

К 70-летию со дня мученической кончины священника Анатолия Жураковского	
СЕРГЕЙ КОКУРИН	
«Быть ближе к Богу»	169

АНАТОЛИЙ ЖУРАКОВСКИЙ	
«К вопросу о вечных муках»	179

Протоиерей ИГОРЬ ПРЕКУП	
«Теоретическая основа формирования понятия страха Божия»	199

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН	
«Живем ли мы для вечности» (проповедь)	215
«Рождение в новую жизнь» (проповедь)	218
Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ	
«Иисусова молитва»	221

О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЕРТВЫЕ

НАТАЛИЯ БОЛЬШАКОВА	
«Связь миров». Вместо предисловия	239
Монахиня ТАИСИЯ (КАРЦОВА)	
«Посвящается памяти моей матери»	245
«Опять в Польше»	250

Монахиня СИЛУАНА (ГУЛЯЕВА-ГУРЕВИЧ)

«Memento mori»256

«Рассказ монахини»259

ХРИСТИАНСТВО И ТВОРЧЕСТВО**ЛИЛИЯ РАТНЕР**

«Жизнь и смерть в восприятии художника»283

К 125-летию со дня рождения и к 70-летию мученической кончины
священника Павла Флоренского

ДЖОВАННИ ГУАЙТА

«Религия и культура в служении священника-интеллектуала
в атеистическом государстве. Павел Флоренский
и Александр Мень»292

ВЕРА И ЖИЗНЬ**Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)**

«Родник любви» (памяти архимандрита Павла Груздева)....317

ВЛАДИМИР ЛАДИК

Афоризмы326

SOMMAIRE

La foi face à la mort	5
------------------------------------	---

IN MEMORIAM DU PRÊTRE GEORGE TCHISTIAKOV

NATALIA BOLCHAKOVA

«Donner soi-même jusqu’au bout»

<i>La vocation du P. G. Tchistiakov</i>	9
---	---

Prêtre VLADIMIR LAPCHINE

«Il a suivi le Christ jusqu’au bout». (Homélie 23.06.2007)	18
--	----

«Changé en vie éternelle». (Homélie 24.06.2007)	19
---	----

Archiprêtre ALEXANDRE BORISSOV

Homélie lors des funérailles du P.G.Tchistiakov (25.06.2007)	22
---	----

Archiprêtre FEODOR ROZHIK

Homélie lors de la liturgie funéraire (26.06.2007)	24
--	----

Archiprêtre ALEXANDRE BORISSOV

Homélie lors de la liturgie funéraire (26.06.2007)	27
--	----

Prêtre VLADIMIR LAPCHINE

La parole d’adieux devant les murs de l’église de St Côme

et Damien (26.06.2007)	30
------------------------------	----

Archiprêtre ALEXANDRE BORISSOV

Homélie lors de l’enterrement du P. G. Tchistiakov

(26.06.2007)	31
--------------------	----

Archevêque TADEUSZ KONDRUSIEWICZ

Homélie lors de l’enterrement du P. G. Tchistiakov

(26.06.2007)	33
--------------------	----

LE MYSTERE DE LA VIE ET DE LA MORT**ANDRÉ DESNITSKY**

«L'Ecriture sur la mort».....37

VLADIMIR FRENKEL

«Seuil et résurrection»48

VLADIMIR SOROKIN

«L'approche biblique de la mort»59

ANTOINE CHÂTELARD

«La mort qu'on attend» (trad. du français.).....78

SUR LA MORT ET LA SOUFFRANCE**Evêque THÉOPHANE LE RECLU**

«Lettres»101

Archimandrite VICTOR MAMONTOV

«La mort n'existe pas».....105

Archiprêtre ALEXANDRE MEN

«Lettres au Père Vs. Rozhko».....108

C. S. LEWIS

«Réfléchissant sur la douleur» (trad. de l'anglais.).....110

LA VIE DU SIECLE A VENIR**Archiprêtre SERGE BOULGAKOV**

«La vie au-delà».....137

Archiprêtre ALEXANDRE MEN«J'attends la résurrection des morts et la vie
du siècle à venir»153

Entretiens avec le Père VLADIMIR LAPCHINE

«Sur l'eschatologie chrétienne»156

SUR LA MEMOIRE DE MORT

70 anniversaire de du martyre du P. Anatol Jourakovsky

SERGE KOKOURINE

«S'approcher de Dieu»169

ANATOL JOURAKOVSKY

«Sur les tourmentes éternelles»179

Archiprêtre IGOR PREKUP

«Le fondement théorique de la formation de la crainte
de Dieu»199

LA PAROLE DE PASTEUR**Prêtre VLADIMIR LAPCHINE**

«Est-ce que nous vivons pour l'éternité» (Homélie)215

«La naissance pour la vie nouvelle» (Homélie).....218

Prêtre GEORGE TCHISTIakov

«La prière de Jésus».....221

DE QUOI PARLENT LES MORTS**NATALIA BOLCHAKOVA**

«Le lien entre les monde». En guise de préface239

Mère TAISSIA KARZOVA

«A la mémoire de ma mère»245

«Encore en Pologne»250

Mère SILOUANE GOULYAEVA-GOUREVITCH

«Memento mori»	256
«Le récit d'une moniale»	259

CHRISTIANISME ET CRÉATIVITÉ**LILIA RATNER**

«La vie et la mort dans la perception d'artiste»	283
--	-----

Deux anniversaires: 125 ans de la naissance et 70 ans du martyre
du P. Pavel Florensky

GIOVANNI GUAITA

«La religion et la culture dans le ministère des prêtres-intellectuels dans un État athée. Pavel Florensky et Alexandre Men»	292
---	-----

FOI ET VIE**Archimandrite VICTOR MAMONTOV**

«La source de l'amour» (in memoriam de l'archimandrite P. Grouzdev)	317
--	-----

VLADIMIR LADIK

Aphorismes	326
------------------	-----

CONTENT

Faith in the Presence Of Death	5
---	----------

IN MEMORY OF THE FATHER GEORGY CHISTYAKOV

NATALIA BOL'SHAKOVA

To Give Oneself up to the End

<i>Fr. Georgy Chistyakov's Calling.....</i>	<i>9</i>
---	----------

FR. VLADIMIR LAPSHIN

Sermon "He Followed Christ up to His Last Breath"

(23.06.2007).....	18
-------------------	----

Sermon "He Who Has Changed Himself into the Eternal Life"

(24.06.2007).....	19
-------------------	----

The Archpriest ALEXANDR BORISOV

Sermon at the service after Fr. Georgy's death (25.06.2007)	22
---	----

The Archpriest FEDOR ROZHIK

Sermon at the funeral service (26.06.2007).....	24
---	----

The Archpriest ALEXANDR BORISOV

Sermon at the funeral service (26.06.2007).....	27
---	----

FR. VLADIMIR LAPSHIN

The parting sermon said near the Church of St. Cosmas & Damian the Holy Unmercenaries (26.06.2007).....	30
--	----

The Archpriest ALEXANDR BORISOV

Sermon during the burial of Fr. Georgy

at Piatnitskoye Cemetery (Moscow, 26.06.2007)	31
---	----

The Archbishop TADEUSZ KONDRUSIEWICZ

Sermon during the burial of Fr. Georgy (26.06.2007)	33
---	----

A MISTERY OF LIFE AND DEATH

ANDREY DESNITSKY

Holy Scripture on Death37

VLADIMIR FRENKEL'

The Verge and Resurrection.....48

VLADIMIR SOROKIN

Biblical View of Death59

ANTOINE CHÂTELARD

“The Death That Is Waited For...” (translated from French)78

ON DEATH AND SUFFERING

St. THEOPHANE THE RECLUSE

From “The Letters”101

The Archmandrite VIKTOR MAMONTOV

“There Is No Death”105

The Archpriest ALEKSANDR MEN'

From “The Letter to Fr. Vsevolod Rozhko”108

CLIVE STAPLES LEWIS

From “A Grief Observed” (translated from English).....110

THE LIFE OF THE AGE TO COME

The Archpriest SERGEY BULGAKOV

Afterlife.....137

The Archpriest ALEKSANDR MEN'

“I Look for the Resurrection of the Dead, and the Life of the Age to Come”153

An interview with FR. VLADIMIR LAPSHIN

On Christian Eschatology156

ON THE DEATH MEMORY

Commemorating the 70 years of the Fr. Anatoly Zhurakovsky's martyrdom

SERGEY KOKURIN

To Be Nearer to God169

FR. ANATOLY ZHURAKOVSKY

On the Problem of the Eternal Damnation.....179

The Archpriest IGOR' PREKUP

Theoretical Foundations for the "God's fear" Concept199

PASTOR'S WORD**FR. VLADIMIR LAPSHIN**

Sermon "Whether We Are Living for the Eternity..."215

Sermon "A Birth for the New Life"218

FR. GEORGY CHISTYAKOV

Jesus's Prayer221

WHAT OUR DEPARTED ARE SPEAKING ABOUT**NATALIA BOL'SHAKOVA**

The Link between the Worlds: A Foreword239

Nun TAISIA (KARTSOVA)

Commemorating My Mother245

In Poland Again250

Nun SILUANA (GULIAEVA-GUREVITCH)

Memento mori	256
A Story of a Nun	259

CHRISTIANITY AND CREATIVITY**LILIA RATNER**

The Artist's Perception of Life and Death	283
---	-----

Commemorating the 125 anniversary and the 70 years
of the martyrdom of Fr.Pavel Florensky

JOVANNI GUAITA

Religion and Culture in the Ministry of the Priest and Intellectual in the Atheistic State: Pavel Florensky and Aleksandr Men'	292
---	-----

FAITH AND LIFE**The Archmandrite VIKTOR MAMONTOV**

A Spring of Love: In Memory of the Archmandrite Pavel Gruzdev	317
--	-----

VLADIMIR LADIK

Aphorisms	326
-----------------	-----

**Международным Благотворительным Фондом
имени Александра Меня (Рига, Латвия)
изданы (1991–2007)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XVI

Книги:

Протоиерей Александр Мень

«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» – Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь» Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса

«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»

(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель.

Икона Пресвятой Троицы преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская

«Пастырь» (Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –

Учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» – Духовное учение Евагрия Понтийского об унынии

Наталия Большакова

«Христианство осуществимо на земле»

Адрес редакции:

Alexander Men' International Charity Fund
Kr. Valdemara 121 – 1
Riga LV1013
LATVIA

Phone: +371 7361909

E-mail: vasilij@mailbox.riga.lv

